

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва 1993

042(02)I

Редколлегия:

Д.и.н. КУЧКИН В.А. (ответственный редактор)

К.и.н. БУРДИНА О.Н. (ответственный секретарь)

ISBN 5-201-00671-X

© Институт российской истории РАН,
1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник "Исследования по источниковедению истории России" является продолжением издания подобных сборников, осуществляемых Центром по изучению и публикации источников с 1973 г., но под другим названием.

Данный сборник содержит новые исследования источников по российской истории преимущественно ХУШ – начала ХІХ в. Открывают же сборник две статьи, посвященные материалам более раннего времени. Л.Л.Муравьева исследует вопрос о начале ведения летописных записей в Троице-Сергиевом монастыре. ("О начале летописания в Троице-Сергиевом монастыре"). Эта проблема рассматривается сквозь призму создания и переписывания знаменитой пергаментной Троицкой летописи, сгоревшей в занятой Наполеоном Москве в 1812 г., других более поздних летописных памятников, обретающихся в Троице в ХУ-ХУІ вв. Статью отличает комплексный подход к проблеме, хотя надо иметь в виду, что при создании в ХУІ в. летописи о собственно монастырских событиях троичским составителям пришлось использовать записи летописного характера на богослужбных книгах. Остроумно воссоздает содержание правительственных указов 50-60-х гг. ХУІ в. о выкупе родовых вотчин С.Н.Кистерев в статье "К источниковедению Указной книги Поместного приказа". Новые наблюдения под изменением формуляров документов как гражданского, так и военного делопроизводства, установленных российским законодательством первой четверти ХУШ в., сделаны А.А.Лукашевичем в статье "Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти ХУШ века". Общим вопросам упорядочения законодательства в России, Пруссии, Австрии в ХУШ – начале ХІХ в. посвящено исследование А.Н.Медушевского "Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи просвещенного абсолютизма. Сравнительное историко-правовое исследование".

Обстоятельно и тонко проанализировал в статье "Из комментариев к "Замечаниям о бунте"" Р.В.Овчинников замеча-

ние А.С.Пушкина о казни одного из сподвижников Е.И.Пугачева Т.И.Подурова и относящиеся к этому делу документы, в том числе секретные, к которым поэт так и не был допущен.

Широкая картина деятельности семьи Демидовых в Италии нарисована Ю.П.Глушаковой в статье "Демидовы в Тоскане. Новые источники о русско-итальянских культурных связях". Обнаружены не только новые документы о пребывании крупных русских промышленников и вельмож в одном из итальянских городов, но и изобразительные материалы, анализ которых с применением методов, разрабатываемых в Институт судебной экспертизы, помог установить, что на одной из акварелей изображен М.Ю.Лермонтов.

В.А.Иванов в статье "О репрезентативности комплекса послужных списков служащих местных государственных учреждений (к методике анализа)" определяет степень представительности сохранившихся за 50-е гг. XIX в. формулярных списков штатных чиновников Московской и Калужской губерний в сравнении с общим штатом учреждений этих губерний. Н.П.Востокова посвятила свое исследование описанию разысканий и оценке владенных записей - документов на владение общиной государственных крестьян землей ("О характере источников по истории реформы 1866 г. в государственной деревне и приемы их разыскания"). Завершает сборник статья Е.В.Синицыной "Ростовские хронографы и хронограф Спасского монастыря в составе библиотеки Ярославского архиерейского дома". Путем скрупулезного сопоставления свидетельств библиотечных описей Ярославского архиерейского дома Е.В.Синицына, кажется, окончательно решила вопрос о месте хранения рукописи со "Словом о полку Игореве": личное собрание Иоила Быковского.

Редакция и авторы сборника с грустью и теплой благодарностью вспоминают безвременно ушедшего из жизни Владимира Борисовича Павлова-Сильванского, в свое время взявшего на себя труд по рецензированию статей сборника.

К ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ УКАЗНОЙ КНИГИ ПОМЕСТНОГО ПРИКАЗА

Указная книга поместного приказа представляет собой один из важнейших источников, сохранивших до нашего времени в своем составе большое количество не известных по другим материалам законодательных актов второй половины XVI — первой половины XVII в. Однако некоторые из этих актов включены в Указную книгу лишь в кратком пересказе, что подчас крайне затрудняет для исследователя понимание смысла имеющегося текста.

Сказанное относится и к указу о расценке вотчинных земель при осуществлении права родового выкупа, впервые отнесенному В.Н.Сторожевым при публикации Указной книги к 1620/21 г.¹ По мнению исследователя, интересующий нас текст должен выглядеть следующим образом: "До московского разоренья написано было в Судебнике выкупать вотчину с продажи, а (в нынешнем 129 году велено тот указ отставить и)² давать на выкуп в Московском уезде и в Звенигороде на Коломне по рублю четь, в Можайском в Рузе на Волоке на Ламском в Верее в Старице во Твери в Клине в Дмитрове в Кашине на Углече в Переславле Залесском в Ростове и в иных городех от Москвы за двесте верст по три осьмины рубль, в Ярославле на Костроме и в иных дальних городех по полтине четь, на Рязани по два рубли четь, в заотцких городех по рублю четь"³.

Недавно изложение указа было вновь опубликовано с включением в текст предложенной В.Н.Сторожевым конъектуры и сохранением установленной им же датировки⁴. Однако при этом интересующий нас текст был искусственно вырван из источника, что, на наш взгляд, далеко не способствует его лучшему пониманию, а с принятием весьма спорной реконструкции В.Н.Сторожева делает сомнительной возможность его правильной интерпретации. Данное обстоятельство вынуждает вновь обратиться непосредственно к архивному материалу и воспроизвести полностью интересующую нас часть Указной

книги:

"Лета 7006-го июля в 10 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярину Ондрею Васильевичю Ситцкому да Якову Михайловичю Боборыкину да дьяком Неупокою Кокошкину да Венедикту Махову да Бажену Степанову.

В памяти в Володимерской в Судной приказ к боярину ко князю Ивану Никитичю Одоевскому да ко князю Роману Ивановичю Гагарину да к дьяку к Ивану Лговскому за твоею Неупокоюю приписью написано: велети б выписати из государевых в старых и из новых указов и из боярских приговоров, в Московском уезде и во всех городех вотчинных земель старых и купленных по чему на выкуп четь пашни велено давати, где четвертная пашня написана по писцовым книгам, а которые земли в писцовых книгах не написаны, и те земли мерять ли, и по новой ли мере тое землю на выкуп давати и что за четь денег выкупу в Московском уезде и в дальних городех, которые города ведомы в Володимерском в Судном приказе.

И сыскано в Володимерском в Судном приказе в переписной книге за приписью дьяка Микиты Левонтьева 129 году написано:

Список с росписи слово в слово, какова роспись в Володимерском в Судном приказе дьяка Герасима Мартемьянова написано ево рукою вотчинным землям в нынешнем во 129-м году

До московского разоренья написано было в Судебнике выкупать вотчину с продажи, а давати на выкуп в Московском уезде и в Звенигороде, на Коломне по рублю четь, в Можайску, в Рузе, на Волоке на Ламском, в Верее, в Старице, во Твери, в Юлине, в Дмитрове, в Кашине, на Углече, в Переславле Залеском, в Ростове и в иных городех от Москвы за двесте верст по три осьмины рубль, в Ярославле, на Костроме и в иных дальних городех по полтине четь, на Резани по два рубли четь, в заотцких городех по рублю четь. А подлинная земляная роспись Герасима Мартемьянова вклеена в столпу во 129-м году. Припись у памяти дьяка Ивана Лговского⁵.

В приведенном тексте по сравнению с публикацией

В.Н.Сторожева⁶ расставлены знаки препинания, выделены абзацы и исправлены допущенные им мелкие ошибки в передаче текста.

Перед нами обычная память из Владимирского Судного приказа в ответ на запрос из Поместного приказа о наличии текстов законодательных актов после московского пожара 1626 г. Списков указов по интересующему вопросу в Судном приказе не сохранилось или не было найдено, и дьяк И.Льговской направил в ответ список с росписи, составленной Г.Мартемьяновым в 129-м году (1620/21 г.).

Вполне естественным представляется тот факт, что составленная роспись тогда же была включена в состав некоего дела, для нужд рассмотрения которого, вероятно, и предназначалась. Тем самым дату "129 год" мы можем совершенно уверенно относить к созданию росписи Г.Мартемьянова, но это вовсе не обязывает нас относить к этому времени и обнаружение указа о выкупе вотчин, к чему с помощью реконструкции призывал В.Н.Сторожев. Предлагая эту реконструкцию, последний исходил из ошибочного мнения об испорченности текста. Его, вероятно, смущало выражение "выкупать вотчину с продажи", которое он понимал как "выкупать по цене, указанной в купчей". При такой интерпретации текста необходима была конъектура, чтобы устранить образующееся в данном случае смысловое противоречие. На самом же деле, выражение "с продажи" означает лишь, что речь идет именно о продажных, а не об отчужденных каким-либо иным путем вотчинах.

В настоящий момент мы располагаем еще одним вариантом текста росписи Г.Мартемьянова, сохранившимся в столбцах Поместного приказа. Этот вариант представляет собой изложение памяти из Владимирского Судного приказа за приписью того же дьяка И.Льговского по делу 138 г. (1629/30 г.) о выкупе Вторым Шестаковым "родственной своей вотчины" у Андрея и Тихона Ивановых детей Чепчуговых. Упомянув, что в спорной вотчине по писцовым книгам кн. Ивана Звенигородского 1561/62 г. значилось пашни 163 чети, составитель памяти продолжает: "А что дати Второму Шестакову за вотчину выкупу, и в Володи-

мерском Судном приказе дьяка Гарасима Мартемьянова роспись написана ево рукою вотчинным землям 129-го году: до московского разоренья было написано в Судебниках выкупати вотчину ис продажи, а давать на выкуп в Дмитрове и в иных городех от Москвы за двесте верст по три осмины за рубль. Второму Шестакову дать выкупу сто восемь рублей дватцать два алтна две деньги"⁷.

Сопоставление двух приведенных вариантов текста росписи дьяка Г.Мартемьянова не оставляет сомнений, что указ, установивший твердые цены при выкупе родовых вотчин, нельзя относить к 1620/21 г., что этим годом датируется лишь составление самой росписи, а указ был издан "до московского разоренья" и входил в число дополнительных статей к Судебнику 1550 г. Это косвенно подтверждается и текстом указа о форме жалованных грамот на вотчины, данные за "московское осадное сиденье", относящемся к 1618/19 г., где читаем: "А хто будет роду ево (пожалованного лица - К.С.) тое вотчину из монастыря похочет выкупить, и ему та вотчина выкупать ценою по государеву указу против дач, околько в ней в даче четвертные пашни написано, а дать за четверть по полтине; а будет продаст (пожалованное лицо - К.С.) в чужой род, а хто будет роду их захочет тое вотчину выкупить, и ему выкупать по прежнему уложению, как их родовне и купленне вотчины выкупают"⁸. Вряд ли можно утверждать, что под "прежним уложением" подразумевается что-либо помимо Судебника Ивана IV с дополнительными статьями.

Следует обратить внимание на тот факт, что роспись Г.Мартемьянова, подразумевая под лицом, выкупающим вотчину, именно светского землевладельца, никоим образом не определяет его контрагента в выкупной сделке. Если исходить из датировки указа о расценках земель при выкупе, предложенной В.Н.Сторожевым (1620/21 г.), то можно сослаться на только что цитированный нами указ 1618/19 г., устанавливающий для выкупа земли у монастырей особую цену "за четверть по полтине", что будет означать отнесение расценок росписи Г.Мартемьянова только к случаям выкупа вотчин у светских

лиц. Однако мы уже видели, что интересующий нас указ о расценках относится к более раннему времени. Следовательно, мы не можем твердо определить пассивную сторону выкупной сделки в росписи непременно как светское лицо. В то же время установление особой цены четверти земли при выкупе вотчин у монастырей, содержащейся в указе о форме жалованных грамот за "осадное сиденье" 1618/19 г., безусловно, является новшеством, ибо, во-первых, касается выкупа выслуженных вотчин, а во-вторых, явно изменяет нормы "прежнего уложения", то есть Судебника 1550 г. с дополнительными статьями. Данное обстоятельство заставляет обратиться к решению вопроса о времени законодательного утверждения цен при выкупе вотчин у монастырей и размерах цены за четверть до 1618/19 г., что позволит установить возможность применения расценок росписи Г.Мартемьянова в выкупных сделках с духовными корпорациями. Другими словами, вводились ли правила выкупа родовых вотчин у светских землевладельцев и монастырей единым законодательным актом или имели место различные указы, соответственно предусматривавшие и различные нормы.

Попробуем для начала определить дату установления твердых цен для выкупа родовой вотчины у светских лиц. Прежде всего обратимся к ст. 85 Судебника 1550 г., впервые в известном нам русском законодательстве затронувшей вопрос о родовом выкупе: "Ито вотчину продаст, и детям его и внучатом до той вотчины дела нет, и не выкупити ее им; а братья будут или племянники в тех купчих в послусах, и им и их детям и внучатом до той вотчины по тому же дела нет. А не будет братья в послусах или племянников, и братья или сестры и племянники ту вотчину выкупят. А станет тот купец ту вотчину продавати, и продавцом вотчина у них купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст; а не полюбовно ему вотчины не выкупити"⁹.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение вопроса об установленных в данной статье правилах выкупа, отметим лишь, что в ее тексте ничего не говорится о зависимости цены вотчины от количества четей пашни и не устанавливается

жесткой цены одной чети, а это позволяет принять 1550 г. в качестве одной из крайних дат в определении времени установления твердых цен за четверть при выкупе вотчины у светских лиц, тем более, что и роспись Г.Мартемьянова указывает в качестве своего источника Судебник. Вторую крайнюю дату поможет найти сохранившийся актовый материал.

В 1516/17 г. братья Василий, Елизар, Никита Ивановы дети Пересветова произвели раздел доставшейся им после отца вотчины. Василию отошли деревни Синцово и Олексино, а остальные братья поделили по жребиям сельцо Константиновское и по овину деревни Мануилово¹⁰. Владельцы сельца, по всей видимости, не имели потомства, так как в 50-х гг.

XVI в. оно под названием Константиновское Татищево принадлежало вдове В.И.Пересветова Орине и ее детям. Между сентябрем 1555 г. и августом 1558 г. Орина с детьми продали треть сельца Татищева и деревню Синцово и заложили другую треть того же сельца Ивану Олферьеву сыну Аврамьеву¹¹. Однако новому владельцу недолго пришлось пользоваться приобретенными владениями, ибо очень скоро на них заявил свои права неожиданно выскавшийся вотчич – Меньшой Константинов сын Ростопчин предъявил иск о выкупе вотчины "в жены его место". О ходе и результате судебного разбирательства по этому делу мы можем судить по приписке к закладной кабале Орины и ее сына Ивана Васильевича Пересветовых И.Аврамьеву на треть сельца Татищево, имеющуюся в нашем распоряжении, к сожалению, лишь в копии 1675 г.

Из нее явствует, что Иван IV указал М.К.Ростопчину "по суду у Ивана да у Суботы Олферьевых по сим купчим грамотам и кабалам две трети сельца Константиновского Татищева да деревню Пестижи Синцова да деревню Романцово выкупати в меру... И царь и великий князь велел Меньшему Ростопчину в жены его в Матренино место Ивану да Суботе за ту вотчину дати денги по мере дмитровского городского прикащика Василья Татищева и по их челобитью всего сто рублев и дватцать два рубля и два алтина и полторы денги"¹². Здесь для нас весьма существенны два момента: во-первых,

в цитируемом тексте содержится прямое указание на тот факт, что земля при выкупе измерялась и цена выкупаемой вотчины зависела от результатов этого измерения, и это говорит, в свою очередь, о наличии четко зафиксированной цены за единицу площади, то есть за четверть, ибо отсутствие такой цены делало бы само измерение бессмысленным; во-вторых, данное правило сохранялось не только при выкупе проданной, но и заложенной вотчины, хотя роспись Г.Мартемьянова говорит о выкупе "с продажи".

В конце приписки о выкупе М.К.Ростопчиним сельца Татищево в деревнях содержится дата — "лета 7070-го марта в 17 день"¹³. Однако было бы неверно относить к ней время суда и вынесения приговора о выкупе. Дело в том, что также в копии сохранилась купчая той же О.Пересветовой М.К.Ростопчину на последнюю оставшуюся в ее владении треть сельца Татищево, датированная 7069 г. (1560/61 г.), причем в ее тексте указывается, что эта треть продана "к его двема третям", то есть к моменту оформления купчей Ростопчин уже успел выкупить у Олферьевых-Аврамьевых остальные части вотчины. Поэтому мы можем заключить, что дата приписки "лета 7070-го марта в 17 день" относится, скорее всего, к акту записи вотчины за М.К.Ростопчиним в Поместном приказе, а сам выкуп у Олферьевых датировать не позднее 7069 г., то есть не позднее августа 1561 г., что и является искомой нами второй крайней датой издания законодательного акта, оформившего расценки вотчинных земель при осуществлении права родового выкупа у светских землевладельцев. Тем самым приходим к выводу, что данные расценки были установлены правительством в промежутке между 1550 г. и августом 1561 г.

Актовый материал и законодательные памятники позволяют определить и время установления расценок при выкупе родовых вотчин у духовных корпораций.

Примерно к тому же времени, что и тяжба М.К.Ростопчина с Олферьевыми-Аврамьевыми, относится отступная запись Ю.И.Ширяева-Нелединского архимандриту Симонова монастыря Макарию на сельцо Перемут с деревнями в Ясеницком стану

Бежецкого верха. Еще в 1527/28 г. его дядя Степан Александрович Нелединский продал свою вотчину село Перемут монастырю¹⁴. Ю.И.Нелединокский решил много лет спустя воспользоваться своим правом вотчича и выкупить имение. По царскому указу суд правил боярин Михаил Васильевич Глинский, который "после суда своего послал в то сельцо в Перемут с деревнями и с пустошми мерщика з Городецка сына боярского Ивана Измайлова сына Каменского". После обмера вотчины М.В.Глинский велел тяжущимся сторонам стать перед боярами в Бежецкой избе, где истец должен был заплатить монастырским властям зыкупную сумму в размере 225 рублей "по мерному списку". Ю.И.Нелединский не смог собрать необходимую сумму и вынужден был отказаться от своих прав, дав отступную запись¹⁵.

Здесь крайне важно указание в тексте, что цена выкупаемой вотчины определяется путем ее измерения, что свидетельствует о наличии фиксированной цены за единицу земельной площади. А это значит, что в это время цена четверти при выкупе вотчин у духовных корпораций уже законодательно определена. Однако хронологическая локализация тяжбы Ю.И.Нелединского с монастырем требует дополнительных исследований.

Подлинник акта содержит дату "7069 год" и, соответственно, в публикации, подготовленной Л.И.Ивиной, документ датируется 1560/61 г. Эта же датировка приведена и в монографии Л.И.Ивиной¹⁶. С.А.Шумаков относил составление отступной к 1561 г.¹⁷ Уточнение датировки облегчается наличием во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря записи, гласящей: "68-го году декабря в II день по князе Михаиле Васильевиче Глинском дали вкладу князь Иван Иванович Пронской да князь Дмитрий Михайлович Жижемской, да дьяк Путило Михайлов, Василей Степанов по его князь Михайлову приказу 500 рублей"¹⁸. На основании этой записи А.А.Зимин датировал смерть М.В.Глинского сентябрем-декабрем 1559 г.¹⁹. Следовательно, суд между Ю.И.Нелединским и Симоновым монастырем мог состояться только до декабря 1559 г. В то же время

местонахождение кн. М. В. Глинского за большую часть этого года хорошо прослеживается по Разрядам. 11 марта он назначен в передовой полк против крымского хана Девлет Гирея²⁰. Отпущены были воеводы "з Деилова", и с ними — М. В. Глинский, 23 августа. Отсюда можно сделать вывод, что произведенное им судебное разбирательство должно относиться к осени 1559 г., а значит законодательство, фиксирующее твердые цены выкупной четверти, можно датировать не позднее этого времени.

Обмер вотчинных владений не мог быть произведен немедленно. В тексте документа содержится очень интересная запись: "Иван Измайлов сын Каменской ... нам посрочил стати на Москве перед царевыми бояры великого князя в Бежецкой избе на отписной срок лета 7060 девятого, как немецкие воеводы месяц спустя с конех ссядут..."²¹ Если бы мы допустили, что И. И. Каменский производил обмер земли осенью 1559 г., то назначение срока явки в Бежецкую избу по меньшей мере через год выглядело бы весьма странным. В то же время до сентября 1559 г. еще продолжалось перемирие с Ливонским орденом, никаких военных действий не велось, а значит никак нельзя было предполагать, что год спустя таковые действия могут быть прекращены, а именно это скрывается под формулой "как немецкие воеводы ... с конех ссядут". Скорее всего, И. И. Каменский производил обмер подлежащих выкупу земель где-нибудь летом 1560 г., а срок явки "перед бояры" назначил, исходя из полученных известий о взятии русскими войсками крепости Феллина и пленении магистра Фюрстенберга, которые достигли Москвы 30 августа 1560 г.²²

В пользу такого суждения говорят и свидетельства Разрядов о службах кн. Ю. И. Темкина-Ростовского, который должен был ведать это дело в Бежецкой избе. 20 октября 1559 г. он назначен первым воеводой Большого полка в Ливонию, в январе следующего года направляется в Псков²³, а это значит, что зимой 1560/61 г. ему было не до разбирательства земельных споров. Тем самым мы можем датировать отступную запись Ю. И. Нелединского октябрем-декабром 1560 г. и, следовательно, разбирательство спора о выкупе вотчины продолжалось в различных инстанциях более года.

Упоминание зависимости выкупной цены вотчины от площади пахотных земель встречается в указе об условиях родового выкупа от 15 августа 1557 г.: "а которые вотчичи учнут вотчину выкупати у монастырей по духовным грамотам, а учнут будет бити челом о мере, а духовные будут подписаны и запечатаны, а будет преже того те духовные не вершены, о том не били челом, что в духовной на вотчину цена написана велика, от вотчичев ухитряючи, и по тем духовным вотчичем меры не давати, а платити им цена по духовным грамотам, что в духовных написана; а которые вотчичи бьют челом о том, докуды духовная не запечатана и не свершена, и тем вотчичам давати на вотчину мерщиков, и выкупати вотчины по мере, чего вотчина стоит..."²⁴. Указ не вводит обычай измерения земли при выкупе вотчин, а говорит об этом измерении как о сложившейся уже практике. Законодатель устанавливает здесь лишь правило выкупа "по мере" до момента запечатывания духовной, то есть утверждения ее духовными властями. Следовательно, законодательное оформление выкупа вотчин у монастырей по твердым расценкам предшествовало указу 15 августа 1557 г. Здесь следует обратить особое внимание на то, что эти твердые расценки действуют как при выкупе проданных духовным корпорациям вотчин, так и доставшихся им по завещаниям светских лиц.

То же самое относится и к выкупу вотчин, перешедших к монастырям по данным грамотам, в чем убеждает пример деревни Рудлево Чудского стана Кашинского уезда. В 1549/50 г. Десятой Степанов сын Карабузина дал вкладом игумену Троицкого Калязина монастыря Иннокентию выть этой деревни, специально оговорив, что оставшиеся у него две выти после его смерти последуют за первой²⁵. Видимо, вкладчик после этого прожил недолго, так как уже в 1555 г. монастырю принадлежала вся деревня. Именно в этом году брат усопшего Иван Степанов сын Карабузина предъявил свои права на вотчину, вознамерившись выкупить ее у очередного калязинского игумена Гурия, но в последний момент отказался от этого предприятия. "И з доклада государя царя и великого князя, - пишет он в сентябре 1555 г., - околничий и дмитровской

дворецкий Ондрей Александрович Квашнин ту отчину три выти в деревне в Рудлеве присудил мне Ивану выкупити у игумена у Гурия з братьею в меру и дал мне мерщика кашинского родового приказчика Ивана Офонасьева сына Вражского. И яз Иван не дожидался на земле мерщика да в той вотчине с игуменом Гурием помирился..."²⁶ Не задаваясь вопросом о причинах отказа И.С.Карабузина от своих прав, отметим, что уже летом 1555 г. идет речь о выкупе родовой вотчины у монастыря "по мере", а следовательно, и с применением фиксированной цены за единицу площади, ибо, как уже говорилось, только наличие такой цены придает измерению какой-либо смысл. Тем самым и законодательное утверждение этой цены мы можем датировать до сентября 1555 г.

Особое значение для определения интересующей нас даты имеет текст Соборного приговора 1 мая 1551 г. В части, трактующей вопрос о выкупе родовых вотчин, читаем: "А которые люди наперед сего и по ся мест вотчины свои в монастыри давали по своим душам и родителей своих по душам в вечной поминок или которые вперед учнут по тому же вотчины давати в вечной же поминок, и тех вотчин у монастырей никому же никакo не выкупати. А которые люди вотчины свои в монастыри по ся места давали, да и вперед которые учнут вотчины свои давати в монастыри, а напишет хто в духовных и в даных и во всяких крепостех: "кому будет до их вотчины роду, и их род искуп дадут сталко, сколко в духовной или в иных в которых крепостях написано дати выкупу", и те вотчины вотчичем выкупати по духовным и по даным крепостям по старине по тем же указом, как было при великом князе Иване Васильевиче всеа Русии и при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии"²⁷.

Цитируемый текст ничего не говорит о возможности измерения земли при осуществлении права родового выкупа, а цена выкупаемой вотчины устанавливается по воле завещателя или вкладчика. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что Соборный приговор не касается вопроса об оценке предназначенных к выкупу земель в случае отсутствия указания

цены в духовных или данных грамотах. Тем самым приведенный текст не позволит судить о существовании практики выкупа вотчин с предварительным измерением их площадей и по официально установленным ценам.

Такую возможность предоставляет другая статья того же приговора, посвященная вопросам права тверских, белозерских и прочих князей отчуждать их вотчины в монастыри: "А которые вотчины свои в монастыри по душам до сего приговору давали без государева доклада, и те отчины имати на государя, да за них по мере денги платити..."²⁸ Здесь выражение "о мере" обозначает не что иное, как уплату цены, обусловленной размером площадей конфискованных вотчин. Следовательно, практика официальных цен за единицу земельной площади к маю 1551 г. уже существовала. При этом вряд ли стоит акцентировать внимание на том обстоятельстве, что в данном случае речь идет не о выкупе родовых вотчин, а об оценке отписанных на государя земель, поскольку какие-либо сведения об установлении особых цен для конфискованных вотчин отсутствуют вплоть до 1618/19 г., к которому относится уже упоминавшийся указ о форме жалованных грамот на вотчины за "московское осадное сиденье". В этом указе говорится, что в случае, если у вотчинника "детей и роду не останетца, а останетца одна жена, и жене ево тою вотчиною владеть по свой живот; а после своего живота та вотчина для мужа своего и своего поминка отдать в монастырь до выкупу, а из монастыря та вотчина выкупить на государя, а дать за нее денги из государевы казны по полтине ж за четверть"²⁹. Сопоставление текстов указов 1551 и 1618/19 гг. показывает, что и в первом, и во втором случаях подразумевается один и тот же акт — отписка вотчины на государя, принудительное изъятие земли у монастыря, но при этом во втором случае этот акт прямо назван "выкупом", который, не являясь родовым, тем не менее, осуществляется по тем же правилам: с измерением земли при официальной цене за четверть. Следовательно, Соборный приговор 1 мая 1551 г. также определяет осуществление конфискационных мер на принципах родового выкупа, а это, в свою очередь,

позволяет утверждать, что к марту 1551 г. в юридическую практику уже было введено измерение вотчин для выкупа по утвержденным государством ценам за четверть.

Таким образом, указ о ценах выкупаемых вотчин можно относить ко времени не ранее июня 1550 г. (утверждение Царского Судебника, к тексту которого, согласно свидетельству Г.Мартемьянова, указ должен быть присоединен) и не позднее апреля 1551 г.

Определение времени законодательного утверждения выкупной цены в сделках с духовными корпорациями позволяет обратиться к вопросу о номинальном выражении цен за четверть. Здесь нам в значительной мере может помочь сопоставление оценочной стоимости вотчин, отдаваемых или передаваемых в монастырь, при их предполагаемом выкупе родственниками, содержащейся в данных и купчих, с указаниями в тех же документах количества четвертей или с описанием тех же вотчин в сохранившихся писцовых книгах.

В 1573/74 г. М.И.Пересветов дал Троице-Сергиеву монастырю свою вотчину в Дмитровском уезде, треть сельца Пересветова, указав в тексте данной наличие в ней "в поле пятьдесят четвертей". Одновременно вкладчик записал, что желающий выкупить эту вотчину должен заплатить троицким властям 100 рублей³⁰. Попытавшись высчитать цену одной четверти при выкупе, получаемом три осьмины за рубль.

Мы уже рассматривали историю перехода из рук в руки сельца Татищева в Дмитровском же уезде и остановились на моменте окончания процесса концентрации всей этой вотчины в руках М.К.Ростопчина. Попробуем проследить дальнейший ход событий. В 1572/73 г. М.К.Ростопчин отдал свою вотчину Троице-Сергиеву монастырю, взяв сдачи 140 рублей (именно такую сумму он заплатил О.Пересветовой за треть сельца Татищева) и наложив запрет на выкуп ее своими потоками³¹. Однако в 1612/13 г. это сельцо с деревнями, ставшими пустошами, вновь дарится тому же монастырю. На сей раз вкладчиком выступает Борис Григорьевич Матусов с сыном Иваном, отмечая в данной, что "купил яз Борис тое вотчину у сестры двоюродные у Варвары Меньшова дочери Ростопчина, отца ее

родовую вотчину..."³². Следовательно, запрещение выкупать родовое имение не подействовало даже на дочь вкладчика, которая, вероятно, выкупила вотчину отца у Троицы где-то между 1573 г. (дата вкладной М.К.Ростопчина) и 1592 г. (дата описания вотчин Троице-Сергиева монастыря в Дмитровском уезде, среди которых сельцо Татицево не числится). Вряд ли стоит сомневаться, что В.Ростопчина именно выкупила вотчину, а не приобрела ее каким-либо другим путем, так как в этом случае мы должны были бы допустить, что вклад ее отца на самом деле не поступал во владение монастыря, но тогда нам будет трудно объяснить наличие вкладной М.К.Ростопчина в монастырском архиве. Если же мы правы, и вотчина была действительно выкуплена, то приходится заключить, что В.Ростопчина нарушила не только волю отца, но и нормы права, так как ст. 85 Царского Судебника запрещала выкупщику отчуждать выкупленную вотчину кому-либо помимо представителей собственного рода.

Отдавая свою куплю сельцо Татицево с пустошами, Б.Г.Матусов оценил ее для возможного выкупщика в 200 рублей, отметив специально, что "четвертные пашни в той моей вотчине сто пять чети". Мы вправе считать, что здесь измерение указано "в одном поле", и тогда расчет цены дает соотношение чуть более трех осьмиин за рубль.

Указанные примеры вкладных по Дмитровскому уезду показывают нам удивительную на первый взгляд закономерность, когда вычисление цены постоянно приводит нас к относительно стабильному результату - около трех осьмиин за рубль. При этом мы должны еще учитывать вероятную погрешность четвертного измерения вотчин, проводившегося, по всей видимости, не в момент передачи в монастырь, а во время работы государевых писцов в уезде, то есть отстоящем хронологически от оформления вклада на более или менее значительный срок. Однако данная закономерность не покажется нам столь удивительной, если мы вспомним, что в росписи Г.Мартемьянова для Дмитрова выкупная цена установлена именно как рубль за три осьмины.

Попробуем проверить действие расценок, указанных в росписи Г.Мартемьянова, по другим уездам. В духовной Василия Петровича Кутузова 1560/61 г. читаем: "Да что моя отчина в деревне в Борисовке половина, две выти, да в деревне в Починке половина ж, выть - и та моя вотчина к Пречистой Богородице в Осифов монастырь, а другая половина в тех деревнях, три ж выти, брата моего Дмитрия. И будет до вотчины брату моему Дмитрию или нашему роду, - и оне дадут с тоем моею вотчиною с трех вытей в дом Пречистые Богородицы в Осифов монастырь пятьдесят рублей"³³. Согласно сотной с книг Рузского уезда писцов Г.С.Пилемова и А.Н.Сабурова 20 июля 1569 г. в деревне Борисовке числилось 30 четей пашни в поле и 10 четей перелогу, а в деревне Тихонов починок 18 четей пашни в поле³⁴. Следовательно, на долю В.П.Кутузова приходилось 24 чети пашни в одном поле и 5 четей перелога. Учет общей площади владений должен, в конечном итоге, показать цену за четверть. Простое умножение, указанного в сотной, на 3 в соответствии с трафаретным "в поле, а в дву по тому ж" ($24 \times 3 + 5 \times 3$) дает в результате 87 четей или 174 осьмины во всех трех полях. Отсюда на 1 рубль приходится почти 3,5 осьмины. Однако роспись Г.Мартемьянова указывает для Рузского уезда цену трех осьмин в один рубль, что не согласуется с полученными данными по вотчине В.П.Кутузова.

Противоречие, на наш взгляд, будет снято, если перелог, отмеченный в сотной, считать как данный полной площадью, то есть без умножения на 3³⁵. Тогда в итоге ($24 \times 3 + 5$) получим 77 четвертей или 154 осьмины всей площади земли В.П.Кутузова. Нетрудно заметить, что 3 осьмины оценены в 1 рубль.

В той же духовной, завещая половину села Кондратово жене Арине, В.П.Кутузов предписывает в случае смерти жены передачу этой половины села Иосифову монастырю, у которого вотчичи при желании могут ее выкупить за 110 рублей. Обратившись к уже знакомой нам сотной, находим, что в селе Кондратово числилось 110 четей пашни³⁶. Принимая за половину села 55 четей пашни в поле, получаем в результате выкупную цену три осьмины за рубль.

В 1589/90 г. старец Никифор Морин передал Иосифо-Волоколамскому монастырю свою вотчину сельцо Софатово и пустошь Уткино в Волоколамском уезде, оговорив: "А хто сродник мой той вотчине выщета и захочет тое вотчину у Осифова монастыря выкупить, и ему дати в Осифов монастырь по наших родителей и по моей душе двести рублей денег"³⁷. В писцовых книгах 1625/26 г. находим: "Пустошь, что было сельцо Сафатово, пашни перелогом и лесом поросло девяносто две чети; пустошь Устинова, пашни лесом поросло десять чети в поле, а в дву по тому ж"³⁸. А.А.Зимин, на наш взгляд, совершенно справедливо отождествил пустоши Уткино и Устинову³⁹. Расчет назначенной Н.Мориньим выкупной цены дает в результате рубль за 3,06 осьминн.

В 1556/67 г. Ульяна Григорьевна Арбузова дала по приказу своего мужа Григория Арбузова Троице-Сергиеву монастырю полдеревни Савинской с полупочинками Мордвиновским и Луговским во Владимирском уезде, отметив в данной наличие в даруемой вотчине 100 четей в поле. Одновременно она написала, что "после моего кивота Ульянина и другая половина, та, которая своею половиною своею вытью вотчины государь мой Григорей меня пожаловал..., и та вся вотчина и моя половина в дом живоначальныя Троицы...", а далее в тексте указано: "А кому будет дело до тое вотчины Григорьева роду Арбузова, и им дати к живоначальной Троице... двести рублей"⁴⁰. Возникает некоторая неясность: относится ли выкупная цена только к уже переданной части вотчины или же ко всей земле, перешедшей и имеющей в будущем перейти во владение монастыря. Именно в последнем смысле текст данной был понят составителем монастырской вкладной книги, где было записано: "75-го году по Григорье Арбузове и по ево родителей и по себе дала вкладу жена ево Ульяна в Володимирском уезде вотчину свою другую половину деревни Савинской со всеми угоды, по цене обе половины за 200 рублей"⁴¹. Получается, что У.Арбузова отдает уже вторую половину вотчины, хотя, с одной стороны, мы не находим в той же вкладной книге отметок о других ее вкладных, а с другой - из

текста данной отчетливо явствует, что безвозмездная передача монастырю этой второй половины возможна только "после...живота Ульянина". Следовательно, в данной идет речь о передаче Троице только части деревни Савинской, а равноценная же часть осталась в руках вкладчицы. А значит и оценена в 200 рублей именно половина вотчины, те самые 100 четей в поле, о которых говорится в грамоте, что дает при пересчете по три осьмины за рубль. В росписи Г.Мартемьянова Владимирский уезд специально не указан, но полученный результат позволяет отнести его к числу "новых городов от Москвы за двести верст". Как видим, все разобранные нами олучаи родового выкупа вотчин в Рузском, Волоколамском и Владимирском уездах указывают на применимость расценок, зафиксированных росписью Г.Мартемьянова.

Тем самым мы можем сделать вполне, на наш взгляд, обоснованное заключение, что между ценами, установленными между 1550 г. и августом 1561 г. на выкупаемые у светских владельцев земли, и ценами при выкупе у монастырей, утверждение которых произошло в период между июнем 1550 г. и маем 1551 г., нет никаких различий. Данное совпадение вместе с почти полным наложением установленных нами датировок позволяет утверждать, что имело место именно единовременное закрепление таковых расценок единственнм, не дошедшим до нас указом, приписанным в качестве одной из дополнительных статей к тексту Судебника 1550 г., и что указ этот был издан правительством Ивана IV между июнем 1550 г. и маем 1551 г. Отсутствие текста указа в сохранившихся описках Судебника объясняется, на наш взгляд, исчезновением в огне московского пожара 1626 г. архивов Поместного и судебных приказов, куда в первую очередь направлялись правовые акты, трактующие вопросы юридического разрешения поземельных споров, к числу которых относился и вопрос о выкупе родовых вотчин служилых людей. После же стихийного бедствия, когда пламя пожара уничтожило, наряду с прочими документами, делопроизводство приказов и сборники нормативных актов, встал вопрос о возможных путях реставрации утраченного законодательства. Именно в это время указ о расценках

вотчинных земель при осуществлении права родового выкупа середины XVI в. в изложении росписи дьяка Г.Мартемьянова 1620/21 г. через посредство приказной памяти И.Львовского 1628 г. стал одним из источников вновь создаваемой Указной книги Поместного приказа.

- 1 Сторожев В.Н. Указная книга Поместного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн.6. С.164.
- 2 В скобках — конъектура В.Н.Сторожева.
- 3 Там же. С.75. Сохранена пунктуация В.Н.Сторожева.
- 4 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. (Далее — ЗАРГ. Тексты). Л., 1986. С.103. № 101.
- 5 ЦГАДА. Ф.1209, Поместный приказ. Кн.4703. Л.155—157 об.
- 6 Сторожев В.Н. Указ. соч. С.74—75.
- 7 ЦГАДА. Ф.1209, Поместный приказ. Столбцы по Дмитрову. № 4/38789. Л.181.
- 8 ЗАРГ. Тексты. С.94. № 86.
- 9 Памятники русского права. Вып.4. М., 1956. С.256—257.
- 10 Акты Русского государства 1505—1506 гг. М., 1975. № 139. (Далее — АРГ).
- 11 ЦГАДА, ГКЭ по Дмитрову. № 281/3993. Л.114 об.—166 об., 119—120.
- 12 Там же. Л.117.
- 13 Там же. Л.117 об.
- 14 Акты феодального землевладения и хозяйства, Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 30. (Далее — АФЗХ. Ч.4).
- 15 Там же. № 124.
- 16 Ивина Л.И. Крупная вотчина в Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979. С.170.
- 17 Шумаков С.А. Обзор "Грамот Коллегии Экономии". Вып.1. М., 1899. С.42.
- 18 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С.50.
- 19 Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV—XVI вв. // Археологический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С.59.
- 20 Разрядная книга 1475—1605 гг. Т.2. Ч.1. М., 1981. С.45, 56, 58—59.

- 21 АФЗХ. Ч.4. № 124. С.136.
- 22 Полное собрание русских летописей. Т.29. М., 1965. С.289.
- 23 Разрядная книга 1475-1605 гг. Т.2. Ч.1. С.61-62.
- 24 ЗАРГ. Тексты. С.44-45. № 22.
- 25 ЦГАДА. Ф.1193. Калязин Троицкий монастырь. Оп.1. Д.1. Л.135.
- 26 Там же. Л.141.
- 27 ЗАРГ. Тексты. С.32. № 5.
- 28 ЗАРГ. Тексты. С.33.
- 29 Там же. С.94. № 86.
- 30 Шумаков С.А. Указ. соч. Вып.3. М., 1912. С.21-22. № 82.
- 31 ЦГАДА. ГКЭ по Дмитрову. № 281/3993. Л.189-190.
- 32 Там же. № 172/3884.
- 33 АФЗХ. Ч.2. М., 1956. С.291. № 282.
- 34 Там же. С.369-370. № 347; ЦГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.426. Л.362-362 об.; Кн.425. Л.487.
- 35 Обоснование такого способа вычисления площадей перелога см.: Кистерев С.Н. О принципах вычисления площадей перелога по писцовым книгам конца XVI века // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Тезисы докладов и сообщений IУ Всероссийского научно-практического совещания. Петрозаводск, 1991. С.65-68.
- 36 АФЗХ. Ч.2. С.291. № 282; С.369. № 347; ЦГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.426. Л.361-362; Кн.425. Л.485 об.
- 37 АФЗХ. Ч.2. № С. 432-433. № 386.
- 38 ЦГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.425. Л.1005 об.-1006.
- 39 Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI вв.). М., 1977. С.213. Ссылка А.А.Зимина на кн.426 Фонда Поместного приказа ЦГАДА не верна.
- 40 ЦГАДА. ГКЭ по Москве. № 426/7568. Л.2-2 об.
- 41 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С.158.

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К "ЗАМЕЧАНИЯМ О БУНТЕ"

На страницах пушкинской "История Пугачева", в подготовительных материалах к ней (выписки из архивных документов, копии мемуарных памятников) и в "Замечаниях о бунте" не раз упоминается оренбургский казачий сотник Тимофей Иванович Подуров* — выдающийся сподвижник предводителя Крестьянской войны 1773—1775 гг. Е. И. Пугачева.

В данном сообщении рассматривается суждение Пушкина о "противузаконности" казни Подурова, изложенное в 19-м пункте "Замечаний о бунте", переданных Николаю I при письме к А. Х. Бенкендорфу от 26 января 1835 г. Предварительно следует привести биографические данные о Подурове, извлеченные из протокола следственных его показаний и материалов судебного процесса, а также из других документов 1773—1775 гг. и предшествующего времени.

Тимофей Иванович Подуров родился в 1723 г. в Самаре в состоятельной казачьей семье, находившейся в родстве с крупными самарскими купцами Халевиными. Выучившись грамоте, Подуров в юные еще годы записан был в службу и, будучи человеком проворным и метливым, вскоре уже приобрел навыки бывалого казака. В 1747 г. многие самарские казаки, а в их числе и Подуров, были переведены в приграничный Оренбург, в недавно образованное там Оренбургское казачье войско¹. Вместе с казаками своей сотни Подуров попеременно нес службу то в Оренбурге, то в линейных крепостях и форпостах вдоль рек Яика, Самары и Сакмары. Сохранился

* Подуров — так именно писалась эта фамилия в официальных документах XVIII в., так подписывал свои бумаги сам Тимофей Иванович. Вопреки тому Пушкин передавал эту фамилию в иной транскрипции — Падуров, которая сохранена нами только лишь при прямом цитировании пушкинских текстов.

формулярный список 1760 г., из которого видно, что 37-летний хорунжий Тимофей Подуров был отцом многодетного семейства, имел четырех сыновей: Федора, Бориса, Никиту и Степана². Пять лет спустя он был произведен в сотники. Авторитет его и у начальства, и среди рядового казачества возрос настолько, что когда в 1767 г. обсуждался вопрос о выборе представителей от Оренбургского казачьего войска в состав Комиссии для сочинения проекта нового Уложения (называемой в литературе: Уложенная комиссия 1767 г. или Екатерининская законодательная комиссия) казаки одним из своих депутатов избрали Тимофея Подурова³.

1773 г. круто переменил жизнь и судьбу Тимофея Подурова. В середине сентября того года Е.И.Пугачев поднял яицких казаков на вооруженное выступление, дважды атаковал Яицкий городок, но, не имея артиллерии, не смог овладеть им. После того Пугачев повел свое войско правым берегом Яика на восток, к Оренбургу, захватил Илецкий городок и ряд форпостов, забирая к себе пушки, оружие, боеприпасы, провиант и годных к военной службе людей. Узнав о том, оренбургский губернатор генерал-поручик И.А.Рейнсдорп принял меры к защите приицких крепостей, сформировал и отправил из Оренбурга карательный военный корпус бригадира Х.Х.Билова, под командованием которого находились 200 армейских и гарнизонных солдат, шестирудийная пушечная батарея с прислугой, конная группа из 60 калмыков, а также отряд из 150 оренбургских казаков во главе с сотником Тимофеем Подуровым. Не отважившись вступить в бой с Пугачевым в полевом сражении, Билев увел свой корпус под защиту стен Татищевой крепости, наиболее мощной среди укреплений Яицкой линии.

Утром 27 сентября Пугачев подошел к Татищевой и, разделив свое войско на две колонны, атаковал крепость с запада и востока. Корпус Билова и гарнизон упорно оборонялись, отбивая одну атаку за другой. И тут в самый разгар штурма оренбургские казаки вместе со своим командиром оставили крепость и примкнули к пугачевцам, что и определило успешный исход битвы. По свидетельству Пугачева, Подуров

с его казаками оказали повстанческому войску существенную подмогу ("зделали помощь") в овладении Татищевой крепостью⁴. После того Подуров и его казаки, а также сдавшиеся в плен защитники покоренной крепости были приведены к присяге на верную службу новоявленному "императору Петру III" (под именем которого самозванно действовал Пугачев), а затем в составе его войска участвовали в походе к Оренбургу и в его осаде, продолжавшейся с 5 октября 1773 г. по 23 марта 1774 г.

В лагере под осажденным Оренбургом Пугачев произвел Тимофея Подурова в полковники конного Оренбургского полка. Полк этот, насчитывавший до 800 казаков и калмыков, был одним из крупнейших в десяти тысячном повстанческом войске и храбро сражался в боях под Оренбургом и на приступах к нему. К числу крупнейших боевых достижений Подурова следует отнести битву 13 января 1774 г. В этот день повстанческое войско, находившееся под командованием М.Г.Шигаева, Д.С.Лысова и Т.И.Подурова, нанесло сокрушительный удар оренбургскому гарнизону в полевом сражении у Бердской слободы, вынудило его к бегству, после чего неприятель более уже не отваживался на вылазки из осажденного Оренбурга. Получив донесение о очастливом исходе битвы 13 января, Пугачев, находившийся в то время в Яицком городке, направил своим полковникам письменное поздравление с их выдающимся успехом.

Отношение Подурова к Пугачеву претерпело существенную эволюцию, о чем дает представление протокол следственных показаний Подурова. Пугачев настолько искусно играл роль "императора Петра Третьего", что искренно уверил многих, а в их числе и Подурова, в том, что перед ними не самозванец, а реальный Петр III, который—де, вопреки официальным заявлениям, не умер в 1762 г.⁵, а сумел бежать из заключения, более одиннадцати лет странствовал за рубежом и по России, теперь же явился, чтобы освободить простой народ от несносного правления Екатерины II и от гнета дворян-крепостников — душителей народной вольности. Легенда о царе-освободителе, пущенная в ход Пугачевым и широко прокламируемая его мани-

фестами и указами, нашла массовый восторженный отклик среди крестьян, казаков и нерусских народностей Оренбургского края, что способствовало пополнению повстанческого войска и материальному его обеспечению. По словам Подурова, в лагерь восставших под Оренбургом "со всех почти сторон стекался народ к самозванцу большими кучами", и "во всех местах", где появлялись посланцы Пугачева с его воззваниями, "народ с радостью приклонялся к нему, и отовсюду везли в толпу фураж и провиант". Распространению легенды о "царском" происхождении новоявленного "государя-батюшки" и об освободительной его миссии немало способствовал и сам Подуров, действуя так "из усердия к нему, почитая его прямо за истинного государя, уверясь как по его словам", так и по народной "эхе", что-де Петр III "не скончался, а жив" и видя к тому же, что "все большие люди" в ближайшем окружении Пугачева "прямо почитают его за государя"⁶. В ноябре-декабре 1773 г. Подуров трижды обращался с письмами к находившимся в осажденном Оренбурге яицкому казачьему старшине М.М.Бородину и войсковому атаману оренбургских казаков В.И.Могутову, призывая их покориться "Петру III", уговорив губернатора И.А.Рейнсдорпа на сдачу города⁷.

Со временем отношение Тимофея Подурова к Пугачеву резко переменялось, он стал воспринимать его уже как самозванца. Такой перемене, по словам Подурова, способствовало то, что Пугачев не гнушался обмана (заявил, например, что в начале 1774 г. в Яицкий городок пришли будто бы 600 донских казаков и две тысячи казаков и присоединились к его войску, чего на самом деле не было), в вопросах веры Пугачев выказал себя не ревнителем православия, как надлежало бы государю, а сторонником раскола и явно "попущал" яицким казачкам-раскольникам в надругательстве и истреблении церковных икон, исполненных в новой живописной манере. Если верить словам Подурова, главное, что открыло ему глаза на самозванство Пугачева, — женитьба того на яицкой казачке Устинье Кузнецовой (1 февраля 1774 г.), тогда же и провозглашенной "императрицей". С того-то времени он, Подуров, стал уже понимать, что Пугачев: "конечно, не истинной

государь, а самозванец", потому что, если бы он был "точной государь, то от живой супруги не поступил бы на такое презренное супружество, да и в тоакое еще время, когда надлежало ему стараться утверждать себя на царство"⁸. У Подурова возникло было намерение бежать от Пугачева, но он не смог оделать этого и покорился судьбе. К тому же, как объяснял он, "как будто что меня удерживало и наводило страх ототать от него [Пугачева]. Словом сказать, привязан я был к нему так, как бы невидимой силою или, просто оказывать, волшебством, но от чего со мною сие последовало, — я не знаю". Не отвилжился Подуров на побег, опасаясь неминуемой крутой расправы в случае поимки его пугачевцами, а в то же время страхась истязаний при явке с повинной к екатерининским властям. Потому-то он, положась "на власть Божию, и избрал за дутчее, не оставая от него [Пугачева], одужить ему верно"⁹.

Между тем в ходе начавшегося с января 1774 г. наступления карательные войска генерал-аншефа А.И.Бибикова, подавляя сопротивление повстанческих отрядов, продвигались на восток к Оренбургу. В битве, развернувшейся 22 марта у Татищевой крепости, авангардный корпус генерал-майора князя П.М.Голицына нанес тяжелое поражение главным силам Пугачева. Прошло еще десять дней и Голицына нанес новый сокрушительный удар войску восставших в сражении под Сакмарокии городком. На поле боя пали до 400 повстанцев, Пугачев потерял все свои пушки и обоз, около 2800 пугачевцев попали в плен. Пугачев с пятью сотнями оставшихся у него конников сумел оторваться от погони и ушел на северо-восток, в горнозаводской район Южного Урала за излучиной реки Белой.

Подуров не последовал за Пугачевым, то ли не смог догнать его, то ли нарочно ототал, как сам он утверждал на допросе, имея намерение явиться с повинной (рассудил "за дутчее явиться к верному войску")¹⁰. Вблизи Каргалинской слободы Подуров был захвачен казачьим разъездом и доставлен в полевой штаб генерала Голицына, где при допросе дал показания о ближайших планах Пугачева и о месте вероятного укрывательства¹¹. С 4 апреля Подуров находился в заключении

в оренбургском тюремном остроге, где содержались многие другие видные сподвижники Пугачева и рядовые повстанцы, захваченные в плен в сражениях у Татищевой крепости и под Сакмарским городком. В начале мая в Оренбург прибыла секретная следственная комиссия и одним из первых допросила Подурова, который дал подробные показания о своем пребывании в повстанческом лагере и о службе полковником в войске Пугачева, в чем и принес покаяние, заявив в заключение, что отныне он считает Пугачева самозванцем и обманщиком, который, "вовлекши нас в злодейския свои сети, сам бежал"¹². Следователь, производивший дознание, гвардии капитан-поручик С.И.Маврин так охарактеризовал Подурова: "Сей плут не дурак, но погрешил много, чистосердечно раскаивается. А как при том [он] депутат, то ея величеству доложить, кажется, должно, ибо таковыя, по узаконению, изъяты от всех бед и скорбей"¹³.

Со дня ареста Тимофея Подурова минуло полгода. За это время властям удалось подавить основные очаги повстанческого движения, главное пугачевское войско потерпело окончательное поражение в битве под Черным Яром (25 августа 1774 г.), сам Пугачев и многие его соратники были захвачены в плен. По указанию Екатерины II в Москве при Тайной экспедиции Сената создана была следственная комиссия в составе генерал-аншефа князя М.Н.Волконского, генерал-майора П.С.Потемкина и сенатского обер-секретаря С.И.Шешковского. Комиссии надлежало провести "генеральное" дознание по делу Пугачева и ближайших его сподвижников. 4 ноября в Москву был доставлен Пугачев, а в ближайшие дни, 7 и 12 ноября, конвойные команды привезли две группы пугачевцев, 27 и 13 человек¹⁴, во второй группе и находился Подуров. Основное внимание комиссия уделила Пугачеву, который допрашивался в течение одиннадцати дней. Довольно обстоятельно допрашивались лица, ранее не привлекавшиеся к дознанию. Для большинства подсудимых процедура дознания свелась к кратким допросам, при которых они сообщали отдельные сведения, дополняющие и уточняющие показания на предшествующих допросах в Оренбурге, в Казани и в Яицком городке. Что

касается Подурова, то, будучи представлен 17 ноября на заседание комиссии, заявил, что он "во всем утверждает на допросе, произведенном ему в Оренбургской секретной комиссии"¹⁵, и больше ни о чем не допрашивался. На заключительной стадии следствия генерал П.С.Потемкин составил для предстоящего суда записку "Различие важности преступления способников злодейских, примеченное каждого раскаяние по свойству их", согласно которой Подуров, а также И.Н.Зарубин-Чика, М.Г.Шигаев, А.П.Перфильев, В.И.Торнов и Канзафар Усаев были отнесены к I-му разряду ("сорт") обвиняемых, заслуживающих, по мнению следственной комиссии, осуждения к смертной казни. В записке Потемкина о Подурове сказано, что он "весьма не глуп", а в вину ему ставится то, что "он был виновником многого развращения легкомысленного народа, котория (!), по уму и достоинству депутатскому, к нему имели почтение", он "старался склонить верных яицких казаков к злодею, и писал многия письма"¹⁶.

В конце декабря 1774 г. – начале января 1775 г. в Москве проходил судебный процесс под председательством генерал-прокурора Сената князя А.А.Вяземского. В состав судей были назначены сенаторы московских департаментов Сената, члены Синода, военные и штатские чины первых трех классов, президенты и вице-президенты находившихся в Москве коллегий и приравненных к ним центральных учреждений (всего 36 судей). К суду привлечены были 56 обвиняемых. Судьба их решалась на заседании 31 декабря 1774 г., где судьи определили: приговорить к смертной казни шестерых из подсудимых, Е.И.Пугачева и А.П.Перфильева – к четвертованию, И.Н.Зарубина-Чика – к отсечению головы, М.Г.Шигаева, Т.И.Подурова и В.И.Торнова – к повешению¹⁷. Определение от 31 декабря вошло в текст "сентенций" (судебного приговора), где назначенная мера наказания была соотнесена со степенью вины каждого осужденного и где, в частности, о Подурове сказано, что он приговорен к повешению "яко сущий изменник", который не только сам предался самозванцу Пугачеву, но и "писал многие развратительные в народе письма, увещевал верных ея императорскому величест-

ву яицких казаков предаться к злодею и бунтовщику, называя его и уверяя других, якобы он был истинный государь и, наконец, писал угрожительные письма к оренбургскому губернатору, генерал-поручику Рейнсдорпу, к оренбургскому атаману Могутову и к верному старшине Яицкого войска Мартемьяну Бородину, которыми письмами сей изменник убежден уличен и признался"¹⁸. Сентенция была послана в Петербург на утверждение ("конфирмацию") Екатерины II, одобрена ею без каких-либо изменений, возвращена с курьером в Москву и подписана судьями на заседании 9 января 1775 г.¹⁹

В субботу 10 января на Болотной площади в Москве были казнены Е.И.Пугачев, А.П.Перфильев, М.Г.Шигаев, Т.И.Подуров и В.И.Торнов²⁰, совершена жестокая экзекуция над 20 пугачевцами, осужденными к каторжным работам и к ссылке на поселение.

Обратимся к 19-му пункту пушкинских "Замечаний о бунте", где поэт выказал суждение относительно того, что казнь Подурова была "противузаконна". "Замечания" были созданы в середине ноября 1834 г., о чем свидетельствует первое упоминание о них в письме Пушкина к А.Х.Бенкендорфу от 23 ноября, в котором поэт просил разрешения представить Николаю I первый экземпляр "Истории Пугачевского бунта" (СПб., 1834), "приообзавокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать, но которые могут быть любопытны для его величества" (XV, 201)²¹. К тому времени Пушкин располагал не только корректурными листами "Истории Пугачевского бунта", но, видимо, и первыми ее авторскими экземплярами²², о чем говорят отсылки в тексте "Замечаний" на соответствующие страницы книги. 19-й пункт "Замечаний" комментирует то место в тексте 164-й страницы "Истории Пугачевского бунта", где речь идет о вынесении судом смертного приговора Е.И.Пугачеву, А.П.Перфильеву, И.Н.Зарубину-Чике, М.Г.Шигаеву, Т.И.Подурову и В.И.Торнову.

В черновике "Замечаний" 19-й пункт дан Пушкиным в таком виде: "стр. 164. Подуров как депутат в силу привилегии данной именным указом, не мог ни в каком случае быть

казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он во время суда к защите сего указа. Может быть он его не знал. Может быть сама государыня о том не подумала. Тем не менее казнь сего злодея²³ противузаконна. Вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов (IX, 479).

Перебеляя черновик, Пушкин сократил текст и отчасти смягчил обличающий тон:

"Стр. 164. Падуров, как депутат, в силу привилегий данных именным указом, не мог ни в каком случае быть казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона; может быть он его не знал; может быть судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противузаконна" (IX, 375)²⁴.

Из сопоставления текстов видно, что в беловик не вошло имеющееся в черновике суждение об императрице, но взамен того введены слова о судьях, видимо, забывших законоположение о неприкосновенности депутата Уложенной комиссии. Не включено из черновика в беловик мнение о пагубности неучастия адвокатов в судебном процессе, что сыграло роковую роль в судьбе Подурова; факт этот, поданный Пушкиным как "один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов" (а они не участвовали в судопроизводстве ни при Екатерине II, ни в николаевское время), звучал как скрытый упрек в адрес Николая I, при котором суд над декабристами прошел без участия адвокатов. Может быть потому-то суждение об адвокатах и не было включено в текст беловика.

Список литературы, посвященной пушкинским "Замечаниям о бунте", исчерпывается двумя главами в книгах Н.Я. Эйдельмана²⁵, причем в наиболее полной из этих глав рассмотрение 19-го пункта "Замечаний" сводится к кратким текстологическим наблюдениям и общей оценке²⁶. Это и побуждает нас к детальному исследованию текстов 19-го пункта "Замечаний" с привлечением документальных источников как опубликованных, так и архивных.

19-й пункт "Замечаний" начинается с утверждения, что Подуров, как депутат, "не мог ни в коем случае быть казнен смертию", в силу привилегий, данных именным указом. О ка-

ком указе идет речь? В руках Пушкина был 17-й том "Полного собрания законов Российской империи"²⁷, в котором напечатаны обнародованные 14 декабря 1766 г. именной указ и манифест Екатерины II об учреждении Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе депутатов²⁸. В приложении к этим документам помещен "Обряд выбора", в 25-й статье которого излагаются "выгоды депутатские". Статья начинается с торжественной декларации: "Во всю жизнь свою всякой депутат, в какое бы прогрешение не впал, свободен: 1) от смертной казни, 2) от пыток, 3) от телесного наказания"²⁹. Это законоположение и имел в виду Пушкин, говоря о привилегиях, дарованных депутатам Уложенной комиссии по именному указу, в силу чего Подуров не мог быть осужден к смертной казни, и что сама эта казнь "противузаконна".

Все так, однако, при чтении последующего текста 25-й статьи "Обряда выбора" видно, как путем пояснений и оговорок умалялась неизбежная, казалось бы, неприкосновенность депутата. В частности, признавалось и допускалось право властей привлекать депутатов к судебной ответственности, хотя от имени императрицы и объявлялось, что, поскольку все депутаты находятся "под собственным нашим охранением", никакой суд не может "без конфирмации нашей" исполнять решений о наказании виновных, вопреки дарованным им льготам (освобождение от смертной казни, пыток, телесных наказаний), и во всех случаях "дождаться на то нашего приказания".

Последний абзац 25-й статьи фактически лишил многих депутатов, не принимавших активного участия в работе Уложенной комиссии, декларированного права неприкосновенности. В абзаце этом сказано, что дарованные льготы касаются лишь только тех депутатов, "кои действительно при сем деле трудились и коих имена в подписке той или другая части проекта найдутся"³⁰. Это положение, как будет подробнее сказано ниже, судьи использовали против Подурова при вынесении ему смертного приговора.

В черновике "Замечаний о бунте" Пушкин писал: "Не знаю, прибегнул ли он (Подуров - Р.О.) во время суда"³¹

к залите сего указа. Может быть он его не знал". (Речь идет об указе от 14 декабря и 25-й статье "Обряда выбора"). В материалах судебного процесса не имеется письменного обращения Подурова: неизвестно также и об устном его заявлении о своем депутатстве, "гарантирующих" ему неприкосновенность. На заседании суда ни Подуров, ни другие подсудимые (за исключением Пугачева) не вызывались. Правда, суд направил 30 декабря 1774 г. в тюремные камеры к подсудимым особую комиссию в составе сенатора М.Я.Маслова, новоспаского архимандрита Иоанна и генерал-поручика М.Г.Мартынова, поручив им ознакомить подсудимых с обвинительным заключением и получить дополнительные показания, если они появятся. Как видно из рапорта комиссии, подсудимые, выслушав обвинительное заключение, подтвердили, каждый порознь, содержание своих допросов и "оказывали свои признания, и ни один из оных не противоречил своему допросу, и в пополнение не скавал ничего"³². Из этого следует, что от Подурова не поступало каких-либо обращений к суду, хотя он, конечно же, знал о депутатских привилегиях, но не считал возможным, осознавая свою вину и тяжесть предъявленных обвинений, прибегнуть под защиту закона.

В этом же черновике "Замечаний о бунте" Пушкин высказал предположение о том, что "может быть сама государыня" при решении участи Подурова "не подумала" об указе 14 декабря 1766 г. и "Обряде выбора", ограждающих депутатов Уложенной комиссии от смертной казни. Пушкин не мог знать секретных документов, связанных с проведением суда над Пугачевым и его сподвижниками, а из этих документов видно, что Екатерина II была не только осведомлена о деле Подурова, но и сыграла главную роль в решении его судьбы. Накануне отъезда из Петербурга в Москву на судебный процесс по делу Пугачева генерал-прокурор Сената князь А.А.Вяземский подал Екатерине II докладные пункты, в 17-м из которых спрашивал: "О депутатах Тимофее Подурове и Василье Горюком³³ какое угодно повелеть сделать положение, ибо по обряду по комиссии Уложенной депутаты от казней освобождаются?" На полях своего доклада Вяземский записал решение императрицы отно-

сительно Подурова и Горского: "Спросить, есть ли их по обряду у каких проектов подписки, и по тому поступить в оную онаго обряда"³⁴. Несомненно, что Екатерина II указала на заключительный абзац 25-й статьи "Обряда выбора", определявший, кто из депутатов Уложенной комиссии наделен личной неприкосновенностью, а кто лишен такой привилегии. Вяземский по своему приезду 25 декабря 1774 г. в Москву ознакомил судей о решении императрицы по вопросу о Подурове и Горском.

Сказанное отвечает на предположение Пушкина, приведенное в беловике "Замечаний о бунте", что судьи, приговорив Подурова к смертной казни, может быть "не подумали" о том, что он, как депутат, формально находится под защитой законоположения 14 декабря 1766 г. На самом деле судьи не только имели это в виду, но и получили прямое указание Екатерины II о порядке применения названного законоположения к подсудимым из числа депутатов. Рассматривая 19-й пункт пушкинских "Замечаний", Н.Я. Эйдельман заметил: "Вопрос о неприкосновенности Подурова обсуждался судьями, но — решение сего предмета "не касаться!"³⁵ Насчет того, чтобы "не касаться" — явная ошибка. В действительности вопрос о Подурове, а также о Горском не только обсуждался судьями на заседании 31 декабря 1774 г., но они приняли по этому вопросу специальное определение. В тексте определения изложено содержание 25-й статьи "Обряда выбора" о "выгодах депутатских", с дословным воспроизведением положения о том, что объявленные льготы распространяются только на тех депутатов, "кои действительно при оем деле трудились, и коих имена в подписке той или другой части проекта найдутся", и отмечено, что, вопреки тому, Подуров "по депутатству ни в чем не упражнялся"³⁶, его подписи не имеется ни под одной из частей к проекту Уложения, а потому он и не может пользоваться депутатскими привилегиями, и решено: "Оного Подурова по его злодеяниям из депутатов исключая, в сентенции депутатом не именовать"³⁷. Аналогичное решение было принято о Горском, причем отмечено, что поскольку при одном

из допросов он "был сечен плетьюми"³⁸, то фактически утратил уже депута зкое достоинство, а потому "не может быть депутатом" и исключается из их числа, равно как и Подуров³⁹.

Не получив доступа к секретным архивным документам, Пушкин не знал об истинных обстоятельствах дознания и суда над Пугачевым и его сподвижниками⁴⁰, а потому в высказывании о "противузаконности" казни Подурова поставлен ряд вопросов и предположений. Суть этого его высказывания следует воспринимать и в более общем плане, как отображение исповедуемой Пушкиным убежденности в том, что справедливость в обществе обеспечивается законом, которому должны следовать как рядовой гражданин, так и власти. В деле же Подурова закон был попран, и, по мнению Пушкина, повинны в этом судьи, а возможно, и сама Екатерина II.

-
- 1 Протокол показаний Т.И.Подурова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 10 мая 1774 г. См.: РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.487.
 - 2 РГВИА. Ф.13. Д.100. Л.92 об.-93.
 - 3 Именной список господам депутатам, выбранным в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения... генваря по I-е число 1768 году. М., 1768. С.51. Другим депутатом от оренбургских казаков, а также и от казаков, поселенных в крепостях по реке Самаре и верхнему течению Яика, был выбран сотник Петр Хопреников. Там же. С.51.
 - 4 Протокол показаний Е.И.Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г. // Вопросы истории. 1966, № 4. С.116.
 - 5 В действительности Петр III был убит группой гвардейских офицеров 6 июля 1762 г., девять дней спустя после дворцового переворота, возведшего Екатерину II на престол.
 - 6 Протокол показаний Т.И.Подурова на допросе 10 мая 1774 г. См., РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.472 об.-473, 475 об.-476.
 - 7 Подлинники этих писем опубликованы в сборнике "Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773-1774". М., 1975. С.83-84, 85-86. В бумагах Пушкина хранятся собственноручно выполненные им копии двух из этих писем Т.И.Подурова, отправленных 4 ноября 1773 г. к В.И.Могутову и М.М.Бородину (IX, 690, 691). Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1940. Т.9. Кн.2. С.690, 691.

- 8 Аналогичные суждения высказывали и другие видные пугачевцы, И.Я. Ючиталин, М.Д. Горшков и Т.Г. Мясников, подчеркивая, что женитьба на казачке У.П. Кузнецовой сильно повредила "царский" престиж Пугачева. Красноречивее всего, пожалуй, высказался Мясников: эта женитьба Пугачева вызвала недовольство повстанцев и "сомнение такое, что государи на простых никогда не женятся, а всегда берут за себя из иных государств царскую или королевскую дочь. Так, по примеру сему, и ему бы надобно было, по завладении уже государством, такую же взять". Но Пугачев поступил вопреки царской традиции, и потому-то "с самого сего времени" у его ближних пропала "охота равностно и усердно ему служить, и у всех так, как руки опустились, и заключили, что со временем из сего выдет что-нибудь худое, а хорошего не будет". РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.115-115 об.
- 9 Протокол показаний Т.И. Подурова на допросе 10 мая 1774 г. См.: РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.479-480.
- 10 Там же. Л.482.
- 11 Протокол показаний Т.И. Подурова и пугачевского секретаря М.Д. Горшкова на допросе 2 апреля 1774 г. См.: РГВИА. Ф.20. Д.1237. Л.35-36.
- 12 Протокол показаний Т.И. Подурова на допросе 10 мая 1774 г. См.: РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.467-482 об. Небольшой отрывок этого допроса опубликован в сборнике "Пугачевщина". Из следственных материалов и официальной переписки. М.-Л., 1929. Т.2. С.187-189.
- 13 Записка С.И. Маврина от 4 августа 1774 г. См.: РГАДА. Ф.6. Д.662. Л.7.
- 14 Всего в ноябре-декабре 1774 г. в Тайную экспедицию на дознание по делу Е.И. Пугачева были привезены 86 человек, среди которых, наряду с вожаками восстания, были лица "сомнительные", подозреваемые в содействии Пугачеву, как в дни Крестьянской войны, так и в канун ее, ложно оговоренные люди, свидетели обвинения и другие лица.
- 15 РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.314 об.
- 16 РГАДА. Ф.6. Д.515. Л.234 об.-235.
- 17 Документы о судебном процессе по делу Е.И. Пугачева в Москве // Вопросы истории, 1966, № 9. С.143-145.
- 18 Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т.20. № 14233. С.9-10.
- 19 Журнал заседания суда 9 января 1775 г. См.: РГАДА. Ф.6. Д.515. Л.421-422.
- 20 Осужденный к смертной казни И.Н. Зарубин-Чика был отправлен в Уфу, где и казнен 24 января 1775 г.
- 21 См. комментарий к этому письму: Пушкин, Письма последних лет. 1834-1837. Л., 1969. С.250-251.

- 22 Следует отметить, что один из первых экземпляров книги, поднесенный управляющему III отделением Собственной е.и.в. канцелярии А.Н.Мордвинову, помечен в авторской надписи Пушкина датой 7 декабря 1834 г. (см.: Рукоя Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. и коммент. М.А.Цявловский, Л.В.Модзалевский, Т.Г.Зангер. М.—Л., 1935, с.741). Пушкин поднес свою книгу Мордвинову в ответ на его письмо от 4 декабря 1834 г., которым известил поэта, что его просьба доложена царю и он "соизволил отозваться, что изволит назначить время", когда примет Пушкина, разрешив тем самым представить экземпляр "Истории Пугачевского бунта" и "Замечания" к ней (XV, 202).
- 23 Слова: "казнь сего злодея" написаны взамен зачеркнутых: "казнь его".
- 24 Беловик "Замечаний о бунте" вместе с экземпляром "Истории Пугачевского бунта" был послан Пушкиным Николаю I при письме к А.Х.Бенкендорфу от 26 января 1835 г. (XVI, 7). При чтении "Замечаний" Николай I отметил 19-й пункт карандашной чертой на поле. После 1835 г. беловый автограф "Замечаний" надолго исчез и печатался по его копиям. Хранившийся у жандармского чиновника П.И.Миллера (1813-1883) и его родственников беловик "Замечаний" и некоторые другие автографы Пушкина поступили на государственное хранение только лишь в марте 1972 г. См.: Эйдельман Н.Я. Десять автографов Пушкина из архива П.И.Миллера // Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И.Ленина. М., 1972. Т.33. С.280-320).
- 25 Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII-XIX веков и Вольная печать. М., 1984. Гл.УП. С.167-223; Он же. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. Гл.У. С.136-155.
- 26 Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. С.208-209.
- 27 Полный комплект этого издания (45 томов), напечатанного в Петербурге в 1830 г., был подарен Николаем I Пушкину в феврале 1832 г. и вручен ему при письме А.Х.Бенкендорфа (XV, 12, 14).
- 28 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.17. № 12801.
- 29 Там же. С.1108.
- 30 Там же.
- 31 Слова "во время суда" в беловик "Замечаний" не включены.
- 32 РГАДА. Ф.6. Д.515. Л.414.
- 33 Горский Василий Васильевич (1734 г.р.), сотник астраханских казаков, депутат Уложенной комиссии, в августе 1774 г. в течение девяти дней находился в отставке Пугачева, после поражения повстанческого войска в битве под

Черным Яром (25.УШ,1774) был схвачен, содержался под следствием в Астраханской губернской канцелярии, а потом в Казанской секретной комиссии, в ноябре 1774 г. доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, а позднее, по завершении дознания, привлечен к судебному процессу по делу Пугачева и его сподвижников.

- 34 Документ о судебном процессе по делу Е.И.Пугачева в Москве // Вопросы истории, 1966. № 9. С.140.
- 35 Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. С.209.
- 36 Тимофей Подуров, хотя и присутствовал на заседаниях Большого собрания Уложенной комиссии в 1767-1768 гг., но ни разу не выступал и не подписывал письменных мнений к проекту Нового Уложения. См.: Беляковский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И.Пугачева. Формирование антикрепостнической мысли. М., 1965. С.245.
- 37 РГАДА. Ф.6. Д.515. Л.424-425. Во исполнение этого определения Т.И.Подуров в сененции от 9 января 1775 г. не назван депутатом. См.: Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т.20. № 14233. С.8.
- 38 При дознании над В.В.Горским в Астрахани 28 августа 1774 г. производивший допрос вице-губернатор М.Г.Баранов велел нещадно стегать подолежденного плетью и сам "оак без милости". Когда же Горский, протестуя, напомнил о "высочайшем ея величества манифесте, в силу которого депутаты удостоены собственным ея величества покровительстве и депутаты телесно наказывать запрещено без доклада" на что Баранов, не останавливая истязания, сказал: "Что тебе толковать об манифесте? Я его знаю" (из протокола показаний В.В.Горского на допросе в Казанской секретной комиссии 31 октября 1774 г.). См.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773-1775 годов. Ростов-на-Дону, 1961. С.210-211.
- 39 РГАДА. Ф.6. Д.515. Л.424-425. В отношении В.В.Горского суд в сененции от 9 января 1775 г. вынес определение: "Астраханского конного полку сотника и депутата Василья Горского, за легкомысленное прилепление к толпе злодейской, лишить депутатского достоинства и названия". Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т.20. № 14233. С.10. Разжалованный в рядовые казаки, Горский 11 января 1775 г. был отправлен под конвоем к месту службы в Париж, куда и доставлен 29 января. РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.3. Л.275, 277-278.
- 40 В 15-м пункте "Замечаний о бунте" Пушкин сетовал на то, что ему остались неизвестны действия "смешленных общников" Пугачева, что это "должно явствовать из процесса Пугачева, но к сожалению я его не читал, не омер его распечатать без высочайшего на то соизволения" (IX, 374).

О НАЧАЛЕ ЛЕТОПИСАНИЯ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ

Московская летопись представляет одну из главных ветвей вековой летописной традиции. Ее существование, как важной вехи на пути развития этого крупного историко-культурного явления, совпало с образованием единого Русского государства и его культуры. В научном обороте она известна большой группой летописных сводов XV-XVII вв. как исторически сформировавшихся памятников. Эти памятники, как никакие другие сочинения, выразили появление тогда общерусской или, точнее, великорусской письменности. Среди них одно из первых мест занимает сгоревшая в 1812 г. Троицкая летопись начала XV в. Она доступна сегодня исследователю в основном по корпусу выписок из нее Н. М. Карамзина в "Истории государства Российского".

Московский "Свод 1408 г.", получивший в литературе название по месту его обнаружения в XVIII в. в Троице-Сергиевой лавре - Троицкая летопись, отрезал центральное великокняжеско-митрополичье летописание Северо-Восточной Руси и его источники. В составе "Свода 1408 г." приобрели новую "жизнь" многие сочинения молодой московской литературы, которые были утрачены со временем и не дошли до нас как самостоятельные памятники. Каждое из этих сочинений разделило общую с сохранившим его летописных списков идейно-политическую эволюцию их концепции, претерпело связанные с ней переделки и сокращения. К ним относятся и основной источник Троицкой летописи - упомянутый в ней Летописец Великий Русский редакции 1389 г.

Одним из таких источников "Свода 1408 г." был, по всей видимости, Летописец Троице-Сергиева монастыря. О возможном ведении монастырской летописи в первоначальный период истории Троицкой лавры высказывался В. С. Иконников. Что касается бытования названного летописного сочинения, то об этом писали такие специалисты, как М. Д. Приселков, А. Н. Насонов и др.¹ Однако отдельного исследования о начале

летописной работы в Троице-Сергиевой лавре с конца XVI в., которое выразилось в создании монастырского летописца, не проводилось. И подобная попытка предпринимается впервые.

Основанный в середине XIV в. Троицкий монастырь вскоре стал важным очагом московской образованности и книжности². Здесь рано нашла поддержку книжная деятельность, в которой отразилось влияние сферы греко-славянской культуры XIV-XV вв. Уже при самом основателе Лавры игумене Сергии Радонежском и его ближайшем преемнике Никоне было положено начало обширной монастырской библиотеки. Там упоминаются принадлежавшие им и лицам их окружения книги. В XVII в. указывается должность монастырского "книгохранителя", а к XVIII в. она превращается в "многобогатую божественных писаний книгохранительницу", насчитывавшую в 1641 г. 1097 книг³. С этим монастырем связано творчество Епифания Премудрого и Пахомия Логофета и многих других, занимавшихся историко-агиографическими трудами, канонами и списыванием книг, и живописцев Даниила Черного и Андрея Рублева и т.п.

Троице-Сергиев монастырь сыграл свою позитивную роль в отановлении московского летописного дела, а в период расцвета, т.е. в середине XV-XVI вв. служил одним из его центров⁴. Не случайно, что он оказался и крупнейшим хранилищем страны также древних актов, исторических рукописей, включая летописи, хронографы, жития, мненя. Именно эти собрания монастырской библиотеки привлекли уже внимание государей Ивана Грозного⁵ и Екатерины II, историографов Г.Ф.Миллера и Н.М.Карамзина. Последний, посетивший Лавру в 1802 г., назвал 6.000 книг в ее хранилищах⁶. Благодаря широко развернутой работе по оставлению каталогов ибору исторических рукописей по архивам и библиотекам монастырей и частных лиц (в частности, для снятия с нее копий и отбора к изданию), проводимой согласно указам императрицы и распоряжениям Синода в 1767, 1778, 1791 гг. (и позднее указа 1804 г. - в связи с созданием "Общества истории и древностей Российских"), науке стал известен состав рукописного собрания Троице-Сергиева монастыря, в том числе наличие летописей.

Именно тогда была замечена и затем отобрана для подготовки к печати Троицкая летопись 1408 г. (по монастырской описи 1729 г. — № 823). На основании указа 1778 г. последовало распоряжение "Об отыскании в лаврской библиотеке, касающихся Российской империи летописцев, примечания достойных"⁷. Часть из высланных книг по назначению потом была возвращена в монастырское хранилище, еще одна (в основном в копиях) оказалась в Эрмитажном собрании. По данным описи Эрмитажного собрания конца XVIII в., в нем значились троицкие рукописи в описках: Никоновской летописи, летописи Авраамия Палицына, Истории Сибирского царства, "Сказание, что делалось в дому св. живонач. Троицы"⁸. Определенное количество из троицких исторических рукописей отложилось в Синодальном (или Патриаршем) собрании. В его каталоге 1823 г. можно встретить указания на целый ряд Летописцев Троице-Сергиева монастыря⁹.

В архиве Вифанской семинарии (РГБ, ф. 704. № 1407. Л. 43) хранится документ 1851 г., овидетельствующий о взятии Н.М. Карамзиным в Троицкой библиотеке для научной работы семи книг: 1. Летописец русских царей; 2. Летописец русский; 3. Изложение о вере Анастасии и Кирилла; 4. Повесть о разорении Московского государства; 5. История о Казанском царстве в лицах; 6. Летописец русский от Рюрика до царя Ивана Васильевича; 7. Повесть временных лет черноморца Феодосия, в малый лист (на пергаменте).

В середине XIX в. в распоряжении Археографической комиссии находилось шесть описков, принадлежащих Троице-Сергиеву монастырю летописей (Ростовской — т.н. Троицкой I, Софийской II, Новгородской IV, Никоновской и др.). При проведении описи в 1854—1857 гг. в троицком книгохранилище было определено 823 славянских рукописей, в том числе 43 пергаменных¹⁰.

Сформированная в значительной степени за счет вкладов и покупок, монастырская библиотека имела книги и собственного производства. При этом в начале пользовались не столько дорогой бумагой и пергаментом, а больше берестой (выглаживая ее верхний тонкий слой в листы). В современном сочи-

нении "Преподобнаго Иосифа Волоколамского Отвещание любоворным и Сказание вкратце о святых отцах, бывших в монастырях иже в Рустей земли сущих" можно прочесть запись, сделанную на основании "неложных свидетелей": "Толику же нищету и нестяжание имееху, яко в обители блаженнаго Сергия и самыя книги не на хартиях писаху, но на берестех"¹¹. Начиная с первых десятилетий XV в. четко прослеживается эволюция Троицкой книжной мастерской. Многие книги Троицкой библиотеки были написаны и переписаны непосредственно в Лавре, сохранив на полях рукописей записи-пометы монастырских писцов о заказчиках и владельцах; они имеют в своем составе (как оборники) краткие Летописцы и другие сочинения местного происхождения. В литературе не обобщен еще достаточно полно искомый материал и нет специальных работ, рисующих общую картину развития летописания в Троице-Сергиевом монастыре. А такая необходимость давно назрела.

Имеется упоминание, относящееся к показанию одной из родословных росписей конца XIV в., о какой-то Записной летописной книге Троицкого монастыря¹². Существуют и другие свидетельства: о "Кратком летописце Свято-Троицкия Сергиевы лавры" за 1513-1540 гг., помещенном в троицкой рукописи XVI в. (потом Синодальной библиотеки № 645), и Летописце Троицкой лавры за 1570-1585 гг., находящемся в сборнике XVI в.¹³, и т.д.

Интересные результаты дали современные изыскания, связанные с обследованием книгохранилищ Москвы и Ленинграда и введением в научный оборот новых летописных сводов конца XV - первой половины XVI в. Вот некоторые из них. С.М.Каштанов высказал предположение о возможной принадлежности Троице-Сергиеву монастырю двух сборников XV-XVI вв., содержащих общерусский сокращенный "Свод 1495 г.", и составление там самого летописного памятника¹⁴. А.Н.Насонов усматривал в группе родственных по составу сводов конца XV - первой половины XVI в.: "Своде 1497 г." (т.н. Придущкой летописи), Уваровской 1518 г., Типографской (Синодальной), Иосафовской и Типографской (Академической) летописях прямую связь митрополичьего и владычного летописания

с летописной работой Троице-Сергиева монастыря. Ученый пролеживал в этих памятниках использование в качестве источников троичских местных летописных сочинений. Он считал, что имеются основания для выводов о создании в Троице-Сергиевом монастыре и сборника XVI в., включающего Ермолинскую летопись (в том числе и сам ее список). Как известно, собственностью библиотеки Троице-Сергиева монастыря являлся Оболенский список Никоновской летописи. Насонов был склонен относить происхождение этой ранней редакции памятника середины XVI в. тоже к этой обители¹⁵. Позднее Б.М.Клосс, касаясь истории формирования Оболенского списка, определил появление этого памятника в Троицкой лавре не ранее 60-х гг. XVI в., с которого в середине XVII в. были сняты копии и создана по приказу патриаршей кафедры новая редакция Никоновской летописи¹⁶.

Устанавливаемая в литературе взаимозависимость общерусского митрополичьего летописания с местной летописной работой в Троице-Сергиевом монастыре существовала, по всей видимости, и ранее. Можно думать, что начало было положено при создании свода времени митрополита Киприана. Освещение данного вопроса связано в значительной степени с достижениями в изучении Троицкой летописи 1408 г., как сложной компиляции, состоящей из разных летописных и внелетописных материалов. Одним из таких результатов явилась реконструкция утраченной Троицкой летописи, проведенной преимущественно на основании Примечаний к "Истории государства Российского" Н.М.Карамзина и результатов сравнительно-текстологического анализа лаврентьевско-троицкой и генетически близкой семьи летописных сводов XV-XVI вв.¹⁷

Выработано общее представление об этом памятнике начала XV в. и продолжает дискутироваться тематика о его происхождении, времени составления и составе, где заключено более двух десятков литературных сочинений (более половины из которых - московские). Исследование вопроса о летописном источнике Троице-Сергиева монастыря в составе "Свода 1408 г." приводится в развитие ее решения.

Обратимся прежде всего к возможным, связанным с Троице-

Сергиевой лаврой текстам Троицкой летописи (руководствуясь при этом соответствующей методикой в области летописеведения); Их сравнительно немного в сохранившемся или восстановленном материале "Свода 1408 г.". И все они концентрируются в памятнике в хронологических пределах конца третьей четверти XIУ – начала XV в. и составляют здесь значительную часть церковных известий в целом¹⁸.

1374 г. /Сказание об основании Высоцкого Богородицкого – Зачатьевского монастыря/: О сооружении "по мысли" кн. Владимира Андреевича монастыря в Серпухове "на Высоком" и при участии "мужа свята" и "отца многим монастырем" старца иг. Сергия из Радонежа, который стоит "до сего дни", его первом игумене Афанасии, ученике Сергия, который затем уехал в Царьград, где и умер в глубокой старости.

1375 г. О тяжелой болезни св. старца, иг. Сергия, которая началась в "Великое говенье", и его выздоровлении к "Семенову дни" (с нравоучительными рассуждениями по поводу опасения "праведника божиа").

1379 г. /Сказание об основании Стромьинского – Успенского – Дубенского монастыря/: о создании преп. старцем, иг. Сергием на р. Дубенке у о. Стромьни "присного" монастыря, по повелению вел. кн. Дмитрия Ивановича, закладке там, освящении, украшении иконами и книгами им церкви св. Богородицы Успения (с открытой датой), первом монастырском игумене Леонтия – преемнике "Большого монастыря от Великой лавры".

1384 г. О смерти на "Пентикостной неделе" келаря иг. Сергия, "живяя святым житьем" чернца Ильи.

1385 г. О поездке в Филипово говенье, "самого" преп. старца, иг. Сергия в Рязань к вел. кн. Олегу Ивановичу с предложением о мире с вел. кн. Дмитрием Ивановичем, который "устыде бося толь свята мужа и взя со князем великим мир".

1387/88 г. О смерти ученика "великого отца" преп. старца-молчальника Исаакия (с подробной оценкой добродетелей чернца и датой).

1392 г. О смерти преп. иг. Сергия, св. старца, "всей Русской земли нашей учитель и наставник" (с открытой датой).

1392 г. Некролог — Похвальное слово св. иг. Сергия.

1402 г. О смерти смоленского еп. Михаила и его захоронении в монастыре "у Троицы", близь гроба старца, иг. Сергия (с конкретной датой).

Все указанные тексты образуют тематически единый комплекс и относятся к известному церковному деятелю, первому игумену Троице-Сергиевой лавры Сергию Радонежскому и его ближайшему окружению; они имеют явно церковный характер (в отличие от других упоминаний о нем в московских, общерусских записях летописей), датированы, включают два летописных Сказания об основанных Сергием московского и серпуховского монастырей, житийный догочник, посвященный ему. Примечателен "камертон" летописи записей, где подчеркиваются действия первого троицкого игумена как "самого" Сергия, отношение к нему как "отцу многим монастырем" и "учителю и наставнику" всей Русской земли, определяется название Троицкой обители как "Большой монастырь", "Великая лавра". Иного такого цельного и целостного комплекса известий об одной и той же обители "Свод 1408 г." не знает.

И это не все. С этим комплексом троицких известий перекликаются и некоторые другие оходной "окраски" тексты. Речь идет о следующих записях.

1374 г. О крещении в Переяславле св. старцем преп. Сергием сына вел. кн. Дмитрия Ивановича — Юрия (в записи о рождении княж. Юрия, с открытой датой).

1377 г. О нарушении слова суздальским еп. Дионисием, данного св. "поручнику" старцу, иг. Сергию перед великим князем владимирским с навывезде в Царьград (из Повести о Митяе).

1381 г. О крещении преп. старцем, иг. Сергием вместе с митр. Киприаном сына серпуховского кн. Владимира Андреевича — Ивана (в записи о рождении княж. Ивана, с датой).

1385 г. О крещении преп. старцем, иг. Сергием сына вел. кн. Дмитрия Ивановича — Петра (в записи о рождении княж. Петра, с открытой датой).

1389 г. Об участии преп. старца, иг. Сергия в похоро-

нах вел. кн. Дмитрия Донского (из Слова о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича).

Приведенные тексты являются, наверное, преимущественно основным материалом непосредственно "Свода 1408 г." (а не троицкого источника). Вместе с тем здесь просматривается рука летописца-редактора, который был автором изложения упомянутых выше одного графариета троицких известий; он пользуется стематически и в этих текстах одними и теми же или сходными определениями и эпитетами (например, преп. старец, св. старец). А.Н.Насонов обращал внимание на близость по руке летописца записи 1392 г. о смерти иг. Сергия и записи 1382 г. о смерти нижегородского Печерского монастыря старца, чернеца Павла Высокого¹⁹. О подобной близости говорит и названные уже монастырские записи 1384 и 1387/88 гг. о кончинах троицких чернецов.

Опраждая троицкие тексты в составе "Свода 1408 г.", необходимо учитывать одно обстоятельство. Восстановление этого памятника за конец XIV - начало XV в. страдает значительной неполнотой и его отражение в родственных Симеоновской летописи и Рогожском летописце сохранилось в тверской редакции 1412 г. Она особенно радикально коснулась материала указанного периода (об этом говорят, в частности, прямые выписки из рукописи Троицкой летописи Н.М.Карамзина, в ряде случаев перекрывающих их тексты). Поэтому вполне вероятна утрата или сокращение наряду с другими и троицких записей. При этом надо иметь в виду и значительную обработку главного источника при составлении "Свода 1408 г." - Летописца Великого Русского 1389 г. В Симеоновской летописи и Рогожском летописце прослеживаются некоторые отступления от показаний Н.М.Карамзина, касающихся троицких текстов под 1374, 1379, 1402 гг. Так только в сообщении Троицкой летописи под 1402 г. о смерти смоленского епископа Михаила в Лавре говорилось о его захоронении у церкви св. Троицы, "близ гроба старцева" и точном сроке его епископства (19 лет). Московский "Свод 1479 г.", тоже непосредственно связанный своим происхождением с Троицкой летописью, в общей записи сравниваемых летописей под 1392 г. о смерти

Сергия Радонежского дополнительно свидетельствует о его захоронении "в ч.стной обители св. Троицы, иже сам созда". В этом летописном памятнике конца XV в. (и в близком изложении в Софийской I летописи) читается и известие 1364 г. о поездке игумена Сергия в качестве посла великого князя владимирского в Нижний Новгород с вызовом в Москву князя Бориса Константиновича, закрытия им "по митрополичьему слову" там всех церквей из-за непослушания суздальского князя²⁰. Сообщение об этом посольстве, связанном с противоборством суздальских князей тех лет, передано в "Своде 1408 г." по политическим мотивам глухо, и более полные записи о нем восходят, очевидно, уже к материалу свода времени митрополита Фотия (1423 г.), в котором вновь были использованы местные источники. К сожалению, Н.М.Карамзин не сделал выписок из Похвалы св. Сергию, находившейся в Троицкой летописи под 1392 г. на 20 листах и опущенной в отразивших данный памятник других летописях.

В общем реконструированный текст Троицкой летописи представляет нам единый, но, безусловно, отрывочный материал о Сергии Радонежском с опущением многих известных страниц из его жизни (с полным отсутствием данных о начальной истории Троице-Сергиева монастыря). В других, более поздних летописях (и в Житии Сергия) он значительно и охватывает период на большом протяжении лет. Это относится к официальным по своему значению текстам сводов: из Повести о митрополите Алексее — о поездке иг. Сергия к своему ученику в Андронников монастырь или его прощальной встрече того же года с митрополитом; из Повести о Донском побоище — о грамоте иг. Сергия о благословении вел. кн. Дмитрия Ивановича перед побоищем с Мамаем или поездке московского князя в Троице-Сергиев монастырь к иг. Сергию за благословением и помощью для "ратного дела"²¹.

Находящийся в нашем распоряжении летописный материал о Сергии Радонежском дает основание высказать суждение о ведении в Троице-Сергиевом монастыре в конце XIV в. регулярных летописных записей из жизни основателя этой крупнейшей московской обители и других ее духовных деятелей, его уче-

ников, которая выразилась в форме монастырского Летописца. Летописание в Троицкой лавре начиналось в сложившихся условиях литературно—"учительской" среды, об одном из представителей которой, ученике Сергея Радонежском Афанасии помнило и новое поколение: "еже и ныне свидетельствуют писания его" или "доброписания много руки его и донныне свидетельствуют"²².

Предполагаемый Летописец "Великой Лавры", по всей вероятности, имел своим окончанием запись под 1392 г. о кончине первого троицкого игумена, венчавшуюся пространным Похвальным словом "всей нашей Русской земли учителю". Он представлен в составе общерусского свода начала XV в. не в полном объеме и читается в дошедшем до нас тексте памятника как выборка разрозненных известий, открывающихся Сказанием 1374 г. и сообщением 1375 г. о болезни игумена Сергея. Отмеченное уже датирование троицких известий говорит о современном их записывании. Вместе с тем упомянутые Сказания об основании двух монастырей игуменом Сергием под 1374 и 1379 гг., опирающиеся, очевидно, на современные записи о его активной монастырской деятельности, включают элементы воспоминаний очевидцев и сравнения минувших событий со стороны более позднего времени. Сказание о Высоцком монастыре содержит показание, что Сергей "игумен мнози братья и отец многим монастырем, о нем же суть многа свидетельства". Между тем это первое (и одно из двух) летописное сообщение об участии в широком монастырском строительстве на Северо-Востоке Руси Сергея Радонежского (и его учеников), пришедшего в Серпухов "от Великия своя обители, честного монастыря". В этом Сказании под 1374 г. говорится как об осмотре им места, закладке церкви Зачатия св. Богородицы, после создания которой "установижеся таковые праздник церкви праздновати месяца декабря в 9 день, зачатие св. Анны", так и об устройстве монастыря, "еже есть до сего дня", и его первом игумене Афанасии, который потом оказался в Царьграде, где умер в "старости глубоцей". Афанасий Высоцкий оставил игуменство где-то после 1382 г., в котором вместе с митрополитом уехал в Киев и затем в Константинополь. Возможно, это

произошло в 1387 г., когда он поселился в одном из монастырей Царьграда. В Константинополе Афанасий упоминается в 1392 и 1401 (?) гг.²³ В другом Сказании о Дубенском монастыре тоже описаны разновременные события.

Данные наблюдения о текстах Сказаний под 1374 и 1379 гг., как и об особенностях соответствующих московских записей 1374, 1377, 1381, 1385 и 1389 гг., позволяют распространить выводы о летописной работе в Троице-Сергиевом монастыре за хронологические пределы интересующего нас Летописца конца XIV в. Логика исследования о Летописце Троице-Сергиева монастыря, как источнике "Свода 1408 г.", диктует рассмотрение еще трех смежных связанных с ним в один узел вопросов:

Первый вопрос относится к определению соотношения Летописца Троице-Сергиева монастыря и Жития Сергия. М.Д.Приселков видел в этом троицком источнике "Свода 1408 г." вероятность отражения первых усилий по созданию жития основателя Лавры, включая Похвалу. В связи с таким предположением А.Н.Насонов отметил трудности разграничения монастырских записей, указав на необходимость его согласования с материалом Жития Сергия в редакции Епифания Премудрого, доведенной до смерти игумена, т.е. также до 1392 г. Прежде всего Епифаниева редакция Жития Сергия, которая сохранилась в разных списках XV-XVI вв. в обработке Нахомия Логофета, имеет более обширный биографический материал, но не "поглощает" полностью летописные, связанные с Сергием записи Троицкой летописи. В "Житии" нет параллелей целому ряду ее сообщений. Исследователь этого "Жития" В.О.Ключевский, разделяя летописные и житейные сведения о первом троицком игумене, писал: "Кончина Сергия записана под 6900 г. в летописях Троицкой, Софийских и Воскресенской; первая, древнейшая по составу, передает известия о Сергии, которых нет в Житии и которые записаны, по-видимому, современником, например, о болезни Сергия в 1375 г."²⁴ Нет прямых хронологических совпадений и в Сказаниях об основании Сергием Высоцкого и Дубенского монастырей. Они представляют собой оригинальные сочинения "Свода 1408 г.". Это отчетливо свя-

детальнее Сказание под 1371 г.; оно имеет более пространственный текст, где читаются не известные Житию Сергия Радонежского данные (например, об игумене Афанасии, об усвоении праздника в связи с осуждением в Серпуховском монастыре церкви Зачатия св. Богородицы). В Сказании под 1379 г. речь идет об основании церкви св. Богородицы Успеня и монастыре на Дубенке, где Сергей нарек игуменом пресвитера из Лавры Леонтия, о котором у Епифания не упоминается в главе о Стромьинско-Дубенском монастыре.

Далее, в "Своде 1408 г." сообщение под 1392 г. о смерти Сергия Радонежского имеется такое чтение в конце: "просто рещи и недоумю его жития оказати, не написати", обнаруживая первичность летописного известия монастырского источника памятника и отсутствие у его составителя Жития троицкого игумена. И оно не противоречит подобной информации из вступительных слов житийного источника Епифания Премудрого: "Давлю же ся о сем, како толико лет минуло, а Житие его не написано... пречюдный и преподобный отъзели же преставися 26 лет прежде, никто же не дръзняше писати о нем, не дальши, ни близьши, ни болши, ни менши". В обоих случаях фиксируется в разном изложении один и тот же факт. В летописном и житийном сочинениях указывается на неготовность Жития Сергия к началу XV в. Но Епифаний Премудрый добавляет к своим словам, что, приступая в 1418 г. к жизнеописанию первого троицкого игумена, он имел "у себя за 20 лет приготованы такового описания свитки, в них же бяху написаны некие главизны, сие о житии преподнаго памяти ради: ова убо в свитках, ова же в тетратех...".

Разбор интересующего нас вопроса предполагает, по возможности, дать ответ о происхождении названных Епифанием свитков и тетрадей и связи его сочинения с ними. В литературе бытует взгляд, что они являются трудом писателя и духовника "Велицей лавры всему братству" и приготовлены им путем обора материала для биографии игумена Сергия, в том числе путем опроса "самовидцев" сравнительно недавних монастырских событий. Житие Сергия повествует, что "о нем же

беседа вспоминается, иже присно воспоминаемый подвижник". В предисловии к Житию Епифаний уведомляет читателя, что он много сам видел или слышал о Сергии²⁵.

По всей видимости, в Лавре существовала практика устного сказания, как написание похвальных слов, используемых для церковных служб. Список погребенных в Троице-Сергиевой лавре 1880 г. дает сведения об иноке Игнатии, келейнике игумена Никона как "сказателе его жития Пахомиа Логофету"; имеется и ссылка на его источник-сочинение этого писателя в рукописном сборнике XV в., гласящий: "От жития св. Никона, ученика бывша блаженного Сергия чудотворца, сведено вкратце... яко же ми поведа ученик его присный Игнатий". Об этом говорится в одном из списков краткой редакции Жития Никона Радонежского; а именно: источником его биографии были рассказы "еще в теле обретавшихся то же обители иноков, свидетелей известных", один из которых келарь Игнатий, "ведши исперва рождение и житие преподобнаго". Е.Е. Голубицкий называет Игнатия среди известных иноков "от братства Сергия", живших в Троицком монастыре вместе с келарем Ильей, Исаакием Молчалником, смоленским архимандритом Симоном, Епифанием Премудрым и др. С его именем Пахомий Серб связывал первое из чудес Сергия Радонежского²⁶.

При этом нельзя исключать того, что среди имевшегося у Епифания материала были и современные летописные записи (с точными датами), которые представляли искомым Летописец конца XIV в. и часть которых использовалась в Троицкой летописи. И в летописной работе могли принимать участие и сказатели житий, тот же инок Игнатий. Этот материал мог иметь вид свитков или "свертков на деревце". Напомним, что в Опись Лавры 1641-1643 гг. занесены данные о хранении в ее библиотеке среди книг "свертков на деревце", принадлежавших наряду с церковными рукописями на харатье Сергию Радонежскому и представляющих собой, наверно, навитые на деревянные палки свитки из бересты или бумаги. Так полагал А.И. Соболевский. Интересно, что некие подобные "харатейные свитки" упоминались среди книг в Описи 1631 г. патриаршей ризницы Московского Успенского собора²⁷. Сделанное предполо-

ложение сопоставимо с характеристикой Епифанием свитков и тетрадей бывших в его распоряжении. Он писал, что "в них же баяху написаны" какие-то отдельные - "некия главизны" о троицком старце, которые перепутаны - "аще и не по ряду, но предняя позади, а задняя наперед". Так мог сказать не только автор этих материалов, а скорее всего писатель, определивший отношение к оказавшимся в его руках для работы источникам. И В.О.Ключевский точно замечает, что в существующих списках Житие Сергия редакции Епифания Премудрого страдает хронологической непоследовательностью в передаче материала по причине прямой неудачи писателя привести до конца в порядок упомянутые им свитки и тетради и изложить все описанные события "по ряду"²⁸.

Что касается обнаруживаемого житийного профиля некоторых троицких записей в "Своде 1408 г." и прежде всего сообщения 1392 г. и следующего за ним Похвального слова Сергия Радонежскому, то это типичная черта, свойственная многим церковным текстам митрополичьей летописи начала XV в.; подобная "окраска" вполне могла отличать и ее материал, вышедший из Лавры. Общие места в ряде случаев: стилистические формулы и приемы воплощения творческих идей в письме Троицкой летописи и Жития Сергия Радонежского - это, думается, служат единым выражением особенностей метафоричеки-символического стиля письма, характеризующего всю русскую литературу периода конца XIV - начала XV в., которое было связано с югославянским влиянием и нашло наиболее яркое отражение в сочинениях Епифания Премудрого. Это коснулось и Троицкой летописи; при изложении в сходной манере церковных тем в двух литературных памятниках этого времени не могли перекрестно не найти место и общие писателям-идеологам митрополичьей кафедры и "Великой лавры" концепции, включая, например, элемент отношения к устройству общего жития в монастырях (с упоминанием первых его устроителей).

Относительно Похвалы надо полагать, что она, по-видимому, представляет приложение к летописному тексту, как самостоятельное сочинение. По сравнению с другими литературными сочинениями, вошедшими в состав Троицкой летописи, оно

было только, наверно, значительно большим по объему, занимая около 20 листов рукописи памятника. Н.М.Карамзин целиком опустил в своих Примечаниях "Истории государства Российского" его текст, указав, что там "нет ничего исторического, один набор слов, иногда заблудный". Комментируя это замечание, М.Д.Приселков выразил сожаление, т.к. "восстановить эту похвалу не представляется возможным"; по его мнению, она была расположена после некролога Сергия, завершающего летописное сообщение под 1392 г. о смерти игумена словами: "...слава въ веки. Аминь". В своей работе "Троицкая летопись. Реконструкция текста", опубликованной в 1960 г., он дал ссылку в этом месте: "Отсюда в Т/роицкой/ начинается Похвала Сергию". С ним согласился А.Н.Насонов. Но в более раннем обобщающем исследовании Приселков считал, что Похвала Сергию отчасти сохранилась в Симеоновской (как некролог) и в более значительной части - в Софийской летописях²⁹.

Но в последнем памятнике, представляющем московский, доведенный до 1518 г. свод, находится не Похвала Сергию, а один из списков его "Жития" (включая главу о преставлении преп. Игумена Сергия). С другой стороны, в Симеоновской летописи (Рогожском летописце), отразившей Троицкую летопись, читается, видимо, сокращенный, в несколько строк вариант Похвального слова, который был воспринят Карамзиным, как "один набор слов" и имел последним словом: "Аминь". Вот этот текст в полном виде (вместе с записью о смерти основателя Троицкой лавры):

"Тое же осени, месяца оентября в 25 день, на память святна преподобна Ефросинии, преставшая преподобна игумен Сергии, святна старец... чюдным и добрым и тихим, кротким, смиренным; просто речи и недоумев его житна оказати не написати. Но токмо vemos и преже его в нашем земле такова не бывало, иже бысть богу угоден, царьми и князи честен, от патриарх прославлен, и неверные цари и князи чюдися житю его и дары .. нему олаша; всеми человеки любим бысть честнаго ради житна, иже бысть пастух не токмо своему стаду, но всеи Русской земли нашей учитель и наставник, слепым вождь, хромым хождение, болным врач, алчным и жадным

питатель, нагим одение, печальным утеша, всем христианом бысть надежа, его же молитвами и мы грешнии не отчаемся милости божья, богу нашему слава в веки, аминь".

Приведенный летописный материал имеет следующий близкий текст о Похвальным словом Епифания Премудрого:

"Сергие святыи старец, чюдный, добродетелеми всякими украшен, тихый и кроткий нрав имея, и омиренный... добрый пастырь, правый учитель, неслестный наставник... князем великим русским учитель... и продолжая слово не могли по достоинству написать жития доброго господина, и святого старца, не могли по подобию нарещи, или похвалити достойно"³⁰.

Надо полагать, мы встречаемся здесь с первой попыткой создания Похвалы Сергию, которая (не будучи идентичной), наверно, предшествовала подобному сочинению начала XV в., приписываемому Епифанию Премудрому, и попало в свод времени митрополита Киприяна вместе с Летописцем Троице-Сергиева монастыря конца XIV в. (если он не заключал его). Доведшая до нас редакция епифаниевой Похвалы и летописный вариант практически совпадают по объему листов.

Второй вопрос касается другого местного источника "Свода 1408 г." — Летописца Владимира Андреевича Серпуховского. Об использовании этого семейно-княжеского Летописца в общерусском памятнике летописания впервые также высказался М.Д.Присяжков (определив в нем его основные, "бесспорные" записки). Подтвердив данное мнение, А.Н.Насонов справедливо усматривая личианатуву привлечения серпуховского источника к работе при оставлении митрополичьего свода со стороны Троице-Сергиева монастыря³¹. Действительно, Троице-Сергиев монастырь находился на территории владений князя Владимира Серпуховского. Литийный (собранный митрополитом Макарием) и актовый материалы говорят о его расположении в Радонеже. "Великие Минеи Четьи" (сентябрь. Дни 25-30) свидетельствуют: "не токмо бо сего великий монастырь, якоже велико, в Радонежи состави..."³². Радонеж, согласно духовной грамоте Владимира Андреевича, принадлежал этому князю (а потом его сыну Андрею)³³. Не случайно в Литии Сергия (по списку Никонской летописи) отдельно оговорено: "...Радонеж, где даде

князь велики Иван Данилович сынови своему мизиному, князю Андрею" и подчеркнута "от него же родися князь Владимир". Добавим к этому еще, что названный выше житийный источник дает и другое сообщение о том, что серпуховской князь имел "великую веру и любовь" к Сергию и часто посещал Троицкий монастырь: "часто приходаше посещения ради", бывал там в окружении своих бояр. Кроме того, в одном из списков Жития Сергия, дошедшем до нас в составе Софийской II летописи, имеется также свидетельство о "боярине князь Владимирова", которого "кормити монастыря его послал князь"³⁴. Как известно, сам Сергий переселился вместе с родителями в Радонеж (из Ростова) еще до основания Троицкой лавры. "Свод 1408 г." указывает на пребывание Сергия в этой "области". В Никоновской летописи середины XVI в. троицкий игумен называется уже "ради памяти" Сергием Радонежским³⁵. Укажем еще, что в Лавре рядом с Сергием Радонежским погребены сыновья князя Владимира Андреевича Симеон и Андрей. Примечательно, что на надгробной плите последнего радонежского князя Андрея была выбита запись: "В лето 6934/1426/ г., в тридцать четвертое лето по преставлении и по обретению мощей чудотворца Сергия, преставися на Москве князь Андрей Владимирович, в иноцех Сава, и погребен в Троице-Сергиевом монастыре в церкви Живоначальной Троицы, за правым клиросом в углу"³⁶. Это произошло уже при преемнике Сергия, постриженнике Высоцкого монастыря — игумене Никоне, который являлся духовным отцом Владимира Серпуховского; им подписано и духовное завещание князя. Находясь в Лавре, он бывал в Серпухове, где некоторое время жил в Высоцком монастыре, посланный Сергием к своему ученику, игумену Афанасию³⁷. А.Н.Насонов считал, что именно в лице Никона есть основания предполагать того, кому обязана Троицкая летопись привлечению в ее состав Летописца серпуховского князя Владимира Андреевича.

Владимир Андреевич по прозвищу Храбрый был одним из видных представителей Московского княжеского дома; он являлся энергичным политическим деятелем своего времени, нередко

находился в конфронтации с центральной московской властью. Московская летопись уделяет ему большое внимание на своих страницах. Материал "Свода 1408 г." о Владимире Серпуховском читается в великокняжеско-митрополичьих текстах и имеет самостоятельное значение. Именно среди последних в основном и находится серия записей серпуховского источника. Такие записи можно встретить в Троицкой летописи под 1353, 1368, 1371, 1373, 1374, 1376, 1380-1382, 1385, 1388, 1389, 1392, 1394, 1404, 1407 гг., которые повествуют о разных сторонах его жизни, в том числе семейной. Не разбирая специально вопро о содержании Летописца Владимира Серпуховского, коснемся "окраски" или церковной специфики отдельных его материалов, их "протроицкой" ориентации. Это сказывается в характере известий; летописец прибегает к открытым датам, включающим данные не только о времени года, месяце и числе событий (с учетом определенной со временем утраты отдельных показаний), но и церковного календаря. Так, в известии 1353 г. говорится о рождении князя Владимира 15 июля на память св. мученика Кирика и Улиты, "на сорочины" отца своего князя Андрея Ивановича, "на третьей неделе по Петрову дни", а в другом известии 1373 г. сообщается о поездке князя Владимира Андреевича в Великий Новгород "по збору ва неделю и седел в Новгороде до Петрова дни". Еще в одной записи под 1388 г. упоминается о рождении у серпуховского князя сына Ярослава зимой "межи говение", 18 января, "на память св. отец Афанасия и Кирила". Под тем же годом имеется известие о "розмирии" великого князя Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем и пленении "княжи володимировых" бояр, где дается показание только на Мясоед, "Великое заговенье". Тексты серпуховского Летописца отчетливо характеризуют запись под 1389 г., извещающая: "Тое же зимы, в Фядипово говение, месяца декабря в 9 день, на память св. пророка Аввакума, преставися раба божия благоверная княгини Мария Андреева, мати суци Володимеру, в чернецах и скиме, наречено бысть имя ей во мнишьском чину Марфа, и положена бысть в церкви св. Рожества в честнем монастыре на Рве, иже сама съездала, еще суци при своем животе".

Для решаемого нами вопроса представляет интерес применяемые в искомом источнике такие определения Владимира Серпуховского как "благородный и христоробивый", "князь любя и монастыри и честь велику въздая мнишескому чину". Подобным образом он характеризуется в записях под 1374 г. о закладке им в своей отчине города Серпухова и в Сказании о Высоцком монастыре, под 1380 г. — об освящении созданной им ооборной церкви св. Троицы в Серпухове. В материале "Свода 1408 г.", содержащем названные Сказания о Высоцком и Дубенском монастырях, мы встречаемся, думается, с оводным светско-церк. зным текстом одной авторской руки. В одном случае речь идет об основании обители по мысли "о мн-настырском устроении" князя Владимира Андреевича, в другом — "повелением великого князя Дмитрия Ивановича". Но в обоих Сказаниях главным действующим лицом остается трояцкий игумен Сергей. По данным Сказания о Высоцком монастыре, игумен Сергей "ишед от великия своея обители" в Серпухов по просьбе князя Владимира Андреевича, "живяще же в его области, в стране, нарицаемей в Радонеже, в его пределе, в его отчине... и зглядав место подобно и пригоже монастырь", "основание церкви положи своими руками".

Можно видеть одного и того же составителя или редактора в указанной уже записи под 1381 г. о крещении игуменом Сергием сына князя Владимира Серпуховского Ивана. В один ряд, может быть, надо поставить с этими текстами и сообщение 1382 г. о поездке в Киев вместе с митрополитом Киприаном игумена Афанасия, который, как уточняется летописцем, был "из Серпухова княж Володимиров Андреевича о Высокаго" (поставленным Сергием Радонежским первым игуменом Высоцкого монастыря).

Последним известием "Свода 1408 г." из серпуховского Летописца служит сообщение 1407 г. о свадьбе в Москве сына князя Владимира Андреевича Ярослава на дочери ярославского князя (с датой). Надо думать, что он мог содержать и заключающую его запись под 1410 г. о смерти серпуховского князя в Москве и его захоронении там в церкви св. арх. Михаила, которая уже не вошла в Троицкую летопись³⁸. В целом разобранный

материал Летописца Владимира Серпуховского подтверждает заключение А.Н.Насонова о соответствии включения в "Свод 1408 г." этого местного источника "желанию" Троице-Сергиева монастыря и позволяет говорить о возможной его причастности к созданию этого памятника.

Третий вопрос обусловлен возникающей проблемой отношения Троице-Сергиева монастыря к происхождению "Свода 1408 г.", являвшийся когда-то одним из памятников его собрания пергаменных рукописей. Принимая во внимание принадлежность данной рукописи и главное — включение в состав Троицкой летописи двух местных летописных источников, связанных с Лаврой (которые охватывает значительный массив материала завершающей части "Свода 1408 г."), такая постановка вполне правомерна. Необходимо учитывать и возможную троицкую редакцию некоторых великокняжеско-митрополичьих текстов. Имеются все основания думать, что формирование первого митрополичьего свода проходило при самом активном участии Троице-Сергиева монастыря, который занимал близкую позицию к общественно-политической линии митрополичьей кафедры и ее главы времени митрополита Киприана (например, в вопросе о притязаниях Московского княжеского дома на решение церковных дел при Дмитрии Донском). Сергей Радонский был его единомышленником. После кончины Сергия Киприан приезжал специально в Лавру, чтобы выбрать надлежащее место для захоронения первого ее игумена в Троицкой церкви. В Похвале Епифания говорится: "...преосвященный митрополит Киприан, пересмотрев и рассудив в себе, како и где погребется блаженный, и благослови и повел ям положить его в церкви, на правой стране, еще и бысть"³⁹.

И нетрудно согласиться с А.Н.Насоновым, заметившим, что касательство Лавры к этому мероприятию, не ограничивалось, вероятно, выдачей ей по требованию канцелярии митрополита материала монастырских летописных записей и черновых набросков, относящихся к жизни крупного церковного деятеля. Более того, Насонов не исключал завершения работы над "Сводом 1408 г." после смерти Киприана в 1406 г. в стенах Троице-Сергиева монастыря. Он писал, что, несмотря на

неблагоприятные условия для этого: разорение Троицкой обители во время нашествия Едигея на Москву в 1408 г. и последующее за ним ее восстановление, решительно отрицать такую возможность нельзя.

Здесь следует напомнить показание под 1406 г. в "Истории Российской" В.Н.Татищева на Степенную книгу, повествующую по этому поводу, что митрополит Киприан "книги своею рукою писал", "преписа соборы, бывшие в Руси, многи жития святых руссоких и степени великих князей руссоких... летопись руссокую от начала земли Русския вся по ряду. И многи книги к тому собрав, после архимандриту Игнатию Спасскому докончити, я же и соблюдох"⁴⁰.

В современной литературе неизвестен список Степенной книги с таким текстом (который был в руках историка ХУШ в.), а к достоверности всех содержащихся в нем данных одни исследователи отнеслись с доверием, другие — с большим сомнением⁴¹; возражения касались главным образом бытования Степенной книги редакции митрополита Киприана. Однако в целом выражена общая точка зрения о ведении Киприаном активной литературной деятельности. Нам сегодня известно, что Киприан имел отношение к появлению Жития митрополита Петра (мнения В.О.Ключевского, Л.А.Дмитриева) и, может быть, написанию Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича (мнения Л.В.Черепнина), составлению Списка русских городов, дальних и ближних (мнение Б.А.Рыбакова) и т.п. До наших дней сохранилось несколько церковных рукописей, написанных его рукой, его переводы греческих книг⁴². Он автор "Прощальной грамоты" 1406 г., которая читалась в составе Троицкой летописи; в сообщении памятника начала XV в. о смерти Киприана прямо указывалось на его участие в "деле книжного писания", в частности, во время посещения им подмосковной резиденции — села Голенищева, где митрополит в "опришной церкви Трех Святителей составил названную грамоту"⁴³. Вопрос о причастности митрополита к "летописи русския от начала земли Русския", в данном случае — "Своду 1408 г.", рассматривается преимущественно как признание здесь за Киприаном прямой инициативы и самой организации им летописного дела

при митрополичьей кафедре, включая сбор материала в центре и на местах и его редакцию⁴⁴.

О месте завершения работы над Троицкой летописью после 1406 г. высказаны разные точки зрения, в том числе и связанная с оставленным В.Н.Татищевым сообщением об "архимандрите Игнатии Спасском". М.Д.Приселков в развитие этого предположения (допуская его реальный характер) отмечал, что сам материал Троицкой летописи "ведет" нас к архимандриту московского монастыря в Кремле Игнатию. Он справедливо полагал, что речь может идти в данном случае об иерархе Спасо-Преображения монастыря на Бору, который был одним из вероятных центров раннего московского летописания⁴⁵.

Имеется и другое суждение. В именном указателе к "История Российской" В.Н.Татищева Игнатий Спасский определен архимандритом Спаса-Андронникова монастыря. Однако в Московской летописи начала XV в. именно иерархи придворного великокняжеского монастыря обычно упоминаются как "архимандрит Спасский" и т.п. (в других случаях летописец, как правило, уточняет название обителя; например, "Иван, нарицаемый Непейца, архимандрит Спасский", "Григорий, дьякон Спасский" - 1377 г., "Семен архимандрит Спасский" - 1382 г., "Сергий, архимандрит Спасский" - 1389 г., но "Игнатий, архимандрит Андронниковский" - 1520 г.).

Более того, в литературе имеет место отождествление упоминаемого Татищевым Игнатия Спасского с смоленским иеродьяконом Игнатием, - автором известного "Хождения Пимена в Царьград", принимавшим участие в поездке 1388-1391 гг. митрополита в Константинополь в качестве спутника смоленского епископа Михаила. Подобной точки зрения придерживался, в частности, Е.Е.Годубинский. Он писал, предполагая, что архимандрит Игнатий был из московского Симонова монастыря, из иеромонахов которого был поставлен Михаил в смоленские епископы - "он-то и мог быть потом архимандритом Спасским (после Феодосия, который в 1406 г. был оделан Киприаном из архимандритов Спасских митрополичьим киевским наместником)". Сходное мнение высказывал ранее и архиепископ Филарет (Гумилевский)⁴⁶. Надо сказать, что это положение неоднозначно

было воспринято среди исследователей⁴⁷ и не получило дальнейшего подтверждения.

Напомним, что после смерти Пимена и возвращения епископа Михаила и других участников поездки на Русь, Игнатий Смольнянин некоторое время оставался в Константинополе, посетив и другие места. Кроме описания путешествия Пимена, он оставил путевые заметки о своем пребывании в Царьграде, Афоне и т.п. Перу Игнатия могли принадлежать сделанные очевидцем записи 1388 г. (о конкретных датах) о пребывании в Царьграде царя Мануила о сыне турецкого султана Амурата и о видении — "зряче" падение звезд в этом городе, известные Львовской летописи (т.е. близкой к концу XIV в. "Своду 1408 г.", Московской летописи начала XVI в. и обладающей "избытком" известий). В Троицкой летописи с его авторством можно более определенно связывать пространные сообщения 1393 и 1398 гг. о походах синовей султана Амурата, Челябия на Тернов и Баязита на Царьград (об осаде города и помощи ему Москвы), которые представляются в некоторой степени "иностраным" текстом памятника. Подобные сюжеты, касающиеся военных действий самого Амурата и Баязита против греческого и сербского царей, нашли отражение в "Хождении" Игнатия (Никоновская лет. 1389 г.). Далее в редакционной работе архимандрита Игнатия Смольнянина можно отнести отдельные данные "Свода 1408 г." о митрополите Пимене и смоленском епископе Михаиле.

А.А. Шахматов, подвергнувший сравнительному изучению "Хождение" Игнатия Смольнянина и так называемое Сказание летом вкратце (доведенное до 1405 г.; в составе рукописи XVI в. при его сочинениях), выделял ряд известий-вставок как несомненно принадлежащих его руке, например, 1388 г. о поездке смоленского епископа Михаила в Москву или 1402 г. о его кончине (и захоронении в Лавре), о указании о 19 годах епископства. Ученый обратил внимание на то, что такие тексты не встречаются в известных летописях⁴⁸. Между тем сходная запись под 1402 г. с указанием на годы епископства Михаила содержала, как отмечено выше, в соответствующей записи Троицкая летопись (с конкретной

датою — согласно прямой выписке из нее Н.М.Карамзина). И мы, наверно, обязаны этому архимандриту Игнатию, а не материалу Летописца Троице-Сергиевого монастыря конца XII в. Вполне вероятно, что он бывал в эти годы в Лавре и принял участие тут в похоронах епископа Михаила, одного из учеников Сергия Радонежского, оговорив отдельно в записи о его захоронении "близ гроба старцова".

Заметим при этом, что при жизни Сергия членом братства Лавры был и смоленский архимандрит Симон. Об этом упоминает в его Жития Епифаний Премудрый, указав: "прежде же некто архимандрит Симон от Смоленска... и тако пребываше в послушании святого Сергия"⁴⁹. Надо иметь в виду и другие две касающиеся Троице-Сергиева монастыря записи Игнатия в Сказании летома вкратце. Здесь вслед за сообщением о кончине Михаила говорится, что: "В лето 6912 августа 4 изгоре больница лаврокая, в ней згориха 3 старца. Того же лето приходила царица Калоянава в овятую лавру"⁵⁰. Появление в Лавре в 1404 г. византийской царицы напомнило Игнатию, очевидно, события о захвате Царьграда Калдуяном Андрониковичем, его воцарении там и затем изгнании царем Мануилом, очевидцем которых во время путешествия он был, и овидетельство об этом внес в свое сочинение.

Данной точке зрения противостоит еще заключение, с которым выступил Б.М.Клосс. Он считает автором Троицкой летописи Епифания Премудрого. Такой вывод Клосс сделал, предприняв сравнительно-текстологический анализ летописного памятника начала XV в. и агиографических сочинений писателя. К сожалению, он при этом использовал в основном летописный текст Рогожского летописца, в котором отразилась утраченная Троицкая летопись в тверской редакции 1412 г., и не все нужные выписки привлечены из этого памятника в "История государства Российского" Н.М.Карамзина. Кроме того, Рогожский летописец имеет за конец XIV — начало XV в., где особенно сказались, как уже отмечено, тверская обработка (вплоть до замены и сокращения текстов основного источника), пустые статьи 1396—1397 гг. и обрыв текста за 1400-

1409 гг. Это полностью не оговорено исследователем. Наибольшая представительность "Свода 1408 г.", включая исконые тексты, обеспечивается только путем обращения ко всему корпусу известий лаврентьевско-троицкой группы летописных памятников. Наличие в Троицкой летописи, начиная с середины 70-х гг. XIV в., определенного комплекса известий о Сергее Радонежском и его оподвижниках, их характер, четко выраженный повышенный интерес этого памятника к фигуре первого игумена Лавры послужил одним из главных доводов в пользу вывода Клосса о том, что автором многослойного по составу "Свода 1408 г." мог быть только его первый биограф Епифаний Премудрый. Но необходимо иметь в виду, что новые московские летописи XV-XVI вв. включают уже само Житие Сергия Радонежского и тема об этом церковно-политическом деятеле звучит еще сильнее. Упомянутый вывод Б.М.Клосса сделан без учета достаточно представительной историографии вопроса о происхождении Троицкой летописи, ее основных источниках (включая местные) и связанная с ней система доказательств как памятника общерусского митрополичьего (или великокняжеского) летописания. Нам известно об этом исследовании по его докладу на одной из научных конференций 1980 г., в котором он отметил также принадлежность перу этого биографа целого ряда московских и тверских литературных памятников, сохранившихся в общерусских летописях (например, Повести о Темир-Аксаке, Повести о Тохтамыше, Повести о Куликовской битве, Слова о житии Михаила Тверского и других)⁵¹.

После возможных странствий по Востоку и жизни в Константинополе, Иерусалиме и на Афоне постоянным местом пребывания Епифания где-то в конце XIV в. стал Троице-Сергиев монастырь, где он имел сан иеромонаха и был духовником монастырской братии (он умер там ок. 1420 г.)⁵². Падомничество Епифания на Восток по святым местам предполагается прежде всего на основании соответствующего текста из приписываемого ему Похвального слова Сергию Радонежскому: "Не исходя от места своего в иныя пределы, разве нужда не кня. Не взыска (Сергий, - Авт.) царствующего града, ни Святыя

горы, или Иерусалима. Яко же язъ окаянный и лишенный разума; увь, люте мне! Ползая семо и овамо и преплаваа скду и овуду, и от места на место преходя". Однако, принимая во внимание, что Похвала дошла до нас в почти 40 поздних списках XV-XVII вв., утверждать, что эти слова принадлежат Епифанию, а не вербу Пахомию Логофету, в редакции которой данное сочинение доступно сегодня читателю, оснований нет (кстати, в Псалтири Епифания Кириллу Белозерскому от начала XV в. говорится, что принадлежавшее ему Евангелие с рисунками Константинопольской Софии, скопированы с изображения, выполненного живописцем Феофаном Греком). С другой стороны, в Послесловии одной из редакций серба Жития Сергия Радонежского содержатся и другие показания на этот счет: "Сиа же язъ смиренный тахо иеромонах Похомие, пришедши ми в обитель святаго и видя чюдеса часто бываемаа от раки богоноснаго отца, паче же увидев от самого ученика блаженнаго, иже много лета паче же он самага възроста юности живша с святым. Глаголо же Епифаниа, иже бяше и духовник в велицей лавре всему братству, ведый блаженнаго известно, иже и по ряду сказае о рождении его и от возрасту и от чюдотворении и от преставлении, свидетельствующим же и иным многим братиам"⁵³. Поэтому, например, связывать с его именем восточные сюжеты в Троицкой летописи не представляется возможным (и Клоос не обращается к ним). Но принимая во внимание всю обрисованную выше связь "Свода 1408 г." с Лаврой, упомянутая постановка вопроса Клоосом имела определенный смысл. Вместе с тем, на наш взгляд, типический жанр творчества Епифания с резко выраженным "плетением словес", как литературным стилем его письма, риторической и только ему присущей сложной манерой изложения исторического материала не позволяет проводить полноценное сопоставление его сочинений с летописанием, имеющим свою традиционную специфику передачи событий. Не случайно в центре внимания Клооса оказались преимущественно параллельные (и рассмотренные выше) материалы Летописи начала XV в. о Троице-Сергиевом монастыре (но не весь) и Жития Сергия Радонежского, автором которого являлся Епифаний Премудрый.

Нам не удалось обнаружить прямой связи руки этого агиографа с материалом предполагаемого Летописца Троице-Сергиева монастыря и Летописца Владимира Серпуховского, служившим составной частью текстов "Свода 1408 г.". Последние источники, включая повествования о двух монастырях, имеют, повторим, самостоятельное значение по составу известий и стилистике письма по сравнению с Житием (если не считать переключку описания отдельных общих событий одной и той же биографии). Здесь можно говорить только об определенной близости текстов и одном объеме Похвалы Сергию и Похвального слова содержавшегося под 1392 г. после известия о смерти первого троицкого игумена в "Своде 1408 г." и читаемое теперь в сильном сокращении, как отрывок в производных сводах, т.е. Симеоновской летописи и Рогожском летописце.

Заключая исследование, следует сказать, что рассмотренные поставленной темы позволяет несколько шире представить развитие ранней московской письменности, ее характер, особенности и формы.

-
- 1 Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т.2. Кн.2. С.1148-1153; Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940. С.132-133; Насонов А.Н. История русского летописания XI - начала XIII века. М., 1969. С.363-365; Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV - начала XV в. М., 1991. С.192-193 и др.
 - 2 Кадров Н.И. Просветительская деятельность Троице-Сергиева монастыря за три века ее существования // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1892. № 10. С.456-460; № 11. С.516-518; Вадорнов Г.И. Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой четверти XV в. // ТОДРЛ. 1966. Т.22. С.119-143; Розов Н.Н. Книга России в XV веке. Л., 1981. С.108-119.
 - 3 Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1868. Вып.4. С.117-118; Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1878. Т.2. С.3; 1896. Смесь. С.17-18; Иконников В.С. Указ. соч. 1891. Т.1. Кн.1. С.615-620; Попеску Т.А. Основные источники XIII века по истории библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Опись 1641 г. и вкладные книги 1639 и 1673 гг. // Книгопечатание и книжные собрания России до середины XIX в. Л., 1979. С.30-32.

- 4 Иконников В.С. Указ. соч. Т.2. Кн.2. С.1148 и др.; Насонов А.Н. Указ. соч. С.362-409.
- 5 Иван Грозный (как и Екатерина II) брал, очевидно, из Троицкой лавры для своих занятий исторические рукописи, в том числе летописи. См.: Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1850. Т.7. Смес. С.7. (Опись домашнего имущества царя Ивана Васильевича по опискам 90 и 91 года).
- 6 Карамзин Н.М. Сочинения. СПб., 1848. Т.1. С.400, 500.
- 7 Муравьева Л.Л. Указ. соч. С.13-72.
- 8 Альшиц Д.Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XV-XVI вв. Описания. М., 1968. С.40. № 7; С.145, № 13, 14; С.149, № 136; С.154, № 7; С.156, № 62.
- 9 Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. Приложение. См. также: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Т.1-3.
- 10 Иконников В.С. Указ. соч. Т.1. Кн.1. С.615 (Иларий, иером. и Арсений, иером.); Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч.1-3 // ЧОИДР. М., 1878. Кн.2. С.1-19 и 4; 1879. Кн.2.
- 11 Чтения в Обществе истории и Древностей Российских. М., 1847. № 7. С.4. См. также: Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. (Фототипич. воспроизв. текста изд. 1928 г.). С.108-109.
- 12 Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С.427.
- 13 Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1865. Вып.3. С.18-26 (публикация "Краткого летописца" А.Ф.Бычкова); Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С.362; Леонид, архим. (Л.А.Кавелин). Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой, Сергиевской лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. СПб., 1887. Вып.1-2. № 34.
- 14 Каштанов С.М. О описках двух неопубликованных летописных сводов // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т.8. С.454-466.
- 15 Насонов А.Н. Указ. соч. С.316, 317, 351, 371-374, 376, 381, 388, 389, 397, 405, 407, 409. См. также: Он же. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук. Л., 1930. № 9. С.722-723. См. также: Сербина К.Н. Из истории русского летописного конца XV в. (Летописный свод 1497 г.) // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып.11. С.391-428.

- 16 Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи ХУІ-ХУІІ вв. М., 1980. С.199, 266, 267, 273, 274.
- 17 Шахматов А.А. Симеоновская летопись ХУІ в. и Троицкая летопись начала ХУ в. // Известия. Отделение русского языка и словесности. СПб., 1900. Т.5. Кн.2; Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л., 1950; Муравьева Л.Л. Указ. соч. См. также: Она же. Летописание Северо-Восточной Руси конца ХІІІ - начала ХУ века. М., 1983.
- 18 В данном исследовании используется текст "Свода 1408 г." из книги М.Д.Приселкова "Троицкая летопись". С.396-398, 410, 418, 421, 425, 428, 429, 432, 434, 440, 441, 455.
- 19 Насонов А.Н. История русского летописания. С.364.
- 20 ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т.25. С.183, 219; СПб., 1851. Т.5. С.230.
- 21 Там же. Т.5. С.183, 202-203; М., 1965. (Фототипическое воспроизв. текста изд.1897 г.). Т.ІІ. С.30, 32, 34, 52, 53, 59, 60, 62, 65, 67, 68, 70.
- 22 Там же. Т.ІІ. С.144; Великие Минеи Четии, собранные вое-
российским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 25-30 // Памятники славяно-русской письменности. СПб., 1888. Стб.1440.
- 23 ПСРЛ. М., 1913. Т.18. С.134; Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. Кн.І. С.116; Лазарев В.Н. Новые памятники византийской живописи ХІУ века // Византийский временник. М., 1951. Т.4. С.122-131.
- 24 Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как историче-
ский источник. М., 1988. (Ротапринт. воспроизв. текста. Изд.1878 г.). С.104. Примеч.1.
- 25 ПСРЛ. Т.ІІ. С.123, 132; Ключевский В.О. Указ. соч. С.89, 90, 99, 102-103; Зубов В.П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях Жития Сергия Радонежского) // ТОДРЛ. М.-Л., 1953. Т.9. С.145-158 и др.
- 26 Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основа-
ния оной до 1880 года. М., 1880. С.69, № 765; Яблон-
ский В. Пахомий Серб и его агиографические писания, СПб., 1908. С.74; Голубинский Е. Преп. Сергий Радонежский и основанная им Троицкая лавра. Сергиев-Посад, 1892. С.90-91. (Иларий, иером. и Арсений, иером.). Описание славянских рукописей // ЧОИДР. 1879. Кн.2. С.173.
- 27 Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничных, эконо-
мов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК. 1868. Вып.4. С.117. См. также: Опись книгам в сте-
пенных монастырях находящимся, оставленная в ХУІ в. // ЧОИДР. 1848. № 6; Вестник Осщества древнерусского иску-
ства. М., 1874. Т.6. С.16; Голубинский Е. Указ. соч. С.28, 255; Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. СПб., 1901. Первый курс. С.30.

- 28 "Великие Минеи Четии". Стб. I464; Филарет (Гумилевский). Указ, соч. С. I20; Ключевский В.О. Указ, соч. С. I03-I10.
- 29 Карамзин Н.М. Примечания к "Истории государства Российского". СПб., 1852. Т.5. Примеч. 254; Приселков М.Д. Троицкая летопись. С.440. Примеч. 3; Он же. История русского летописания. С. I32-I33; Насонов А.Н. История русского летописания. С.364-365.
- 30 ПСРЛ. СПб., 1913. Т. I8. С. I42; М., 1965. (Фототипич. воспроизв. текста изд. 1922 г.). Т. I5. С. I63-I64; Тихонравов Н. Древняя жития преп. Сергия Радонежского. М., 1892. Отд.2. С. I31-I38.
- 31 Приселков М.Д. История русского летописания. С. I32; Насонов А.Н. История русского летописания. С.365-368.
- 32 "Великие Минеи Четии". Стб. I50I; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. М., 1952. Т. I. № 6, 7.
- 33 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. С.46.
- 34 ПСРЛ. СПб., 1853. Т.6. С. I22; Т. II. С. I29; "Великие Минеи Четии". Стб. I558; Тихонравов Н. Указ, соч. Отд.2. С.42.
- 35 Приселков М.Д. Троицкая летопись. С.397; ПСРЛ. Т. II. С.5, I29, I43.
- 36 Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре. С. I; Леонид, архим. (Л.А.Кавелин). Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881. С.36.
- 37 Ключевский В.О. Указ, соч. С.247-248, I53; Вадорнов Г.И. Указ, соч. С. I32.
- 38 Приселков М.Д. Троицкая летопись. С.373, 395-397, 4I9, 425, 433, 435; ПСРЛ. Т.25. С.240.
- 39 Тихонравов Н. Указ, соч. Отд.2. С. I45.
- 40 Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1965. Т.5. С.204-205, 300.
- 41 Филарет (Гумилевский). Указ, соч. С.77, 86-87; Иконников В.С. Указ, соч. Т.2. Кн.2. С. II5I. Примеч.5; Приселков М.Д. История русского летописания. С. I40.
- 42 Ключевский В.О. Указ, соч. С.78-88; Дмитриев Л.А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы: (К русско-болгарским связям XIV-XV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1963. Т. I9. С.2I5-254; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960. С.659 и др.; Рыбаков Б.А. Просвещение // Очерки русской культуры XIII-XIV вв. М., 1970. Ч.2. С.202-205.
- 43 ПСРЛ. СПб., 1907. Т. I7. С. I5I; Карамзин Н.М. Примечания к "Истории". Т.5. Примеч. 246.
- 44 Ваоенко П.Г. Кто был автором "Книги Степенной царского родословия"? // ЖМНП. М., 1902. № I2. С.289-306; Он же. "Книга Степенная царского родословия" и ее значение в

- древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. I. С. 152-153; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 45-48 и др.; Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 197-200 и др.
- 45 Приселков М. Д. История русского летописания. С. 129, 140 и др.
- 46 Голубинский Е. История русской церкви, М., 1900. Т. 2. Кн. I. С. 348-351; Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 121 (№ 82). См. также: Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре. С. 121 (№ 87).
- 47 Голубовский Н. Св. Киприан, митрополит всея Руси (1374-1406 гг.), как писатель // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения, М., 1892. Кн. I. С. 358-424; Иконников В. С. Указ. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 1151, 1308-1309.
- 48 Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., 1938. С. 322, 323, 326-327.
- 49 Голубинский Е. Преп. Сергей Радонежский. С. 90; Тихонравов Н. Указ. соч. Отд. I. С. 21.
- 50 Хожение Игнатия Смольнянина / Под ред. С. В. Арсеньева // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887. Вып. 12. Т. 4. С. 33.
- 51 Клосс Б. М. Методы атрибуции автора Троицкой летописи // Материалы научной конференции историков в Лос-Анджелесе. 1990. Одним из аргументов Клосса в подтверждение заключения об авторстве Троицкой летописи Епифания приводится сходная тут (как представляется исследователю) с его житийными сочинениями приуроченность событий периодам деятельности крупных государственных и церковных деятелей и общая здесь (в "Своде 1408 г." - некролог великой нижегородской княгини Василионы 1372 г.) ошибка, касающаяся объединения по времени правлений византийского царя Андроника Палеолога и патриарха Каллиота (Однако, речь идет, очевидно, не об Андронике II, а об Андронике III, современнике этого иерарха). Между тем хронология известий в таком роде не является исключением в летописной работе в целом (сопровождаясь при обобщении несколько свободным иногда обращением с историческим материалом, восстанавливаемого по памяти в подобных случаях).
- 52 Горюкий А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры // ЧОИДР. М., 1878. Кн. 4. С. 50, 52, 58; Голубинский Е. История русской церкви, Т. 2. Кн. 2. С. 174.
- 53 Тихонравов Н. Указ. соч. Отд. 2. С. 146; Сказание Епифания михона о пути в Иерусалим, 1415-1417 гг. / Под ред. арх. Леонида // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 5. Вып. 3. С. I-III; Яблонский В. Указ. соч. С. 57, 124-126.

КОДИФИКАЦИЯ ПРАВА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА. Сравнительное
историко-правовое исследование

Проблематика просвещенного абсолютизма, как известно, стала в последнее время предметом широких дискуссий в исторической науке прежде всего с точки зрения выявления общих и специфических черт его проявления в различных государствах региона. Просвещенный абсолютизм в странах Восточной Европы предстает при этом как своего рода ответ на быстрое экономическое и социальное развитие Западной Европы, попытка традиционных структур приспособиться к новым условиям развития, наконец, означает стремление к модернизации сверху путем реформ и активного вмешательства государства в жизнь общества, средством чего служит регламентация социальных отношений, усиление их регулирования с помощью права. В идеологии просвещенного абсолютизма право выступает как основной инструмент проведения в жизнь разумных начал организации общества, о чем связана активная законодательная деятельность в самых различных направлениях. Обращение к истории права в таких странах как Россия, Пруссия, Австрия и ряд других государств рассматриваемого региона и периода позволяет обнаружить ряд крупных законодательных инициатив, имеющих принципиально общие черты как по содержанию, так и по времени своего возникновения. Можно констатировать, что существует несомненная связь между такими явлениями как стремление к созданию общегосударственного права и развитием Просвещения, национального самосознания, просвещенного абсолютизма, вообще государственности нового времени. Весьма перспективным в этой связи является обращение к правовой программе абсолютистских государств Восточной Европы, ее содержанию, основным этапам ее разработки и реализации и результативности. Отсюда проистекает основная идея данного исследования — сравнительный анализ кодификации права в России и других государствах Восточной Европы как самостоя-

тельного и очень важного этапа правовой модернизации нового времени. Рассмотрим данную проблему по трем основным направлениям: во-первых, основные этапы кодификации права в странах Восточной Европы с целью выяснения общих тенденций социальной политики; во-вторых, та область правового регулирования, в которой оно оказалось наиболее эффективным — отношения правящего класса и бюрократии; в-третьих, соотношение нормы и действительности при проведении законодательства в жизнь.

Под кодификацией понимается, как правило, законодательная деятельность по упорядочению, систематизации и приведению в известность действующего права данной страны путем обобщения его в едином кодексе, уложении или своде законов¹. Такое традиционное понимание кодификации, однако, не отражает ее специфики применительно к эпохе просвещенного абсолютизма. На первый план в этот период выступает отнюдь не только и не столько идея упорядочения действующих законов, сколько стремление законодателя создать принципиально новую систему регулирования общественных отношений. Кодификация выступает при этом одновременно как цель (создание новых, совершенных законов, отвечающих перспективным задачам развития общества) и как орудие (внедрение в общество новых отношений и представлений об идеальном или желательном его устройстве). В результате кодификация в новое время (в отличие от традиционных ее форм) становится самостоятельным фактором общественного развития, аккумулируя в себе отношения, противоречия, настроения эпохи². По существу крупные кодификационные инициативы — это основные вехи социальной эволюции, а деятельность кодификационных комиссий разных стран — средоточие политики права господствующих режимов. Теоретическую основу преобразования социальных отношений с помощью законодательства составляла, как известно, доктрина естественного права.

Центральной проблемой теории естественного права в новое время являлось объяснение конфликта между обществом и государством, народом и властью, подданными и правителями. Главным становился вопрос о том, как обеспечить

социальный контроль над властью, согласовать суверенитет с правами народа. Естественное право стремилось устранить этот дуализм с помощью концепции общественного договора. Поэтому для всех теорий естественного права общим является как раз то, что они принимают идею общественного договора, а также связанное с ней представление о том, что власть есть порождение всего общества, делегировавшего свои права одному человеку, группе лиц или учреждению сословно-представительного характера. Сторонники естественного права, полностью принимая учение об общественном договоре, различались, таким образом, скорее теми выводами, которые они делали из него³. Так, на теории общественного договора покоились учения Гоббса и Спинозы с их аплогией абсолютизма. Из этой же теории исходили их идейные противники — сторонники народного суверенитета, монархомахи, Локк, выступавшие против абсолютизма. Наконец, на идее общественного договора основаны были и концепции, отстаивавшие средний между двумя предшествующими путь развития, к числу которых могут быть отнесены теории Гроция, Пуффендорфа и их последователей, оказавшие значительное влияние на кодификацию права периода просвещенного абсолютизма. В эпоху Просвещения и Французской революции естественное право в трудах энциклопедистов и просветителей интерпретируется как право, соответствующее принципам Разума. Разумным же, с их точки зрения, является лишь такое право, которое соответствует природе человека как разумного существа. Отсюда происходят трактовки естественного права и, в частности, общественного договора у Руссо и Монтескье, развивавших, однако, его принципы с совершенно различных социально-политических позиций. Первостепенное значение при этом придавалось положению о том, что природе человека изначально присущи определенные этические принципы, играющие в организации общества регулирующую роль, своего рода исконные правовые начала. Речь шла о подходе к праву с точки зрения общечеловеческих ценностей, выработанных цивилизацией, на основе которых в принципе возможно создание идеала общественного устройства. В отличие от позитивной юриспруденции, которая

обычно придерживалась консервативной направленности, теория естественного права была гораздо более радикальна по самой своей сути, ставя задачей постоянное соотнесение идеала и действительности. Будучи изначально неисторичной в своих основаниях, устремлениях и результатах, она служила не для объяснения прошлого, а для обоснования и выражения того будущего, которое она стремилась вызвать к жизни. Особенно существенную роль она сыграла при переходе от традиционной государственности к государству нового времени. Естественное право, таким образом, оказало весьма мощное влияние на все социально-политическое движение рассматриваемого периода, но прежде всего — на кодификацию.

Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи просвещенного абсолютизма прошла следующие основные этапы: начала кодификационных работ; проведения кодификации, собственно, в период Просвещения; и, наконец, завершения кодификации права, приходящейся уже на конец всего рассматриваемого времени.

Утверждение абсолютизма в странах Восточной Европы означало качественно новый этап в развитии общества и государства, сопровождавшийся усилением его вмешательства в социальные отношения. Усиление военного, административного и экономического контроля над обществом, выразившееся в создании особого полицейского или регулярного государства, было возможно лишь при условии известной систематизации и унификации права, определении обязанностей всех сословий и социальных групп по отношению к государству. Рационализация управления была, таким образом, главной побудительной причиной пересмотра традиционного права, будь то обычного, статутного или римского. Подходя к этой проблеме с другой стороны, можно отметить, что модернизация права (принимавшая, как правило, форму кодификации), была для государства основным способом регулирования социальных отношений и структур, их изменения в желательном для себя направлении. Это не значит, конечно, что кодификация права не имела места ранее утверждения абсолютизма. Она возможна в принципе при любой форме правления, хотя и совпадает,

как правило, по времени с периодами консолидации и централизации власти. Важно подчеркнуть здесь другое: в период утверждения абсолютизма в странах Восточной Европы — России, Пруссии, Австрии, отдельных германских государствах, кодификация получила новые функции, состоящие не только и не столько в систематизации старого права, сколько в создании нового, построенного на иных началах и активно проводящего в обществе волю абсолютного государя.

С этой точки зрения обращает на себя внимание тот факт, что начало кодификационных работ в странах Восточной Европы приходится на одно время, а судьба их оказалась во многом сходной⁴. Так, в Габсбургской империи начало кодификационных работ относится к 1709 г., когда император Иосиф I учредил комиссии в Брюнне и Праге для создания единообразного законодательства для Богемии и Моравии. Аналогичные работы в Пруссии начались со вступлением на престол Фридриха-Вильгельма I (в 1713 г.), когда впервые была четко сформулирована идея о необходимости создания кодекса или общего земского права. Кодификация права в Пруссии, как и повсюду в Европе, а возможно, даже в более сильной степени сама по себе явилась важным инструментом контроля, унификации и централизации управления, финансов и судопроизводства в ходе подъема национального государства нового времени. Соглашаясь, в принципе, в объяснении общих предпосылок кодификации, специалисты, однако, спорят по вопросу о непосредственных побудительных ее причинах. Формально главной целью монарха при объявлении о начале кодификационных работ являлось покончить с засилием римского права, которое традиционно являлось здесь действующим или, во всяком случае — обеспечить такое его применение, которое не противоречило бы состоянию страны и здравому смыслу. Однако дело было, на наш взгляд, прежде всего в том, что старое право не имело цельного систематического выражения, создавало много опорных вопросов, было написано на непонятном народу языке. К замене его новым кодексом побуждали прежде всего соображения рационализации управления и судопроизводства. Сходными причинами и стремлениями объясняются и попытки

кодификации права в других странах того же времени. Так, в скандинавских странах они привели даже к созданию первых кодексов, изданных соответственно в Дании в 1688 г. и в Швеции - в 1736 г., носящих, впрочем, довольно традиционалистский характер. В Италии попытка кодификации права была осуществлена в Пьемонте и приходится на 1723 г., когда был издан кодекс Виктора-Амадея II, не отменивший, однако, действия прежних законов и обычного права.

Для России петровского времени, на которое приходится первые в период утверждения абсолютизма попытки создания нового кодекса, можно говорить об универсальной, направленной и систематической реформе права, охватившей все его области - государственное, гражданское, уголовное право и судопроизводство. Уже в начале XVIII в. возник вопрос, неоднократно поднимающийся и позднее, о замене Уложения 1649 г. новым кодексом⁵. Только в области государственного права, например, петровская реформа поставила и разрешила вопрос о престолонаследии, реорганизации центральных и местных учреждений, введении новой податной системы, нового порядка чиновничества и т.д. принципиальные для государства проблемы. Если в эпоху Московской Руси законодательство создавалось эволюционно - путем обобщения прецедентов (указов и жалоб, практики государственных учреждений, решений Боярской думы и Земских соборов, переосмысления иностранного законодательства и др.), то законодательство XVIII в. имело уже другую природу: оно исходило не из фиксации традиции и обычая, а из активного вмешательства в жизнь, часто с целью преодоления прежних порядков⁶. В период петровских реформ право, ориентированное в отличие от традиционного на разумное и рациональное регулирование социальных отношений, их модификацию с целью достижения общего блага, творится уже не посредством прецедента, но путем внедрения самого этого закона, становящегося в принципе единственным источником права. Возникают предпосылки для более широкого заимствования западных институтов, идей и законов, которые представляются более соответствующими принципам рационального общественного устройства. Исходя из этого, для петровской эпохи следует

различать два типа кодификации — традиционный, ставящий своей задачей простое упорядочение и систематизацию уже имеющегося законодательства (как это делалось и ранее) и новый — стремящийся к созданию на имеющейся основе или без нее нового законодательства. Законодательные комиссии ХУШ в., и особенно первой его четверти, ставили перед собой фактически обе эти задачи — кодификацию существующего права и создание нового Уложения. Это, в свою очередь, открывает возможность рассматривать их с двух точек зрения — как кодификационные учреждения и одновременно как центры проведения определенной политической линии, выражающие стремление правительства законодательно закрепить социальные изменения.

Первая Уложенная комиссия, образованная указом 18 февраля 1700 г., поставила на первое место задачи кодификации в собственном смысле слова: ее целью стала систематизация законодательных актов, изданных после Уложения 1649 г. и составление Новоуложенной книги. Систематизация права не имела здесь, однако, чисто формального характера: суммируя частные прецеденты, она по существу санкционировала определенную политику, состоявшую в отмене условного характера поместного землевладения и уступках монастырскому землевладению⁷. Сословная направленность проекта Новоуложенной книги и сильное церковное влияние в нем обусловили факт неприятия деятельности Палаты об Уложении и представленного ею кодификационного проекта. Как показало обращение к архивным материалам комиссии 1700 г., в составе первой Уложенной комиссии преобладали представители правящей элиты, о чем свидетельствует их место в иерархии Государева двора, прежде всего — думские чины: бояре, окольничьи, думные дворяне, думные дьяки, стольники, а также приказные дьяки и дворяне. Техническими исполнителями были подьячие. Уложенная комиссия уделила большое внимание поместно-вотчинному законодательству, стремясь систематизировать большой законодательный материал, принятый по этому вопросу во второй половине ХУП в. За это время было издано много указов, известных как

"Новоуказные статьи", дополняющих или изменяющих соответствующие нормы Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. Общий смысл этих изменений состоял в постепенной отмене условного характера служилого землевладения и сближении правового статуса поместья и вотчины, чего настойчиво добивалось дворянство. Средоточием этих претензий являлся Поместный приказ — учреждение, ведавшее землеобеспечением служилого дворянства и не случайно именно этот институт представил Уложенной комиссии докладную записку, в которой давалась сводка соответствующего земельного права. Кодификация данных законодательных актов несомненно явилась бы новым шагом в превращении их в новую, получившую авторитетную санкцию государства, правовую систему. Существовала и еще одна сторона, заинтересованная в принятии подготовленного проекта — церковь, поскольку вопрос об обмене (являющемся, подчас, замаскированной формой продажи) земли помещиков и вотчинников с монастырями трактовался здесь в пользу последних. Таким образом, неудача работы комиссии, которую старшие историки объясняли главным образом техническими трудностями, связана, по всей видимости, с общим консерватизмом предложенного ею проекта, который так и не был утвержден Петром⁸.

Новая попытка кодификации законов была предпринята в 1714 г., поскольку неупорядоченность права продолжала быть серьезным препятствием в судопроизводстве и управлении. На этот раз руководство всей работой было организовано не по сословному, а скорее по бюрократическому принципу. Во главе кодификационной деятельности стоял Сенат, а все государственные учреждения — приказы обязывались собрать и систематизировать именные указы и боярские приговоры, принятые после Уложения 1649 г. в сфере их компетенции. В отличие от предшествующей комиссии, была сделана целенаправленная попытка получить из приказов материал, уже систематизированный по отношению к соответствующим разделам Уложения 1649 г.⁹ На места была разослана таблица, которая позволяла получить сопоставимый материал о действующем и крайне разрозненном законодательстве с целью его последующего

сведения в единый кодекс. Именно поэтому ряд историков права и считал, что мы имеем здесь дело с обычными кодификационными работами. Однако можно предположить, что в действительности имелась в виду не просто систематизация действующего законодательства, но проведение определенной политики права. Смысл ее можно определить как попытку отмены позднейших указов и возвращения к нормам Уложения 1649 г. На основании текста петровского указа от 15 июня 1714 г. "О вершении дел по Уложению" можно предположить далее, что правительство исходит из необходимости отмены или по крайней мере приостановки многочисленных предшествующих указов по земельным вопросам с возвратом к практике Уложения. Отметим, что кодификационная работа переплеталась в этот период с попыткой Петра создать новое законодательство по вопросам земельного права. Указ о майорате 1714 г., явившийся результатом всех этих попыток, продвинул решение вопроса в трех направлениях: он окончательно уравнивал статус поместной и вотчинной форм землевладения; установил недробимость дворянского землевладения; стимулировал обращение дворянства к военной и гражданской службе. Таким образом, и другая Уложенная комиссия петровского времени затрагивала социальные изменения в области землевладения. Однако поставленные проблемы не могли быть решены путем формальной кодификации, предполагали выход за ее рамки, что и объясняет отсутствие реальных результатов деятельности второй комиссии.

Третья попытка упорядочения законодательства, принятая в 1719 г., носила уже принципиально иной характер. Было решено осуществить синтез западного (шведского и датского) законодательства с отечественным, причем для регламентации поместного права привлекались нормы эстляндского и лифляндского права. Комиссия состояла поэтому из русских и иностранных специалистов, что само по себе свидетельствует о стремлении к модернизации традиционного русского права за счет западного. В период контрреформ послепетровского времени кодификация права, однако, пошла по иному пути.

В России, как и в других странах Восточной Европы, первый этап кодификации не дал осязаемых результатов, если

не считать саму постановку этой проблемы. Общими причинами тому являлись — объективная неподготовленность юриспруденции к решению данной проблемы, стремление согласовать и интерпретировать в рамках естественного права как римское, так и местное — обычное и письменное право, наивная вера в возможность простого заимствования иностранного права, даже целых кодексов. Кроме того, изначальная установка на унификацию разнородных норм действующего права едва ли могла быть выполнена полностью в условиях сохранения многих традиционных пережитков. Однако суть дела состояла не только (и не столько) в кодификационных трудностях. Ведь в России, например, правительство на протяжении длительного времени обращалось к созданию нового Уложения, причем уже первая комиссия подготовила Уложение (Новоуложенную книгу) и представила ее к утверждению вместе с проектом соответствующего манифеста. Проблема, по-видимому, состояла в другом: если Петр не принял составленного Уложения потому, что шел дальше его, то преемники не видели в этом особого смысла, поскольку, добившись власти с помощью дворянства, укрепляли ее дальнейшими уступками ему. В этом лучше всего проявилась противоречивость позиции Просвещенного абсолютизма в целом, нашедшая выражение в кодификации права на следующем, втором ее этапе.

Следующим крупным этапом кодификации является ее проведение в эпоху Просвещенного абсолютизма и второй половины XVIII столетия. По мнению большинства современных ученых, в странах Восточной Европы XVIII в. это была модификация абсолютизма, объективно стремящегося приспособиться к новым условиям развития путем модернизации традиционных социальных отношений и институтов, догоняющего развития и европеизации. В задачу Просвещенного абсолютизма входило, поэтому, во-первых, сохранение в неизменном виде основ существующего строя, вершиной которого была неограниченная власть монарха, и, во-вторых, максимальное их приспособление к новым условиям развития гражданского общества, правового государства, обеспечения прав человека. Отсюда стремление к пересмотру традиционных отношений с позиций общечеловеческих

ценностей и достижений мировой цивилизации и в то же время неспособность практического воплощения этих ценностей в жизнь. Главное противоречие Просвещенного абсолютизма состоит в неразрешимом конфликте между целями и средствами их достижения — идеалом социального прогресса ("общее благо"), — с одной стороны, и господством принуждения — армии, бюрократии и полиции — с другой. Внешним выражением такой ситуации является кодификация права, неизбежно приобретающего крайне абстрактный и оторванный от жизни характер. Важной особенностью законодательства Просвещенного абсолютизма не случайно является то, что оно выводится теоретическим путем из господствующих общих идей, принципов и представлений, причем, как правило, западноевропейского происхождения. Это, конечно, улучшало законодательство, модернизируя его, придавая ему большую концептуальную завершенность и логичность, но в то же время часто вело к отрыву от реальных условий общественного развития, превращая едва ли не в пустую декларацию. Примером может служить заимствование идей Вольтера, Монтескье и Беккариа в сочинениях просвещенных монархов, например, знаменитом Наказе Екатерины II, которые не оказали, впрочем, существенного влияния на практику. Поэтому кодификация права на деле часто (если не всегда) оборачивалась усилением регламентации и полицейского контроля. Вся организация управления и государственных учреждений, их деятельности направлена на мобилизацию имеющихся ресурсов для проведения активной внутренней и внешней политики, а потому вращается в основном вокруг фискальных, военных и полицейских целей. Государственное регулирование охватывает как различные социальные слои, группы и институты, так и экономическую сферу, где, основываясь на принципах меркантилизма, направляет развитие хозяйственной деятельности, торговли, мануфактуры, ремесел, предпринимательства. Осуществление всех этих мер предполагает существование разработанного и весьма четкого права, которое начинает рассматриваться как средство проведения политики Просвещенного абсолютизма. Отсюда становится понятной, во-первых, синхронность появления кодифика-

ционных проектов в рассматриваемое время; во-вторых, тот факт, что попытки проведения кодификации постоянно возобновлялись в дальнейшем и, наконец, в-третьих, та напряженность законотворческой деятельности, которая в равной степени была присуща таким просвещенным монархам как Фридрих II, Иосиф II и Екатерина II.

Действительно, середина XVIII в. повсюду отмечена возобновлением и быстрым развитием кодификационных работ, составлением завершенных проектов кодексов, которые, однако, почти нигде не вошли в законную силу. В этой связи можно указать на составление первого проекта кодекса в Пруссии, порученное Фридрихом II Ямуилу Кокцею в 1747 г., в результате чего им были представлены части проекта 1749 и 1751 гг., которые, впрочем, не были одобрены государем. Вполне оправданно сравнение этого мероприятия с законодательными работами по составлению гражданского Уложения в Габсбургской империи (1753–1755 гг.), хотя кодификационный проект и здесь не получил одобрения. В это же время шли работы и по созданию Баварского кодекса (1751–1756 гг.), составленного в 1756 г. вице-канцлером бароном Крейтмайром, но не позволившего, однако, преодолеть разнородности местного права. Мысль о кодификации гражданского права возникла и в Саксонии (1763 г.), где была создана законодательная комиссия, не оставившая результатов своей деятельности. В Итальянских государствах кодификация права, начатая еще в начале XVIII в. в Пьемонте, проходила далее в Неаполе, где при министре Карла III, Тануччи, в 1751 г. был составлен кодекс, подготовленный Дж. Чирилло, герцогстве Тосканском, где она начата была в 1745 г. П. Нери, но не получила завершения, наконец, в Модене, где при герцоге Франческо III в 1755 г. был создан свод законов. Сходная ситуация сложилась в России в 50-х гг. XVIII в., когда подготовленный уже проект нового Уложения не был утвержден Елизаветой Петровной, а позднейшая деятельность Екатерининской Уложенной комиссии 1767 г. также не привела к определенным результатам. Сравнение хода и результатов кодификационных работ середины XVIII в. наводит на мысль об их принципиальной типологической

общности. Заслуживает внимания и более общая проблема того, почему первые попытки создания единых кодексов гражданского права Просвещенного абсолютизма повсюду оказались неэффективны и не получили завершения. Для ответа на эти вопросы важно обратиться к анализу самого механизма кодификации, конкретных обстоятельств и условий ее проведения.

Замысел кодекса Фридриха Великого, составление проекта которого было поручено С.Кокцею в 1747 г., особенно четко отражал идеологию Просвещенного абсолютизма, свойственную многим государям рассматриваемого периода. Общее направление работ, согласно духу времени, состояло в попытке создания кодекса, основанного на началах чистого разума и имеющего всеобщее применение¹⁰. Предполагалось поэтому, что кодекс должен устранить все недостатки предшествующего, исторически сформировавшегося права, в том числе — римского, обычного и статутного. Задачи систематизации, унификации и рационализации права, сформулированные в указе Фридриха II от 31 декабря 1746 г., должны были решаться на основании Разума и естественного права. К работе законодательной комиссии были привлечены "все сословия, суды и университеты". Поскольку кодекс был задуман и как широкое идеологическое мероприятие в духе Просвещенного абсолютизма, текст проекта получил достаточно широкое распространение и был переведен на иностранные языки. Один из таких переводов (на французский язык), сделанный в Галле в 1751 г. и содержащий развернутое обоснование целей и задач предпринятой кодификации, сохранился в библиотеке князей Воронцовых¹¹. Проект, однако, не получил одобрения в целом и был введен в действие лишь в некоторых провинциях, причем далеко не полностью. Основная причина неудачи данной попытки традиционно усматривается в следовании Кокцея принципам естественного права, в изначальной установке на создание единого права для всех стран и времен. В результате такого подхода проект представлял собой скорее собрание философских принципов, чем точных и определенных юридических норм,

которые могли бы быть положены в основание судопроизводства.

В Габсбургской империи, возможно под влиянием кодификации в Пруссии, аналогичные законодательные работы начались в 1753 г., когда по указанию Марии-Терезии в Брюнне была созвана кодификационная комиссия для создания единого точного права для всех разнообразных земель, входивших в состав империи. Имелось в виду провести систематизацию как письменного, так и обычного гражданского права различных провинций, привлечь иностранное законодательство и создать на этой основе общее право, соответствующее принципам разума². Работа, продолжавшаяся весьма длительное время и сопровождавшаяся изменением состава кодификационных комиссий, их руководства и характера деятельности в направлении бюрократизации, была завершена лишь в 1766 г. созданием проекта первого гражданского Уложения. Переданный на рассмотрение Государственного совета, решающую роль в котором играл канцлер Кауниц, он, однако, не получил одобрения и соответственно не был утвержден Марией-Терезией. Кодификация гражданского права была продолжена и получила отчасти свое завершение в период реформ Иосифа II. Представленный ему в 1785 г. проект был принят за основу, а после повторного пересмотра опубликован. В 1787 г. это Уложение (а точнее, его часть) вошло в силу в немецких провинциях и Галиции под названием "Кодекса Иосифа II"¹³. Кодекс отменял на значительной территории государства все конкурирующее право и тем самым означал важный шаг в унификации права и централизации государственного управления. Следует отметить, что вообще при Иосифе II кодификация велась во многих направлениях, охватывая гражданское, уголовное и процессуальное право, причем сама интенсивность этих работ весьма характерна для австрийского Просвещенного абсолютизма. Все или почти все эти законодательные мероприятия не получили завершения в рассматриваемый период, а их значение свелось к частичным изменениям действующего права.

Если в Пруссии основной проблемой в ходе кодификации являлась необходимость унификации различных источников

права (римского, обычного и статутного), а в Австрии в ней добавлялось стремление согласовать разнородное право совершенно не похожих друг на друга территорий государств, то в России указанные трудности усугублялись крайне консервативной организацией всего общества и правящего сословия, мало расположенного идти на какие-либо уступки другим сословиям. Мы видели, насколько трудно шла кодификация в петровское и послепетровское время. Новый важный этап кодификации приходится здесь, так же как и повсюду, на середину XVIII в., точнее — датируется учреждением императрицей Елизаветой Петровной новой "Комиссии о сочинении Уложения" 1754 г. Ограничившись на первых порах исключительно задачей систематизации имеющегося законодательного материала, комиссия уже в следующем 1755 г. составила две части проекта — о судопроизводстве и об уголовных преступлениях, которые, однако, не получили утверждения и были возвращены в комиссию для пересмотра.

Существенным шагом в развитии кодификации вообще и деятельности данной комиссии, в частности, явилась идея привлечения к ее работе выборных представителей от сословий, как это имело место при создании Уложения 1649 г. и в работе ряда предшествующих законодательных комиссий (напр., 1728 г.). В 1761 г. по предложению самой комиссии, направленному в Сенат, она была реформирована путем расширения состава ее участников: было объявлено о созыве депутатов от трех сословий — духовенства, дворянства и купечества с четким определением представительства каждого из них от каждой провинции. Несмотря на то, что, по выражению В.Н. Латкина, общество отнеслось крайне индифферентно к выбору депутатов, они были собраны и рассмотрели три части Уложения (о суде, розыскных делах и состоянии подданных вообще). О реальном влиянии депутатов на ход обсуждения проекта кодекса свидетельствует тот факт, что все его части представлены несколькими редакциями и являются не просто компиляцией имеющегося права, но содержат новые статьи, подчас принципиальной важности. Елизаветинская комиссия отразила существенные изменения в русском обществе за весь

послепетровский период, а план ее деятельности, утвержденный Сенатом, уже сам по себе не оставлял сомнений в том, что новое Уложение мыслилось как законодательное закрепление позиций правящего сословия.

Уложение предполагалось представить в четырех частях, две из которых составляли гражданский и уголовный законы ("О суде" — часть I и "О розыскных делах" — часть IV). В центре оказывались положения "О разных правах подданных" (часть II, в которой предполагалось зафиксировать приоритетные права дворянства по отношению к другим сословиям), и разработка вопроса о вотчинного или владельческого права дворянства (часть III — "О движимых и недвижимых имуществах")¹⁴. Подготовленный комиссией по этому плану проект Уложения явился действительно манифестом дворянского сословия. В проекте формулировалась мысль об исключительных правах дворянского сословия. Глава "О вольных и невольных людях в государстве" — определяла статус различных сословий по отношению к крепостному праву. Были разработаны положения "о власти помещиковой над крепостными людьми и крестьянами", о запрещении другим сословиям иметь крепостных — "о холопах и крестьянах и каким людям собственных себе людей крепить не позволено", предусматривались также статьи о беглых дворовых людях и крестьянах. Вотчинное право рассматривало наиболее существенные для дворянства привилегии, был сделан новый шаг в определении статуса помещичьих владений. Примененная формулировка, а именно "что есть движимое и недвижимое имение и об именовании всего недвижимого вотчиною" — говорит сама за себя. С большой предусмотрительностью был разработан и другой весьма актуальный для дворянства вопрос — о межевании земель — "межах и гранях", "О принадлежащих к недвижимому всякого звания угодьях", а, наконец, о путях приобретения новых — "О порозжих и выморочных землях". Хотя депутаты были распущены в 1763 г., комиссия продолжала свое существование при Петре III и даже Екатерине II до 1767 г. В это время Екатерина II уже разрабатывала проект новой Уложенной комиссии, а вскоре был издан

Наказ для нее и стали проводиться выборы депутатов.

Чем же объясняется отсутствие преемственности в работе двух Уложенных комиссий? Ответ состоит в том, каково было содержание разработанного елизаветинской комиссией проекта. Он носил слишком выраженный продворянский характер и потому, вероятно, не мог вполне удовлетворить правительство. Дворянство "имеет над людьми и крестьянами своими, — говорилось в нем, — и именем их полную власть без изъятия, кроме отнятия жизни и наказания кнутом и проведения над оними пыток". Другие сословия полностью лишены подобных прав, в том числе духовенство, которое не может продавать крестьян, закладывать или отпускать их на волю, фабриканты и заводчики, которые не могут продавать и закладывать крестьян отдельно от заводов. Недворянам вообще запрещалась покупка деревень и земель. В проект включено положение об исключительном праве дворян иметь у себя в вотчинах заводы, причем представители других сословий должны были продать имеющиеся в их распоряжении подобные предприятия в течение десяти лет. В проекте ведется наступление на петровский указ, ставший в свое время целью расширения социальной стабильности правящего класса — произведенные в дворянство из офицеров и чиновников (по Табели о рангах) дворянство охраняют, но дети их исключаются из него. Эти требования елизаветинского проекта в дальнейшем нашли свое отражение в дворянских наказах в екатерининскую Уложенную комиссию 1787 г.

Уложенная комиссия Екатерины II представляла собой формально временный коллегиальный орган, созданный для кодификации законов, вступивших в силу после Уложения 1649 г. и была задумана как собрание всероссийских сословных представителей (депутатов). Однако по существу в ее лице мы имеем дело с уникальной и беспрецедентной в истории России и абсолютистской Европы попыткой организованного правительством волеизъявления общества по всем существенным экономическим, социальным и юридическим вопросам¹⁵. Право составления наказов в Уложенную комиссию было предоставлено центральным учреждениям и сословиям (дворянству, городским и

сельским жителям, однодворцам, черносошным крестьянам и др.), в результате чего возник крупный комплекс однотипных документов (более 1500). Социальная направленность политики государства отразилась прежде всего в исключении владельческих крестьян из числа сословий, представленных в комиссии, а также в ограничении имущественного ценза городских жителей при выборе депутатов. Кроме того, если для дворян и горожан предусматривались одностепенные выборы, то для крестьян — трехстепенные. Не представлено было в комиссии духовенство, что связывается с влиянием на Екатерину идей энциклопедистов. Наконец, все города были уравнены между собой и послали одинаковое число депутатов безотносительно к своим размерам и важности. Наказы депутатам являлись документами коллективного авторства, которые подписывались наиболее авторитетными представителями данной социальной группы и передавались депутатам. Издавая указ 1767 г. о составлении наказов, правительство предложило своего рода типологический формуляр — своего рода вопросник, на который надлежало дать ответы в наказах. Сущность этого вопросника может быть выражена следующим образом: каковы нужды населения (сословия или социальной группы) данного региона (уезд, город или село), возможные предложения по их удовлетворению и обоснования этих предложений. Эту общую установку можно рассматривать как программу обследования, проводимого с целью выявить нужды и предложения для их учета при кодификации законодательства и составлении нового Уложения, а фактически — для выработки правительственной политики. Перед нами, таким образом совокупность однотипных массовых источников, объединенных единством структуры и целевого назначения, что позволяет рассматривать их как своего рода социологическое обследование. Практическое назначение наказов делает их первоклассным материалом для решения соответствующих исследовательских задач: выявить наличие реальных нужд различных социальных слоев и стоящих за ними общественных противоречий.

Конфликт между дворянством и крестьянством, прежде всего крепостным (от которого не было представительства в

комиссии) выступает как важнейшее противоречие этой эпохи. По словам дворянства Новгородской губернии, крестьяне "поприцают, во-первых, неволю, потом подушный платеж, тако от рекрутских наборов разлуку с семьями их, мостовые и прочие казенные без заплаты работы, а сверх того клеветут и на господские тягли"¹⁶. Противоречия дворянства и крестьянства находили выражение в различных сторонах социальной действительности. Это и открытые вооруженные выступления, бегство, особенно в пограничных губерниях, разнообразные формы уклонения от выполнения казенных и владельческих повинностей. Объектом противостояния становятся прежде всего размеры ренты, барщина и оброк. Для усиления контроля правящего сословия над крестьянством в качестве основной меры выступает усиление административно-полицейского аппарата на местах, соответствующие изменения законодательства. Так, после крестьянской войны под предводительством Пугачева (1773-1775 гг.) была проведена губернская реформа (1775 г.). В результате губернии были значительно увеличены числом и, следовательно, уменьшены в объеме территории, что облегчало правительству контроль за населением.

Для отношений дворянства с другими общественными слоями характерны в принципе те же линии противоречий, в основе которых был вопрос о земле. Дворянство выступает при этом как агрессивная сила, стремящаяся вытеснить из сферы аграрного производства все другие заинтересованные сословия. Оно противодействует, в частности, попыткам купечества получить новые (подчас чисто феодальные) источники благосостояния, статус и престиж в обществе. Основным объектом конфликтов поэтому становилось стремление предпринимателей интегрироваться в феодальную систему отношений (покупка привилегий для использования их в выгодах торгово-предпринимательской деятельности). Обращают на себя внимание и конфликты, связанные со стремлением купечества приобретать земли и крестьян к промышленным предприятиям и для организации торговли. Дворянство, в свою очередь, апеллировало к государству с целью добиться

законодательного запрещения подобных тенденций. В сфере производственной деятельности спор ведется, например, по вопросу о винокурении, которое было привилегией дворянства отдельных регионов; дворянство отвергало претензии купечества на этот род деятельности. Наряду с этим ставилось под сомнение или отвергались и другие виды промыслов купечества и горожан, как наносящие экономический ущерб дворянской экономике (рубка леса, покос сена, рыбная ловля). В области торговли дворянство стремилось к ограничению или полному запрещению "неуказной торговли" разночинцев и горожан. Таким образом, стремления дворянства были направлены на сохранение, а не изменение социальных порядков, даже на возврат к тем из них, которые устарели или были изменены, например, в области регулирования рыночных отношений. Все это сочетается со стремлением правящего сословия выступать от имени всего общества и представлять его интересы в законодательной ассамблее. Выражением данной практики становится использование в дворянских наказах идеологии Просвещенного абсолютизма, ссылки на "общее благо", соответствующие законодательные инициативы и проекты. Действительно, получив по манифесту Петра III - "Манифесту о вольности дворянства" (18 февраля 1762 г.) освобождение от обязательной службы, правящее сословие активно добивалось того, что все, чем оно вознаграждалось за службу, обращалось в его привилегии. Окончательная организация сословия была дана "Жалованной грамотой дворянству" (1785 г.), содержание которой во многом воспроизводило их пожелания, выраженные в ряде Уложенных комиссий XVIII в. Дворянство стало корпорацией, члены которой были взаимно равноправны, причем ей исключительно присваивался титул благородства, право иметь гербы, составлять сословные дворянские общества и собрания. Только дворянам было оставлено право владения населенной землей, а до Александра I и ненаселенной землей. Они были освобождены от податей и повинностей, телесных наказаний.

Противоречивым было положение тех социальных слоев, которые свое благосостояние и перспективы в жизни связывали

с предпринимательской и торговой деятельностью. В условиях отсутствия свободного рынка рабочей силы перед ними вставал вопрос о возможности покупки земли и крепостных для ведения собственного хозяйства, промышленных предприятий и торговли. Земля и крестьяне, поэтому, предстают объектом острых споров между купечеством и другими социальными слоями, прежде всего дворянством, а также между купечеством и государством. Объектом конфликтов оказываются и другие средства производства, промышленные предприятия, природные богатства, ряд проблем возникал в рыночных отношениях и торговле, в связи с транспортом и использованием путей сообщения. Двойственность положения этих социальных слоев состоит в том, что объективно они заинтересованы в развитии производительных сил в направлении буржуазных отношений, но в то же время вынуждены реально действовать в рамках существующих феодальных порядков, а значит должны всеми возможными способами приспосабливаться к ним. Характерно в этом отношении стремление купечества к приобретению земель и крестьян и в то же время — к отмене всевозможных внутренних пошлин, административных ограничений, к унификации налогообложения, решению транспортных проблем. Другой линией отношений выступают противоречия между купечеством, с одной стороны, и другими социальными слоями (крестьянством, разночинцами) по вопросам торговли, — с другой. Купечество стремилось, например, используя государственную власть, пресечь "неуказную торговлю" других сословий — оптовую и розничную, покупку товаров у населения и другие торговые операции без платежей денег в казну и магистрат, без выполнения купеческих казенных служб и повинностей. Таким образом, рассмотрение социальных отношений буржуазии (купечества) с другими слоями общества ставит в центр анализа проблему специфики генезиса капитализма в России. Столкаясь с различными социальными слоями, классами и государством при решении противоречий, купечество проявляет себя как типичный класс феодального общества, не выходящий за его рамки ни в своей практике, ни в своем мировоззрении, который общественные, национальные и государственные задачи

понимает лишь через призму своих узких сословных интересов.

Важно подчеркнуть, что такому положению вещей соответствует и известная неопределенность правового статуса среднего сословия. Сам термин этот принят по "Наказу" Екатерины, согласно которому к "среднему роду людей" (т.е. горожанам) отнесены все те, "кои не быв дворянином ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в торговле, в мореплавании и ремеслах". Сходным образом толкует положение городского сословия "Жалованная грамота городам" (1785 г.). Лица городского сословия (мещане) обязывались жить в городах, а не в уездах, причем купечество, представлявшее собой особый слой городского общества, имело ряд привилегий, к числу которых относились освобождение от подушной подати и рекрутской повинности, а также телесных наказаний. Основным правом сословия являлось разрешение на торговлю и ремесла, а владение землями и крестьянами не допускалось.

Модернизация, как объективная тенденция общественного развития, сталкивалась в России второй половины XVIII в. с непреодолимым препятствием — крепостным правом и связанными с ним социальными отношениями и структурами. Отсюда происходит нарушение консенсуса — раскол некогда единой и цельной системы служилого государства за счет последовательного выхода из нее отдельных социальных слоев. В результате на место монолитного, традиционного общества возникает общество, насквозь пронизанное противоречиями, проявляющимися на различных уровнях с неодинаковой силой и интенсивностью. На высшем уровне, в рамках самого правящего сословия, конфликт выражается в острой борьбе трех основных направлений — правых, левых и умеренных, появление которых характерно в принципе для всякой социальной системы на стадии ее изменения. Впервые в общероссийском масштабе данные точки зрения находят четкое выражение в дебатах депутатов Уложенной комиссии 1767 г., которая поэтому может рассматриваться как своеобразный опыт парламентаризма. Разумеется, дневные записки — протоколы засе-

даний — рисуют весьма удручающую картину давления и мелочной опеки правительства над депутатами и ходом обсуждения дел, крайне далекую от представления о действительном парламентаризме, но тем важнее выявившиеся здесь различия социальных позиций и мнений. Крайне правое крыло депутатов, отстаивающее сохранение в неизменном виде существующих порядков, представлено известным князем М.М.Шербатовым. Идеолог родовитой аристократии, депутат от ярославского дворянства, Шербатов в своих сочинениях и речах в комиссии отстаивал мысль "о неудобстве в России дать свободу крестьянам", необходимости сохранения исключительных прав дворянского сословия. Более радикальные депутаты, наиболее известными из которых стали Г.Коробьин и Я.Козельский, предлагали нормировать законом барщину и оброк, предоставить крепостным право движимой собственности. Наконец, третья, наиболее последовательная и радикальная группа, не имея возможности выступать открыто, оформилась за пределами Уложенной комиссии. В лице таких ее идеологов, как А.Я.Поленов, а позднее Н.И.Новиков и А.Н.Радищев, они в духе теории естественного права отстаивали неразумность и несправедливость крепостного права, его экономическую неэффективность и опасность для общества в целом. Лишенное нормальных перспектив развития, общество России второй половины XVIII в. видит возможности улучшения своего состояния лишь в конфронтации сословий, перераспределении материальных благ с помощью государственной власти. Опыт Уложенной комиссии, по меткому выражению известного русского юриста В.И.Сергеевича, "должен бы предостеречь от повторения тех ошибок, которые превратили в ничто великий акт обращения государя к представителям своего народа"¹⁷.

Екатерининская Уложенная комиссия ограничилась слушанием на своих заседаниях различных, по существу частных вопросов и не выработала целостной концепции правовой реформы. Вопрос о причинах неудачи данной законодательной ассамблеи традиционного привлекал внимание исследователей и приводил к неоднозначным выводам. Наиболее глубокие из них отходили от формальной интерпретации этих причин как чисто

технических трудностей. "Комиссия, — справедливо отмечал М.Ф.Владимирский-Буданов, — была призвана к исполнению невозможного дела: ей предстояло не обсуждать готовый проект нового кодекса (как было в 1648 г. и как бывает обыкновенно), а сочинять проект, что решительно нелегко в 500-летнем собрании... О неудачах Екатерининской комиссии речи быть не может: нельзя назвать неудачей неисполнение того, что не может быть исполнено. Действительное же значение комиссии, т.е. выражение народных мнений по разным отраслям законодательства, ею исполнено — в наказах депутатам и речах их"¹⁷. Размышляя о Екатерининской Уложенной комиссии, ученые по-разному оценивали ее результаты. Неудача кодификации при этом традиционно связывалась с несколькими основными факторами — изменением общих философских оснований развития права, организацией деятельности комиссии, значением в ней отдельных институтов и лиц, наконец, комбинацией всех этих факторов в различном сочетании. Современные исследователи, как отечественные, так и западные, обратили преимущественное внимание на социальные предпосылки неэффективности комиссии — общую апатию населения, консерватизм правящего сословия, не осознавшего необходимость реформ и не желавшего расстаться со своими привилегиями, связь с этим изменением позиции правительства Екатерины II. Рассмотрение деятельности кодификационных комиссий в Пруссии Фридриха II, Австрии Марии-Терезии и Иосифа II, России Елизаветы и Екатерины II показало значительное сходство общих принципов кодификации, организации работ по составлению нового Уложения и, наконец, тех результатов, которые были получены в конечном счете. Стало ясно, что проблема кодификации гражданского права не могла быть решена без радикальной трансформации всех социальных структур и политического режима, всей его идеологии.

Третий, завершающий этап кодификации права рассматриваемой эпохи приходится в странах Восточной Европы на конец XVIII — начало XIX в. и связан с глубокими социальными и интеллектуальными изменениями, порожденными Французской революцией и наполеоновскими войнами. Одним из направлений

влияния Французской революции на общественную и юридическую мысль Восточной Европы стало распространение там теорий естественного права в новой рационалистической их трактовке, приобретших теперь особое социальное звучание в борьбе с традиционными феодальными порядками и закрепощением личности. Естественное право, поэтому, стало действенным орудием социального переустройства, перестав в то же время быть исключительно достоянием просвещенных монархов и кабинетной юриспруденции. Единство гражданского права, построенного на новых философских основаниях, требовало социальной и политической революции — установления равенства всех перед законом, ликвидации сословных ограничений, олияния всех областей страны в единое национальное целое. Эти принципы, последовательно осуществленные в ходе революции, получили свою кульминацию и, что самое главное, — четкое юридическое оформление в Кодексе Наполеона. По существу Кодекс Наполеона представляет собой целостную систему взаимосвязанных между собой принципов построения гражданского общества, а также юридических норм, закрепляющих такие его фундаментальные институты, как собственность, семья, личность в их отношениях между собой и с государством¹⁸. В этом отношении Кодекс представляет собой памятник, пронизанный духовным единством, логикой и наделенный безупречным юридическим стилем, что должно было способствовать его широкому распространению в странах Восточной Европы сразу после Французской революции и установления режима Наполеона.

Кодификация права в странах Восточной Европы конца XVIII — начала XIX в. завершает собой процесс пересмотра традиционного законодательства, начатый гораздо ранее. Во-первых, в это время получает окончательное завершение практика Просвещенного абсолютизма, состоящая в рационализации права без проведения, однако, радикальных его реформ и стоящих за ним социальных отношений; во-вторых, достигают апогея идеи революционного преобразования общества и права с позиций естественного и разумного их устройства; наконец, проступают уже и новые начала —

гражданского общества, правового государства, гарантий прав человека, которые, будучи однажды провозглашены в качестве лозунгов социального движения, составляют затем фокус всех последующих реформ права на протяжении XIX в. Основой кодификации рассматриваемого периода вплоть до появления и распространения идей исторической школы Савиньи по-прежнему является доктрина естественного права, но оно получает теперь более социологизированную интерпретацию, а торжество его принципов связывается мыслящими современниками (как сторонниками, так и противниками кодификации) с ликвидацией феодальных отношений, сословных привилегий и неравенства¹⁹. Признание этого факта объясняет как трудности, так и существенные достижения третьего этапа кодификации права, нашедшего выражение в ряде сопоставимых программ изменения гражданского законодательства. В этой связи следует указать на прямое заимствование в ряде стран французского законодательства, прежде всего — Кодекса Наполеона. Поводу, где он вводился, Кодекс способствовал унификации разнородных источников права, вытеснению норм обычного права, торжеству рационалистических принципов. Так было, напр., на территории Рейнского союза, образованного в 1806 г., когда Кодекс получил применение в Бадене, Эльзас-Лотарингии, рейнских провинциях Пруссии, в Гессене, Пфальце, княжестве Ольденбургском, причем во всех этих землях за редкими исключениями, действовал в оригинале. Известно также, что влияние Кодекса не ограничивалось его прямым применением, но связано также с большим косвенным влиянием, в частности, на кодификацию в Австрии, начальный этап кодификации М.М.Сперанского в России, вообще распространение кодификационных идей в XIX в.

Влияние идей Французской революции объясняет ход работ по созданию Прусского земельного уложения 1794 г., подготовка которого велась еще с 80-х гг., а потому дает возможность проследить изменение самого подхода кодификаторов к решению проблемы²⁰. В истории кодификации гражданского права Прусское уложение занимает особое и весьма видное место, несмотря на свой консерватизм. Этот памятник

примечателен во многих отношениях. Прежде всего он является первым завершённым кодексом гражданского права нового времени, созданным ранее классического Кодекса Наполеона, но систематизировавшим практически те же основные источники права. Главным источником для составителей Прусского уложения, как и французского Кодекса, являлось римское право, другим — национальное право (Саксонское зеркало, Магдебургское и Любекское право и др.), носящее обычно-правовой характер, третьим — достижения ученой юриспруденции, в частности, труды теоретиков естественного права — Вольфа и Гроция, Кокцея, Пуффендорфа, Мевуса и др. Кодификаторы учли также имеющиеся судебные прецеденты, в частности, практику Берлинского верховного суда. Систематизация всех этих источников, проведенная довольно последовательно, позволяла рассматривать кодекс как новый этап развития германского права. Другой особенностью Прусского кодекса, придававшей ему оригинальный характер, являлась его структура. В центре внимания при этом оказывается такое важнейшее право как собственность, из которого вытекают последовательно все другие гражданские права — вещное, обязательственное, наследственное. В этом смысле Кодекс представляет собой весьма цельный и монистичный памятник права²¹. Наконец, характерной чертой Прусского уложения является то, что он проникнут стремлением к всесторонней регламентации сословного строя, институтов, управления и судопроизводства, желанием максимально ограничить индивидуальную инициативу, поставить ее под полицейский контроль государства.

Работа по составлению кодекса гражданского права в Австрии проходила позднее, чем в Пруссии, и поэтому могла учесть достижения юридической мысли послереволюционного периода. Закрыв существующую законодательную комиссию, император Леопольд II в 1790 г. создал новую. Длительная работа ряда центральных и провинциальных комиссий завершилась рассмотрением и утверждением проекта в Государственном совете, после чего он вступил в силу с 1 июля 1811 г. с последующим распространением действия кодекса на всю территорию страны. Как старое прусское, так и новое французское,

австрийское гражданское Уложение было составлено под сильным влиянием теории естественного права, которое интерпретировалось при этом в направлении обеспечения и защиты естественных прав личности. Как и кодекс Наполеона, а точнее под сильным его влиянием, гражданское Уложение Австрийской империи исходит из представлений о противоречии всех сословных принципов и привилегий феодальной эпохи вечным, естественным, а потому и разумным основаниям общества. Суммируя достижения предшествующей германской правовой мысли, и испытав существенное влияние Кодекса Наполеона, "Общее гражданское уложение Австрийской империи" 1811 г. оказалось крупным явлением в истории европейской кодификации²².

В России неудачи законодательных комиссий XVIII в. и, в частности, наиболее значимой из них – екатерининской (1767 г.), остро поставили перед правительством проблему определения самих принципов кодификации. Так, при Павле I в 1797 г. образована была особая комиссия, задача которой определялась уже не как составление нового кодекса, а лишь как подготовка Сводного уложения или просто Свода имеющихся права. Сразу по приходе к власти Александр I создает на ее месте новую (десятую по счету) комиссию, имеющую своей задачей систематизацию и унификацию законодательства. Созданная в 1801 г., комиссия, однако, практически бездействовала до 1804 г., когда работа по сбору и упорядочению действующего права несколько ускорилась. После очередной смены руководства и назначения председателем кн. Новосильцева, реальная работа сосредоточилась в руках барона Г.А.Розенквифа, видевшего своей задачей прагматический и исторический подход к кодификации. Таким образом, деятельность всех кодификационных комиссий конца XVIII – начала XIX в., как и предшествующих, не выходила из сферы традиционного противоречия между слишком общими исходными принципами, которые исходили из положений естественного права, и необходимостью систематизации сырого законодательного материала.

Радикальный перелом в ходе кодификационной деятельности наступил с назначением М.М.Сперанского товарищем

юстиции и передачей ему фактического руководства работой кодификаторов (1808 г.). Сперанскому принадлежали общие философские принципы, концепция кодификации и четкий план ее реализации. В рассматриваемый период он, как и большинство его западных коллег, стоял целиком на позициях доктрины естественного права. В его интерпретации Сперанский (в отличие от своих предшественников) следовал не за Гроцием, Вольфом и Пуффендорфом, а за рационалистической трактовкой просветителей. Согласно их идеям, разумное право (т.е. такое, которое наиболее соответствует природе человека), может быть дано любому обществу, способному воспринять его. Поэтому основная задача кодификации состоит в сознательном вмешательстве в традиционное (будь то письменное или обычное) право с целью его изменения. Кодификация может выполнять в обществе две противоположные функции — тормозить развитие общества или, наоборот, стимулировать его. В первом случае право становится консервативной силой, фиксирующей и закрепляющей как раз те социальные нормы, которые воспринимаются уже современниками как антиправовые, а подчас и аморальные (напр., все нормы, связанные с крепостными отношениями). Во втором случае право выступает как опережающий фактор развития, своего рода идеал социального порядка, к которому следует стремиться на практике. Кодификационные проекты в России начала XIX в. как раз принадлежат к этой последней категории. Первая часть гражданского Уложения (о лицах) была готова уже в 1809 г., а 1 января 1810 г. при открытии Государственного совета она была вынесена на его рассмотрение. Вскоре прошла рассмотрение Совета и вторая часть (об имуществах). Третья (о договорах), хотя и была подготовлена Сперанским, обсуждалась уже без него в 1813 г. Что касается дальнейшей деятельности комиссии, то она была практически безрезультатной, ограничившись публикацией нескольких сборников законов. Введение кодекса Сперанского в жизнь несомненно означало бы важный шаг на пути правовой модернизации, открывавшей путь социальному переустройству. Достаточно сказать, что

многие нормы, провозглашенные в проекте кодекса, приобрели законную силу только после реформ 60-х гг. XIX в.²³ Наконец, введение кодекса означало бы серьезный удар по крепостному праву, поскольку он (хотя и не вполне четко) проводил мысль о равенстве людей перед законом.

Таким образом, мы рассмотрели три основных этапа кодификации права в России и странах Восточной Европы эпохи Просвещенного абсолютизма. Это — начало кодификационных работ в первой четверти XVIII в.; их проведение в период расцвета Просвещенного абсолютизма середины XVIII в. и завершения кодификации в новую эпоху, отмеченную влиянием идей Французской революции и Кодекса Наполеона конца XVIII — начала XIX в. Было показано, как господствующие воззрения Просвещения, естественного права и рационалистической философии определяли на каждом из этих этапов общие задачи и способы кодификации гражданского права. Основные этапы кодификации совпадают с крупнейшими реформами общественных отношений, государственного строя и законодательства, направленными на их рационализацию, модернизацию и европеизацию. Более того, кодификация выступает одновременно как цель этого процесса (создание новых, совершенных законов, отвечающих перспективным задачам развития общества) и как его средство (внедрение в общество новых отношений и представлений об идеальном или желательном его устройстве). В результате кодификация в новое время (в отличие от традиционных ее форм) становится самостоятельным фактором общественного развития, аккумулируя в себе отношения, противоречия, настроения эпохи. По существу крупные кодексы — это основные вехи социальной эволюции, а деятельность кодификационных комиссий разных стран — средоточие политики права господствующих режимов.

Сравнительный анализ кодификации права в России, Пруссии, Австрии, других странах позволил констатировать сходство между ними по следующим основным параметрам. Это прежде всего сходство побудительных мотивов кодификации (систематизация различных, традиционно образовавшихся источников права); основных задач, которые преследовали

кодификаторы (рационализация права в интересах Просвещенного абсолютизма), наконец, результатов кодификации, которые, несмотря на некоторые различия по странам, в принципе оказались весьма близкими и свелись в лучшем случае к некоторой модернизации традиционного права за счет заимствований из лучших западноевропейских кодексов. Кроме того, можно констатировать значительное сходство условий кодификации (проходившей в странах, где господствовали феодальные отношения и абсолютистские режимы); ее основных этапов (связанных опять-таки с этапами развития абсолютизма — его утверждением, развитием и модификацией после Французской революции) и методов проведения (как правило, путем создания особых законодательных комиссий, состоящих из чиновников и разработавших проект без его обсуждения обществом). Все попытки использовать для кодификации институты сословно-представительного характера (наиболее выраженной и в то же время уникальной формой которых являлась Екатерининская Уложенная комиссия) были обречены на провал из-за остроты социальных противоречий, с одной стороны, и неспособности Просвещенного абсолютизма пойти на реформы, радикально меняющие социальный строй, — с другой.

Тот факт, что кодификация права в странах рассматриваемого региона имеет столько черт сходства, как в своем существе, так и в более внешних, институциональных проявлениях, объясняется, на наш взгляд, не только и не столько закономерностями развития самого права (как считали старые юристы), сколько особенностями социального строя стран Восточной Европы (как хорошо показано современной наукой). Главный социальный конфликт эпохи Просвещенного абсолютизма нашел свое выражение в кодификации права, которое действительно является идеальной проекцией общества в законах. Разрешение этого конфликта абсолютизм пытался найти в экономических, социальных и политических реформах, проводимых с целью перестройки традиционных отношений, институтов и процедур управления. Именно здесь исследователи и должны искать решение проблемы кодификации. Возможно ли было создание гражданского общества и правового

государства сверху, путем принятия нового права, заимствования западных норм, проведения в жизнь мероприятий просвещенной бюрократии?. Нам представляется, что история кодификации позволяет дать ответ на этот вопрос. Для успешного осуществления такой программы необходимы три условия: готовность общества к принятию нововведений; наличие политического режима, правящей элиты и бюрократии, ориентированных на модернизацию; создание механизма проведения новых решений, выраженных в праве, - в жизнь и практику управления. Отсутствие этих условий или хотя бы одного из них неизбежно превращает любую законодательную инициативу в утопию, а правовой кодексо - в идеал, которому нет места на земле. Такова была судьба кодификации права в России, где (в отличие от всех прочих государств региона) она так и не получила практического завершения в рассматриваемый период.

- 1 Пахман С.В. История кодификация гражданского права. СПб., 1876. Т.1-2; Шершеневич Г.Ф. Очерки по истории кодификации гражданского права. Казань, 1897-1899. Вып.1-3.
- 2 Vanderlinden J. Le concept de code en Europe occidentale du XIIIe au XIXe siècle. Essai de definition. Bruxelles, 1967; Grawett R. Artikel "Gesetz" // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache im Deutschland. Frankfurt am Main, 1975. T.2; Bühler T. Gewohnheitsrecht- Enquete- Kodifikation. Rechtsquellenlehre Band I. Zürich, 1977; Smidt K. Die Zukunft der Kodifikationsidee. Rechtsprechung, Wissenschaft und Gesetzgebung vor den Gesetzeswerken des geltenden Rechts. Heidelberg, 1985; Mohnhaupt H. Verfassung// Geschichtliche Grundbegriffe. 1990. T.6.
- 3 Wiescker F. Voraussetzungen europäischer Rechtskultur. Göttingen, 1985; Kodifikationen als Mittel der Politik. Wien, 1986; Stolleis M. Staat und Staatsräson in der frühen Neuzeit. Frankfurt am Main, 1990; Willoweit D. Deutsch Verfassungsgeschichte. München, 1990; Bastit M. Naissance de la loi moderne. Paris, 1990. P.368.
- 4 Hartung F. Deutsche Verfassungsgeschichte vom 15 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1969; Helbling E. Österreichische Verfassung und Verwaltungsgeschichte. Wien, 1974; Jakubowski I. Prawo Rzymskie w projektach Kodifikacyjnych polskiego Oświecenia. Łódź, 1984; Ghisalberti C. La Codificazione del Diritto in Italia. Roma, 1985; Das schwedische Reichsgesetzbuch von 1734. Frankfurt am Main, 1986.

5. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России XVIII столетия. СПб., 1887.
6. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Дрьев, 1912. С.549. См. также: Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М., 1945.
7. Медушевский А.Н. Землевладельческое право в Уложенных комиссиях XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988.
8. Медушевский А.Н. Законодательство как источник по истории помещико-вотчинного землевладения в России XVIII-XIX вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989.
9. ЦГАДА, Ф.1255 (Палата об Уложении). Оп.1. Д.1-4; ПСЗ. Т.У, № 2819.
10. Forsthoff E. Deutsche Verfassungsgeschichte der Neuzeit. Stuttgart, 1961.
11. Projet du Corps de Droit Frederic ou Corps de Droit pour les Etats de sa Majeste le roi de Prusse. Halle, 1751.
12. Strakosch H. Privatrechtskodifikationen und Staatsbildung in Österreich (1753-1811). München, 1976.
13. Bürgerliches Gesetzbuch für Galizien. Wien, 1797. Т.1-3.
14. Проект нового Уложения, составленного законодательной комиссией 1754-1766 / Текст под ред. В.Н.Латкина. СПб., 1893.
15. Медушевский А.Н. Наказы в Уложенную комиссию 1767-1769 гг. как источник изучения социальных противоречий эпохи // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987.
16. Сб. РИО. Т.14. С.294-315.
17. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С.264.
18. Naissance du Code Civil. La raison du législateur. Paris, 1989.
19. Die Entwicklung des Zivilrechte in Mitteleuropa. Budapest, 1980.
20. Conrad H. Das Allgemeine Landrecht von 1794 als Grundgesetz des friderizianischen Staates. Berlin, 1965; Das Allgemeine Landrecht für die preussischen Staaten von 1794. Berlin und Frankfurt, 1970; Koselleck R. Preussen zwischen Reform und Revolution. Allgemeine Landrecht, Verwaltung und soziale Bewegung von 1791 bis 1848. 2-е Auflage. Stuttgart, 1975.
21. Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten. Berlin, 1794. Bd.1-3.
22. Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch für die gesamten deutschen Erbländer der österreichischen Monarchie. Wien, 1811.

23 Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. СПб., 1906-1914. Вып. I-2.

ДЕМИДОВЫ В ИСТОРИИ РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Демидовы внесли довольно значительный вклад в развитие культурных связей между Россией и Италией, но до сего времени проблема эта должным образом ни историко-ведчески, ни историографически еще не изучена.

Русская дореволюционная историография, не оставляя в стороне рассмотрения хозяйственной активности уральских горнорудных магнатов, много сделала для изучения их благотворительной и меценатской деятельности в России (П. П. Свищев, Г. И. Спасский, К. Д. Голощиков, В. В. Огарков, С. В. Назаревский, С. П. Покровский и другие¹). В советское время опубликованы фундаментальные труды, в которых в общем контексте социально-экономической истории России исследовался комплекс вопросов, связанных с хозяйством Демидовых: создание и развитие демидовских заводов, организация и динамика производства на них, система эксплуатации крепостных и наемных работников, становление рабочих кадров, классовые выступления. Это работы С. П. Сигова, Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко, С. Г. Струмилина, А. А. Преображенского, А. А. Горшкова, В. К. Яцунского, А. С. Орлова, А. С. Черкасовой и других². Важным направлением было также изучение творчества талантливых представителей крепостного люда, проявивших себя в области изобретательства, живописи, архитектуры и т. п. (статьи и книги Ф. И. Бойко, Н. С. Боташева, А. Г. Козлова, В. А. Каменского, Н. С. Алферова, Б. В. Павловского и других³).

Однако исследование благотворительных традиций уральских заводчиков после 1917 г. угасло почти полностью. Среди немногих счастливых исключений была статья И. Э. Грабаря о знаменитой картине "Нижнетагильская мадонна" (которая приписывается кисти Рафаэля), где маститый ученый и выдающийся художник напомнил о меценатских заслугах Демидовых.⁴

Лишь начиная с 1970-х годов в нашей стране стали выходить работы, посвященные "культурным аспектам" демидовской

проблемы (Д.М.Курочкина, О.П.Лазаревой, И.Н.Бочарова и Ю.П.Глушаковой, Р.А.Абдуллина, И.Г.Семенова, Н.А.Мезенина и других⁵).

Особенно большой интерес к Демидовым пробудился в самые последние годы. В 1991 г. в Екатеринбурге был создан Демидовский фонд, объединивший различные ветви демидовского движения. Одним из учредителей фонда, в работе которого принимают участие и ученые из других городов, стал Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, где идет работа по программе "Хозяйство Демидовых"⁶. Одновременно в Екатеринбурге было основано научно-просветительское объединение "Демидовский институт", которым разработана программа "История российского предпринимательства"⁷. По этой программе предполагается, в частности, осуществить публикацию писем Демидовых, а также подготовку научных исследований, в том числе и об их меценатской и благотворительной деятельности. В 1992 г. был создан Международный Демидовский фонд и проведена (в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле) Уральская Демидовская ассамблея, которая включала в себя среди прочего конференцию, посвященную 150-летию Нижнетагильского музея, основанного Демидовыми. В ее программе было 62 выступления. В 1993 г.

восстановлена традиция присуждения Демидовских премий.

В Италии жизнью и деятельностью Демидовых в этой стране занимались как в прошлом, так и в нашем веке (Ф.Дзампони, Ч. да Прато, М.Фореизи)⁸, с середины же 1970-х гг. началось особенно интенсивное изучение итальянской историографией этой темы, появились книги, статьи Дж.Пелегрини, Л.Дзангери, Ф.Боррони Сальвадори, Р.Ризалити, Ф.Бизоньи и других авторов⁹.

В 1991 г. в городке Пратолино состоялся итальянско-русский коллоквиум "Демидовы во Флоренции и в Тоскане", организованный управлением культуры провинции Флоренция в сотрудничестве с Кабинетом Дж.П.Вьесе¹⁰. Конференция проходила в огромном салоне бывшей виллы Демидовых в Пратолино, когда-то богато украшенной картинами и скульптурами, в том числе большим парадным портретом А.Н.Демидова кисти Карла Брюллова. Парк вместе с виллой был приобретен провинцией Флоренция и теперь

открыт для публики. На конференции были зачитаны 16 докладов, в том числе с нашей стороны — доклады И.С. Шарковой, Ю.Я. Зек, О.Я. Неверова и автора этой статьи.

Говоря о роли Демидовых в истории русско-итальянских культурных связей, следует прежде всего иметь в виду их широкую благотворительную деятельность в Италии вообще, строительство ими бесплатных школ, больниц, вспомоществование бедным, а не только культурные инициативы, вроде устраиваемых ими театральными представлениями, создания Наполеоновского музея на острове Эльба; показа желающим колоссальных демидовских коллекций нового и классического искусства, щедрых заказов европейским и русским мастерам, пенсии молодым художникам и т.д. и т.п. II Одно дополняло другое и способствовало росту симпатий между двумя народами, облегчало участь людей нуждающихся, расширяло горизонты творческой интеллигенции.

Не все аспекты этой деятельности Демидовых изучены в одинаковой мере хорошо, но все же в целом можно сказать: благодаря усилиям итальянских ученых мы лучше знаем, что сделали Демидовы для Италии и ее культуры, и хуже — что они сделали для России и ее культуры, живя в Италии, для развития связей между нашими странами, популяризации русского искусства за рубежом.

В Италии Демидовы в определенной мере повторяли то, что они делали в России для развития отечественной науки и искусства. Напомним кратко, что основу богатства этого рода положил в конце ХУ в. сын тульского кузнеца Никита Демидович Антуфьев (1656—1725), крупный предприниматель по производству оружия и железа, владевший к концу жизни 7 заводами, основавший в том числе Нижнетагильский завод. Никита Демидович, его сыновья, особенно старший, Акинфий (1678—1745), построивший 18 железоделательных и медеплавильных заводов, и внуки сыграли выдающуюся роль в развитии русской горно-заводской промышленности. С ростом богатства Демидовы всячески способствовали развитию образования в России, и сами не были чужды плодов просвещения. Уже у Акинфия Никитича была редкая коллекция минералов, подаренная по его смерти

Московскому университету, и коллекция из 173 картин¹². Сын-новья Акинфия Прокофий (1710-1788), Григорий (1715-1761) и Никита (1724-1789) прославились тем, что жертвовали на нужды общественного образования в России колоссальные суммы. Особенно много внимания и средств они уделяли Московскому университету, для которого Прокофий Акинфиевич готов был даже построить новое здание стоимостью в полтора млн. руб., оговорив свой дар условием, чтобы оно было возведено на Воробьевых горах. Екатерина II не дала согласия на это, и Прокофий Акинфиевич отказался от своего предложения. Им было основано Коммерческое училище в Москве¹³.

Яркой фигурой среди Демидовых был Никита Акинфиевич, о котором его биограф писал, что он отличался любовью к наукам и покровительствовал ученым и художникам. Н.А. Демидов три года путешествовал по Западной Европе, после чего опубликовал "Журнал" своих впечатлений, в котором проявил большую наблюдательность и высказал много верных и метких суждений¹⁴.

В Италии Никита Акинфиевич побывал в 1772-73 гг., где осматривал достопримечательности и осуществил закупки для своей художественной коллекции, которую старался расширить за счет картин, статуй, старинной мебели, изделий из бронзы, всяческих раритетов.

Гидом Никиты Акинфиевича по Италии был молодой Федот Шубин, который выполнил два отличных скульптурных портрета четы Демидовых¹⁵.

Н.А. Демидов, находясь за границей, проявлял интерес и к современному европейскому искусству. Жану Батисту Грезу, который жил вместе с Шубинным в парижском особняке Демидовых, он заказал целую серию его полотен, а Александр Рослин тогда же выполнил живописные портреты супругов Демидовых.

Именно Никита Акинфиевич, который переписывался с Вольтером и вместе с Дидро отбирал в Париже для Екатерины II произведения искусства, положил начало благотворительной деятельности уральских горнорудных магнатов не только в области науки и просвещения, но также в сфере искусства, как в России, так и в других странах.

Отметим также огромные меценатские заслуги в России племянника Никиты Акинфиевича — Павла Григорьевича Демидова (1738—1821). П.Г.Демидов был ученым-натуралистом. Он передал Московскому университету библиотеку и богатейшую коллекцию минералов, картин и скульптур, которые составили там Демидовский музей, основал в Ярославле первое в России высшее юридическое учебное заведение, содействовал своими капиталами учреждению Томского университета. Он первым из Демидовых еще в 1757—58 гг. посетил Италию¹⁶.

С именем сына Никиты Акинфиевича Николая (1773—1828) начинается собственно итальянский период в жизни и деятельности уральских заводчиков, отмеченный, как и в России, широкой благотворительностью. Будучи единственным сыном, он получил в наследство от отца гигантское состояние: 8 крупнейших заводов, включая знаменитый Нижнетагильский, и 11550 душ крестьян¹⁷. Широкие финансовые возможности позволяли Николаю Никитичу с успехом продолжать меценатские традиции семьи.

Любимым "детисцем" Николая Никитича как и его предков был Московский университет, которому он передал взамен коллекции Павла Григорьевича Демидова, сгоревшей в пожаре 1812 г., свою коллекцию из 3 тысяч минералов, чем положил начало новому университетскому музею естественной истории. Это одно из многих других деяний Н.Н.Демидова на благо своего отечества.

В Италии Николай Никитич вначале жил в Риме, но там его стесняли жесткие нормы папского режима, и он предпочел в 1819 г. переехать в Тоскану с ее довольно либеральными порядками. О трениях Н.Н.Демидова с папскими властями свидетельствует Стендаль в своих "Прогулках по Риму", где мы находим также интересные сведения о неосуществившихся из-за отъезда в Тоскану намерениях русского мецената произвести за свой счет грандиозные раскопки римского Форума¹⁸.

С этого времени начинается постоянное присутствие представителей демидовского рода во Флоренции, которое продолжалось без малого полтора века. В Италии жили сыновья

Николая Никитича Павел (1798-1840) и Анатолий (1812-1870), его внук Павел Павлович (1839-1885), жена последнего Елена Петровна (1852-1917) и правнучка Мария Павловна (1873-1935).

Попробуем обозначить основные направления меценатской деятельности Демидовых в Италии, непосредственно связанной с развитием духовного общения между двумя странами.

1. Заказы современным итальянским скульпторам и живописцам, приобретение современной живописи и скульптуры. Среди предпочитаемых Демидовыми авторов - самые крупные итальянские мастера того времени: Канова, Тадолини, Бартолини и другие. Напомним, что Лоренцо Бартолини по заказу Анатолия Николаевича Демидова был выполнен большой мраморный памятник Николаю Никитичу, который возвышается на набережной реки Арно во Флоренции на площади Демидовых, неподалеку от палаццо Серристоры, где жил Н.Н.Демидов. (Вблизи памятника находился также приют, основанный Н.Н.Демидовым для сирот и престарелых - *Pie Istituto Demidoff*, на содержание которого он положил особый капитал; в этом здании и по сей день располагается детское учреждение, а фасад его украшен горельефным портретом Николая Никитича).

Заказы Демидовых служили важным источником заработка для итальянских художников и скульпторов, особенно молодых и мало известных (а такие были среди их клиентуры). Приобретаемые ими в Италии произведения искусства украшали палаццо Серристоры, потом виллы Сан Донато и Пратолино, двери которых были широко открыты для посетителей, в том числе русских путешественников и художников. Последние, бывая в увешанных картинами и уставленных изваяниями чертогах Демидовых во Флоренции, могли познакомиться с творчеством лучших представителей итальянского резца и кисти и составить довольно полное представление о тенденциях в современном итальянском искусстве.

2. Коллекционерская деятельность вообще, включая классику и современное искусство других стран. Известно, что художественное собрание Демидовых оценивалось в ту эпоху как одно из самых богатых в мире. Наряду с классикой (картины

таких художников как Перуджино, Джорджоне, Тициан, Тинторетто, Мурильо, Рибера, Веласкес, Сурбаран, мастеров голландской и фламандской школ и т.д.) у Демидовых очень широко была представлена современная (начиная со 2-ой половины XVIII в.) живопись Франции, где они проводили столько же времени, сколько и в Италии¹⁹. Виллу Сан Донато, например, украшали полотна Буше, Греза, Фрагонара, Давида, Энгра, Делакруа, Ораса Верне.

Поэтому нельзя не согласиться с итальянской исследовательницей Ф. Боррони Сальвадори, которая подчеркивает, что именно благодаря коллекции Сан Донато тосканские художники, хорошо знакомые с этим собранием, были отлично осведомлены о новых течениях во французском искусстве²⁰.

3. Создание музея Наполеона на острове Эльба, в чем большую роль сыграл Владимир Васильевич Стасов, будущий художественный критик²¹. Стасов некоторое время работал во Флоренции в качестве секретаря А.Н. Демидова, который был женат на родной племяннице Наполеона I Матильде, графине де Монфор, дочери принца Жерома Бонапарта. В 1851 г. А.Н. Демидов купил летнюю резиденцию низложенного императора на острове Эльба, где тот жил с мая 1814 по февраль 1815 г. Со временем к этому зданию была сделана обширная пристройка для размещения там собранных А.Н. Демидовым наполеоновских реликвий.

4. Пожертвования Демидовых на реставрацию памятников искусства и старины во Флоренции. Демидовы субсидировали во Флоренции Ассоциацию Донателло. А.Н. Демидов выделил сумму в 7 тыс. итальянских лир для работ по завершению фасада базилики Санта Кроче, усыпальницы великих людей Италии (там похоронены Микеланджело, Макиавелли, Россини, Альфери и др.). Племянник Анатолия Николаевича Павел Павлович пожертвовал 38 тыс. лир на эти же цели для кафедрального собора Санта Мария дель Фьоре, в строительстве которого принимали участие Джотто и Брунеллески. Нами обнаружено письмо вице-президента комитета по завершению фасада собора Санта Мария дель Фьоре от апреля 1881 г. Павлу Павловичу, в котором содержится просьба прислать точный рисунок семейного герба Демидовых

для помещения его на фасаде собора в знак благодарности²².

5. Покровительство русским художникам, приехавшим на стажировку в Италию. Мы остановимся подробно на этом вопросе, потому что он менее разработан, чем вопрос о поддержке Демидовыми итальянских художников, и чаще всего дело сводится только к дружбе между Демидовыми и Карлом Брюлловым. Между тем вопрос стоит гораздо шире. Тут следует помнить, что уже Никита Акинфиевич Демидов, как говорилось, покровительствовал Федоту Шубину, путешествуя с ним почти год по Италии и сделав ему щедро оплаченный заказ.

Николай Никитич проявлял большой интерес к творчеству русских художников, питомцев Петербургской Академии художеств, находившихся на стажировке в Италии. Как свидетельствуют найденные нами письма пейзажиста Федора Матвеева от 4 августа 1810 г. и от 26 января 1815 г.²³, Н.Н. Демидов посещал римскую мастерскую художника и сделал заказы на 4 картины: "Вид Флоренции", "Вид Рима", "Вид озера Аньяно" и "Вид Неаполя". Нуждаясь в деньгах и не имея возможности связаться с Демидовым, Федор Матвеев, однако, продал три полотна другим клиентам. Впрочем, из писем не совсем ясна судьба этого заказа Н.Н. Демидова, ибо картины Матвеева все же были в той части коллекции Николая Никитича, которая находилась в Петербурге²⁴. Богатейшее художественное собрание уральского магната было рассредоточено по трем городам: Флоренции, Петербургу и Нижнему Тагилу²⁵. В 1833 г. Анатолий Николаевич отправил на родину флорентийскую часть собрания отца, однако точных данных о том, все ли произведения искусства из этого собрания покинули итальянскую землю, в нашем распоряжении нет.

Из первого письма мы узнаем, что один из вариантов "Вида Неаполя" был приобретен королем Обеих Сицилий и что пейзажист посещал молодых художников, стипендиатов Демидова, которые работали в мастерской известного итальянского живописца Филиппо Агрикола. Во втором письме Матвеев касается также вопроса о покупке Демидовым в Риме картин европейских мастеров.

Другой известный русский пейзажист Сильвестр Шедрин в письме из Рима от 15 декабря 1821 г. рассказывает, что Николай Никитич Демидов обошел к этому времени все мастерские отечественных художников, скульпторов и архитекторов, работавших в Италии²⁶. От этого визита русские художники ожидали многого. Н.Н.Демидов был известен не только как богатейший человек и щедрый меценат, но и как тонкий ценитель "художества", бывший к тому же основателем в Петербурге Школы архитектуры, живописи и скульптуры, для которой заказывал в Италии копии античных статуй из Ватиканских музеев.

Но Н.Н.Демидов, как ни странно, на этот раз не сделал своим художникам-землякам ни одного заказа. А ведь в Риме в это время работали и прославленный Орест Кипренский, талант которого высоко оценили в Италии, где его называли "русским Ван Дейком", и восходящая звезда русской пейзажной живописи Сильвестр Шедрин, и одаренный скульптор Самуил Гальберг. Однако этот частный случай вовсе не должен восприниматься так, что Николай Никитич не ценил отечественные таланты. Достаточно хотя бы сослаться на обнаруженное нами письмо Н.Н.Демидову от Ивана Мартоса от 21 мая 1827 г., из текста которого явствует, что это ответ на предложение скульптору со стороны Николая Никитича выполнить бронзовую статую его прадеда Никиты Демидовича²⁷. Мартос принимает предложение и в своем письме делится замыслами о будущем памятнике, а также посылает ему эскиз. Фигура Никиты Демидовича скульптору представлялась "в размышлении", а у ног его автор хотел поместить изображение соболя, помня о том, что железо, производившееся на демидовских заводах, имело марку "старый соболя". Из письма мы узнаем также, что Мартос в молодости был знаком с Никитой Акинфиевичем, отцом Николая Никитича, и что Никита Акинфиевич выражал пожелание, чтобы именно этот скульптор выполнил его надгробный памятник, в котором бы обязательно присутствовали кузнечные принадлежности. Мартос даже приводит слова Никиты Акинфиевича с том, что "...предок наш был кузнецом и мы не только не скрываем сего, но гордимся имея родоначальника фамилии нашей человека, который личным своим достоинством и умом... приобрел себе бессмертие и

стяжал роду своему честь, открыл ему поприще к заслугам государственным"²⁸. Для выбора размеров памятника Мартос посылает чертеж статуи Г.А.Потемкина для г. Херсона, над которым скульптор работал по заказу М.С.Воронцова. К сожалению, ни этот чертеж, ни эскиз памятника Никите Демидовичу при письме не сохранились.

Впрочем, вкус Николая Никитича и в самом деле были довольно своеобразны, и ему, как считается в Италии, пришлось по душе лишь талант приехавшего в Рим в 1823 году Карла Брюллова. Так, Ф.Боррони Сальвадори пишет, что у Н.Н.Демидова еще до заказа "Последнего дня Помпеи" было уже две картины Карла Брюллова. Однако это, видимо, неверно. В нашей литературе проходят и другие неточности, искажающие биографию Николая Никитича. В частности, утверждение, что он был посланником России при тосканском дворе, не соответствует действительности. Русским послом во Флоренции после отставки в 1819 г. генерала Н.Ф.Хитрово, зятя М.И.Кутузова, был А.Я.Италинский, постоянно находившийся в Риме, где он был главой русской миссии при Святом престоле²⁹. А во Флоренции интересы России представлял временный поверенный в делах. Ни в Архиве внешней политики Российской империи, ни в фонде Демидовых в Российском государственном архиве древних актов не обнаружено никаких документов, подтверждающих версию о том, что Н.Н.Демидов даже на короткое время замещал пост временного поверенного.

Что же касается Карла Брюллова и картины "Последний день Помпеи", то из переписки этого художника известно, что она первоначально была заказана графиней Разумовской, а не Демидовым. Путанипу внес своими воспоминаниями художник Михаил Железнов, ученик Брюллова. Он писал, что мысль написать картину "Последний день Помпеи" у Брюллова явилась во время прогулки с Анатолием Николаевичем Демидовым по помпеянским развалинам³⁰. Брюллов впервые посетил Неаполь и Помпеи летом 1827 г. и к тому же времени относятся первые эскизы будущей картины, которую, согласно Железнову, А.Н.Демидов дал слово купить по ее окончании. Эту версию принимает Ф.Боррони

Сальвадори, но она считает, что с Брюлловым в Помпее был не Анатолий, а Николай Никитич Демидов, поскольку его сыну в 1827 г. было только 15 лет и он не мог при живом отце принимать такие обязывающие решения, как покупка большой картины у дорогого уже тогда художника.

Между тем сам Брюллов в письме брату Федору в Петербург пишет в марте (на письме указан только месяц) 1828 г.: "Эскиз для картины, заказанной мне графиней Разумовской, приведен в порядок; сочинение следующее: "Последний день Помпеи"³¹.

22 апреля 1828 г., то есть примерно через месяц после написания этого письма, Николай Никитич умирает. Предположить, что за те несколько дней, которые оставались у него от жизни, он сумел перехватить заказ у графини Разумовской, тем более, что в марте 1828 г. она была в Петербурге, трудно. А в мае 1829 г. Брюллов уже пишет, что он "обязался письменным договором господину Демидову написать картину, изображающую "Последний день Помпеи", по сделанному уже эскизу: работу сия я обязан окончить в конце 1830 года"³².

Этим "господином Демидовым" скорее всего был Анатолий Николаевич, который в 1830 г. чуть было не порвал контракт с Брюлловым, когда тот нарушил сроки исполнения заказа, но потом смиростивился и продлил сроки договоренности.

Не выдерживает критики и тезис о том, что идея картины возникла у Брюллова в ходе общения с А.Н.Демидовым. Мисль написать большое полотно на тему помпеянской катастрофы могла быть подсказана Карлу Брюллову его братом Александром, архитектором по профессии, глубоко изучавшим помпеянские развалины³³. Кроме того следует помнить, что это были годы триумфа оперы Пачини "Последний день Помпеи", которая после шумного успеха первого представления в 1825 г. в Неаполе прошла по всем театрам Италии. А Пачини был близок с русской колонией в Италии. Графиня Ю.П.Самойлова даже удочерила дочь Пачини Амацелию и его племянницу Джованну. Брюллов как раз в это время переживал период бурного увлечения Самойловой, писал ее бесконечные портреты, выполнил великолепный портрет Джованны Пачини в виде амазонки, который на выставке в Милане

в 1832 г. принес ему общетальянскую славу.

Покровителем Карла Брюллова был именно Анатолий Николаевич Демидов, хотя он и не был причастен к возникновению замысла "Последнего дня Помпеи". И то, что он заинтересовался талантом молодого русского художника, оценил его по достоинству, по-видимому, добился передачи графией Разумовской заказа на "Помпею", проявил много терпения, когда автор не укладывался в обозначенные сроки, а после завершения полотна столько сделал для его популяризации и в России и за границей, заслуживает вечной благодарности ему со стороны всех, кому дороги отечественное искусство и традиции духовного содружества Италии и России. Картина была показана в 1833 году сначала в Риме, а затем на Миланской выставке, вызвав сразу взрыв энтузиазма по всей Италии и по существу впервые открыв широкой итальянской публике русское искусство. Григорий Григорьевич Гагарин, сын русского посла в Риме и сам будущий художник, вспоминал об этих событиях, писал: "Успех картины "Тибель Помпеи" был, можно сказать, единственный, какой когда-либо встречается в жизни художников. Это великое произведение вызвало в Италии безграничный энтузиазм. Города, где картина была выставлена, устраивали художнику торжественные приемы; ему посвящали стихотворения, его носили по улицам с музыкой, цветами и факелами... Везде его принимали с почетом как общеизвестного, торжествующего гения, всеми-понятого и оцененного"³⁴. Речь, разумеется, идет об оценке картины современниками, а не о нашем взгляде на это полотно, в котором еще так много черт академизма...

После Италии картина была показана в Париже, а затем в 1834 г. отправлена в Петербург, где Демидов преподнес ее в качестве своего дара императору Николаю I. Огромную раму для полотна Демидов на свои средства приобрел в Париже.

Благодаря Анатолию Демидову русское искусство прогремело не только в лице брюлловской "Помпеи", но и по сей день представлено во флорентийских музеях. В Музее современного искусства в Палаццо Питти экспонируется огромный парадный портрет Анатолия Демидова кисти Карла Брюллова, подаренный

в 1969 г. прицем Карагеоргиевичем, внуком Павла Павловича Демидова.

Остановимся здесь также на деятельности брата Анатолия Николаевича — Павла Николаевича, который, кстати, тоже не был чужд искусству, увлекался античной археологией, был почетным членом Академии наук и искусств в Арецо и Сене. Знаменательно, что ему посвящен один из лучших для того времени путеводителей по Риму издания 1838 г., написанный Антонио Нибби, который сопровождал Павла Николаевича Демидова во время осмотра последним римских античных памятников. Этим путеводителем, между прочим, пользовался и высоко ценил его Николай Васильевич Гоголь, отличный знаток истории и искусства древнего Рима и итальянского Возрождения.

Павел Николаевич был женат на известной светской красавице Авроре Карловне Шернваль, которая вместе со своими родственниками входила в близкое окружение Пушкина. Так протянулась нить связи между великим русским поэтом и обитавшими в нем русскими железозаводчиками Демидовыми.

В 1840 г. Павел Николаевич умер, оставив Аврору Карловну с годовалым сыном, которого в честь отца тоже нарекли Павлом. Повторно Аврора Карловна вышла замуж только шесть лет спустя — в 1846 г., когда ее мужем стал Андрей Николаевич Карамзин, сын прославленного русского писателя и историкографа. Так она породнилась с семьей ближайших друзей Пушкина и Лермонтова, семьей, связанной самыми тесными узами со всем миром русской культуры.

После женитьбы на Авроре Карловне Андрей Николаевич Карамзин стал опекуном ее малолетнего сына от первого мужа и в этом качестве управлял унаследованной мальчиком частью огромного демидовского состояния. Хотя по времени это продолжалось всего несколько лет, Андрей Николаевич оставил по себе заметный след в истории демидовских заводов. "На госпитальной площади... — писал позднее о Нижнем Тагиле Д. Мамин-Сибиряк, — стоит довольно массивный, чугунный памятник Андрею Николаевичу Карамзину... На заводах о нем сохранилась самая лучшая память как о человеке образованном и крайне гуманном,

хотя он и являлся здесь случайным. Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере старожилы вспоминают о нем с благоговением, что и понятно, если принять во внимание жестокие, заводские порядки крепостного времени"³⁵.

В 1854 г. с началом Крымской войны Андрей Николаевич Карамзин ушел добровольцем в действующую армию и вскоре погиб в бою. (Перевозкой тела А.Н.Карамзина для погребения в Петербурге и установкой памятника на могиле ведал А.Н.Демидов). Аврора вновь стала вдовой и более не выходила замуж. В 1870 г. умер Анатолий Николаевич Демидов. Сын Авроры Карловны Павел Павлович стал наследником и той части колоссального демидовского состояния в России и за границей, которая принадлежала Анатолию Николаевичу.

Аврора Карловна дожила до глубокой старости и умерла в 1902 г. в возрасте 94 лет. Она часто приезжала в Италию, где ее сын в 1872 г. приобрел виллу Пратолино, восстановил сохранившиеся здания, возведенные в XVI в. Буонталенти и другими флорентийскими мастерами, и поселился там, продав виллу Сан Донато.

Аврора Карловна, глубоко чтившая память Андрея Николаевича Карамзина, на часовне в Пратолино установила в его честь мраморную доску с надписью на русском языке. Доска эта еще в 70-х гг. нашего века сохранялась в Пратолино, а сейчас ее сорвал, очевидно, какой-то варвар-собираатель.

В литературе высказывалось мнение, что именно благодаря Авроре Карловне в Нижний Тагил попали хранившиеся у нее документы и письма карамзинского архива, открытие части которых уже в наше время стало крупным событием в истории советской пушкинистики. Речь идет о так называемой "Нижнетагильской находке" — обнаружении десятков писем, которые написали в 1836-1837 гг. сестры, братья и мать Андрея Николаевича Карамзина, когда он совершал путешествие по странам Западной Европы в то время, как на родине разворачивался последний, заключительный акт трагедии, унесшей жизнь А.С.Пушкина. Находка этих писем произвела подлинную сенсацию

среди пушкинистов, ибо в них содержится масса совершенно новых сведений о последних месяцах жизни поэта и его смерти³⁶.

А это только часть реликвий русской культуры, которые были у Авроры Карловны и которые еще предстоит открыть в бывших демидовских собраниях в России и за рубежом.

Павлу Павловичу Демидову была суждена короткая жизнь. Он умер в 1885 г., 46 лет от роду. Имение Пратолино после его смерти перешло во владение его жены Елены Петровны, урожденной Трубецкой, а потом — дочери Марии, которая умерла в 1955 г.

Мария Павловна была замужем за князем С.С.Абамелеком-Лазаревым, но рано овдовела и была бездетной. Почти всю жизнь она прожила в Италии. Виллу и имение Пратолино она завещала своему племяннику Павлу Карагеоргиевичу, сыну сестры Авроры.

Павел Карагеоргиевич в 1969 г. продал виллу в Пратолино со всеми угодьями и всем ее убранством. Многие флорентийцы до сих пор помнят демидовский аукцион, проводившийся фирмой Сотби и К^о, неслыханный по богатству представленных на продажу предметов антиквариата и произведений искусства, способных украсить любой столичный музей...³⁷

Вообще следует отметить, что колоссальные коллекции Демидовых постигла незавидная участь. Немало шедевров своей коллекции и коллекции брата Павла продал сам Анатолий Николаевич. Основательно приложил руку к распылению коллекции и его племянник Павел Павлович, который устроил грандиозный аукцион при переезде из Сан Донато в Пратолино. Павел Павлович при этом распродал и часть наполеоновских реликвий, собранных дядей и хранившихся в музее на Эльбе. Аукцион 1969 г., таким образом, был заключительной страницей драматической истории демидовских собраний в Италии, которым не суждено было в неразделенном, целостном виде влиться в национальные музеи Италии или России, как это произошло со многими другими коллекциями.

Остановимся на некоторых работах русской художественной школы, которые были проданы на аукционе 1969 г.

Прежде всего отметим портрет маслом Павла Григорьевича Демидова кисти Федора Рокотова, который на аукционе фигурировал как произведение неизвестного русского художника (он ушел в одну частную коллекцию в США). Произвести точную атрибуцию полотна позволяет гравюра А.Грачева с этого портрета³⁸.

Ученый-натуралист изображен Рокотовым в три четверти фигуры, облаченный в голубой парадный камзол с перкинутой через плечо красной лентой ордена Св.Анны. Перед нами важный русский вельможа XVIII в., в котором сановные черты художник, однако, сумел отодвинуть на второй план перед образом своего просвещенного согражданина, ученого, человека обширнейших знаний и энциклопедической культуры. П.Г.Демидов переписывался с Бюффеном и Линнеем, причем последнему он сообщил много своих открытий, помещенных естествоиспытателем в его знаменитой "Системе" с выражением благодарности автору. Федором Рокотовым был также написан портрет Никиты Акинфиевича Демидова, который хранится в Пермской художественной галерее. Местонахождение же портрета Павла Григорьевича до этого времени не было известно.

Не меньшую художественную ценность имеют и ушедшие поначалу в одну частную коллекцию в Англию два мраморных бюста работы Федота Ивановича Шубина: парные портреты Никиты Акинфиевича Демидова и его жены Александры Евстихиевны, уже упоминавшиеся ранее. Из "Журнала путешествия Н.А.Демидова в чужие края" известно, что Ф.Шубин приступил к работе над скульптурными портретами Демидовых в 1772 г.

Бюсты демидовской четы из Флоренции свидетельствуют о расцвете дарования молодого Шубина. Особенно удачен портрет Никиты Акинфиевича. Потомок простого русского кузнеца скульптор изобразил с несколько грубоватым лицом, но наделенным надчелюстным умом и кипучей энергией. Отраженные скульптором внешние черты портретируемого, его большой лоб, умный, пронзительный взгляд, чуть заметная ироническая усмешка в уголках рта говорят о незаурядности натуры Никиты Акинфиевича, известного широтой интересов и меценатством.

И в то же время колени с волевым подбородком, с гневной складкой меж бровей, с несколько чванливым выражением выдаёт человека, привыкшего к беспрекословному повиновению, обладающего необузданным темпераментом и крутым нравом барина-крепостника.

Портрет жены Н.А.Демидова несколько слабее в отображении характера, но он подкупает душевным обаянием и теплотой, которые ваятель сумел увидеть и передать в облике этой не очень красивой, несмотря на явное стремление скульптора к идеализации своей модели, женщины.

Приятно завершить рассказ об этих работах замечательного русского ваятеля сообщением о том, что они впоследствии были приобретены Третьяковской галереей и вернулись на родину (их правильная атрибуция впервые была сделана О.П.Лазаревой³⁹).

Благодаря В.В.Стасову мы знаем о том, что в собрании Демидова было множество альбомных рисунков Брюллова, но судьба их неизвестна. На аукционе 1969 г. вообще было мало представлено произведений русского искусства: кроме бюстов Демидовых работы Шубина, портрет П.Г.Демидова, бюст Анатолия Демидова работы скульптора Паоло Трискорниа, итальянца по происхождению, работавшего в России, уральский пейзаж кисти Петра Верещагина, да несколько графических работ русской школы. Но не было, например, картин И.Айвазовского, которого коллекционировали Демидовы.

Это тем более прискорбно, что в собрании Демидовых в Пратолине было много художественных произведений, которых не пощадила на родине в России буря революции, гражданской войны и второй мировой войны. Демидовы до 1969 г. ведь ничего не продавали из принадлежавших им памятников русского искусства. И то, что на итальянской земле хранилось большое количество шедевров, так или иначе имевших отношение к России, тоже вклад Демидовых в русско-итальянские культурные связи.

Со временем, однако, в Лондоне на аукционах фирмы Сотби стали появляться другие произведения из бывшей коллекции Демидовых, их портреты, пейзажи И.Айвазовского и другие

работы русских художников. Следует остановиться на одной такой работе: небольшой акварели с изображением двух неизвестных русских офицеров, которая была продана вместе с другими творениями из демидовских собраний на аукционе Сотби 5 марта 1981 г. Даже при первом взгляде на воспроизведение акварели в каталоге аукциона поражало сходство одного из изображенных офицеров с М.Ю.Лермонтовым, а личность второго нетрудно было установить, если учитывать происхождение акварели из демидовских собраний. Вторым офицером, без сомнений, судя по его внешности, был Андрей Карамзин, второй муж Авроры Шернваль, большой друг Лермонтова⁴⁰.

За подтверждением этой гипотезы мы обратились во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз в Москве.

Дело в том, что художник-реалист, независимо от духа эпохи, его собственной творческой манеры, степени одаренности, темперамента, взглядов и прочих индивидуальных особенностей, чтобы передать портретное сходство должен схватить и отобразить в своем произведении определенный минимум устойчивых признаков внешности человека, без чего портрет перестает быть портретом.

Анализ комплекса таких признаков позволяет установить различия, сходство и тождество лиц исследуемых персонажей. Именно такой сравнительный анализ изображений офицеров с известными достоверными портретами М.Ю.Лермонтова и А.Н.Карамзина, произведенный во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебных экспертов, привел к подтверждению нашего вывода о личностях написанных на акварели персонажей.

В качестве эталона прижизненного портрета Лермонтова было избрано живописное полотно художника Заболотского, выполненное в 1837 г. Сравнимые изображения были доведены до единого масштаба, исходя из размеров радужки глаза. Затем были выделены и проанализированы устойчивые признаки внешности персонажей, которые не меняются со временем (как, например, меняется длина и густота волос, усов и т.п.). Всего на портрете Лермонтова кисти Заболотского и на

акварели было выделено около 50 таких признаков благодаря тому, что модель на них дана в одинаковом ракурсе. О тщательности анализа говорит, к примеру, то, что применительно к носу исследовалась его высота, ширина, форма спинки, форма кончика, положение основания, открытость носовой перегородки, крылья носа, ноздри, переносье.

Почти все устойчивые признаки на том и другом портрете совпали (за исключением некоторых отклонений в несущественных деталях, что объясняется тем, что над изображениями работали разные художники), включая даже такие индивидуальные особенности Лермонтова, как хохолок на изломе левой брови, ямочка под нижней губой и т.д.

Такая же работа и с теми же результатами была проделана и в отношении изображения Андрея Николаевича Карамзина.

В итоге было подтверждено, что в демидовском собрании во Флоренции хранился доселе никому не известный портрет великого поэта, изображенного вместе с его другом Андреем Николаевичем Карамзиным. Именно поэтому портрет и попал в Италию, куда его, наверняка, привезли с собой вместе с другими семейными реликвиями Аврора Карловна.

Таковы только некоторые факты из истории русской культуры и русско-итальянских культурных отношений, которые связаны с Демидовыми, волею судеб обретшими в Италии свою вторую родину.

1 Свиньин П.П. Воспоминания о тайном советнике Николае Никитиче Демидове. СПб., 1829; Спасский Г. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов. СПб., 1833; Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881; Он же. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища. Ярославль, 1887; Огарков В.В. Демидовы, основатели горного дела в России. СПб., 1891; Назаревский С.В. Благотворительная деятельность рода Демидовых // Демидов П.А. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность... Житомир, 1910; Покровский С.П. Демидовский лицей в прошлом и настоящем. Ярославль, 1914; и другие.

2 Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; Кафенгауз Б.Б.

- История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.-Л., 1949. Т. I; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в I-й половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. I; Преображенский А.А. Классовая борьба уральских крестьян и мастеровых людей в начале XVIII в. // Исторические записки. 1956, № 58; Горшков А.А. Основные этапы в развитии уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования. // Труды Уральского политехнического института. Свердловск, 1957. Сб. 40; Ялунский В.К. Материалы по истории Уральской металлургии в первой половине XIX в. // Исторический архив. 1959. Т. 9; Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVII в. М., 1972; Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979; Чернышова А.С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985; и многие другие.
3. Бойко Ф.И. Замечательные русские механики Черепановы. М.-Свердловск, 1952; Боташев Н.С., Гагарин Е.И., Е.Г. Кузнецов - выдающийся мастер XVIII в. М., 1953; Козлов А.Г. Творцы техники на Урале. Свердловск, 1954; Каменский В.А. Художники крепостного Урала. Свердловск, 1957; Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX века. Свердловск, 1960; Павловский Б. Крепостные художники Худояровы. Свердловск, 1963; и другие.
4. Грабарь И. "Мадонна del Popolo" Рафаэля и мадонна из Нижнего Тагила // Вопросы реставрации. Сборник центральных государственных реставрационных мастерских. М., 1928. П. С. 5-101.
5. Курочкин Ю. Приключения "мадонны". Свердловск, 1973; Лазарева О.П. Портреты Демидовых работы Ф.И. Шубина // Научно-исследовательская работа в художественных музеях. М., 1975. Ч. 2. С. 189-202; Глушакова Д., Бочаров И. Вилла на Старой Болонской дороге // Литературная Россия. 1977. № 49; Абдуллин Р.А. Демидовская премия // Вопросы истории. 1978. № 8. С. 215-218; Glushakova J., Bociarov I. Una villa sulla Vecchia Bolognese // Realta sovietica. Roma, 1979. N 3-4. Нижнетагильский краеведческий музей. Рассказ о музее / Составитель Семенов И.Г. Свердловск, 1980; Бочаров И., Глушакова Д. Карл Брюллов. Итальянские находки. М., 1984. С. 104-176; Glushakova J. Il contributo della famiglia Demidov allo sviluppo della scienza e della cultura in Russia e all'estero // Rassegna sovietica. Roma, 1985. N 5. P. 140-152; Мезенин Н.А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской академии наук. Л., 1987; и другие.
6. Алексеев В.В. Это честь и гордость России // Наука Урала. 1993, март. С. 2; Он же. Импульс преобразования и возрождения // Там же. С. 3.

- 7 Черкасова А.С., Мосин А.Г., Павловский Н.Г. История российского предпринимательства // Демидовы. Екатеринбург, 1992. С.33-39; Краснова Е.И. Демидовы. Родословная роспись // Там же. С.3-31.
- 8 Zamponi F. I diversi gradi di educazione popolare attivati nel Pio Stabilimento Demidoff a Firenze // Il Mondo illustrato. 1847, I; Da Prato C. Firenze ai Demidoff: Pratolino e S. Donato. Firenze, 1887; Foresi M. Di un principe russo e di una principessa napoleonica // Nuova antologia. 1915. N 177; etc.
- 9 Pellegrini G. Anatolio Demidoff principe di S. Donato // Nuova antologia. 1976. N 2105. Maggio; Zangheri L. Pratolino: Il giardino delle meraviglie. Firenze, 1979; Borroni Salvadori F. I Demidoff collezionisti a Firenze // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Pisa, 1981. Serie III. Vol. XI, 3. P.937-1003; Risaliti R. Russia e Toscana nel Rissorgimento. Pistoia, 1982; Bisogni F. I giardini e i parchi dei Demidoff // Il giardino romantico. Firenze, 1986. P.25-28; Idem. I Demidoff in Toscana // L'idea di Firenze. Temi e interpretazioni nell'arte straniera dell'Ottocento. Centro D. Firenze, 1989; Pratolino. Villa Demidoff: Storia, arte, natura // A cura di Zeffiro Ciuffoletti. Firenze, 1990; etc.
- 10 Вьесе Джан Пьетро (1773-1863), по происхождению швейцарец, путешествовал по России, основал во Флоренции научно-литературный кабинет, имевший большую библиотеку, который существует и поныне и организует научные и культурные мероприятия.
- 11 О благотворительной деятельности Демидовых в Италии имеются сведения в литературе, но многие материалы по этой теме, находящиеся в архивах, до сих пор не опубликованы.
- 12 Спасский Г. Указ. соч.: Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. С.51-52; Назаревский С.В. Указ. соч. С.34.
- 13 Головщиков К.Д. Указ. соч. С.105-110; Назаревский С.В. Указ. соч. С.34-36.
- 14 Журнал путешествия статского советника Н.А. Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из С.-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращении в Россию ноября 22 дня 1773 года. М., 1786.
- 15 Спасский Г. Указ. соч. С.40-41; Головщиков К.Д. Указ. соч. С.138-139; Назаревский С.В. Указ. соч. С.36-37.

- 16 Fischer G. Catalogue systématique des livres de la bibliothèque de Paul de Demidoff... Moscou, 1806; Idem. Museum Demidoff... Moscou, 1806-1807. Т. II-III; Головщиков К.Д. Указ. соч. С. 175-204; Назаревский С.В. Указ. соч. С. 37-38.
- 17 Свиньин П.П. Указ. соч. С.5; Головщиков К.Д. Указ. соч. С.207-218; Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т.6. С.220-222.
- 18 Стендаль. Собр. соч. М.-Л., 1949. Т. XII. С. 148-149, 242, 248.
- 19 Счета, оплаченные Н.Н. Демидовым только за 1808 г., свидетельствуют о том, что даже за такой короткий промежуток времени он приобрел большое число первоклассных произведений искусства, среди которых были работы Греза, Буше, Фрагонара, Ватто, Демарна, Ораса Верне, бронзовые изделия фирмы Томир и т.д. - Российский государственный архив древних актов, Москва (далее - РГАДА). Ф.1267. Оп.16. № 25. Л.2, 5, 7, 8, 9, 22; и другие.
- 20 Borroni Salvadori F. Op. cit. P. 968.
- 21 Ставов В.В. Письма к родным. М., 1953. Т. I. Ч. I. С. 241.
- 22 РГАДА. Ф.1267. Оп.16. № 327. Письмо написано по-итальянски.
- 23 РГАДА. Ф.1267. Оп.2. № 286. Л.1-4. Письма написаны по-французски.
- 24 Спасовский Г. Указ. соч. С.67.
- 25 Свиньин П.П. Указ. соч. С.28-29.
- 26 Сильвестр Щедрин. Письма из Италии / Вступительная статья, редакция и примечания А.Эфроса. М.-Л., 1932. С.172.
- 27 РГАДА. Ф.1267. Оп.2. № 283. Л.1-2 об.; копия письма - Л.3-4.
- 28 Там же. Л.1 об.
- 29 Архив внешней политики Российской империи. Москва. Ф.133. Оп. 468. № 10000. Л.39, 84-93 и др.
- 30 Железнов М. Значение К.П. Брюллова в искусстве // К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / Составитель Н.Г. Машковцев. Изд. 2-ое. М., 1961. С.60.
- 31 Архив Брюлловых, принадлежащий В.А. Брюллову / Сообщил Ив. Кубасов. СПб., 1900. С.100.
- 32 Там же. С. III.
- 33 Там же. С. 85-86; Ацаркина Э. Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963. С.113.
- 34 Гагарин Г.Г. Воспоминания кн. Г.Г. Гагарина о Карле Брюллове // Брюллов в письмах... С.97.

- 35 Мамин-Сибиряк Д.Н. Платина. Очерк // Северный вестник. СПб., 1891. Окт. № 10. Отд. II. С.3.
- 36 Письма были обнаружены накануне Великой Отечественной войны, первое сообщение о них: Боташёв Н.С. Ценная находка. Новые материалы о А.С.Пушкине // Тагильский рабочий. 1954. II апр.; первая публикация выдержек из писем: Андронников И. Тагильская находка. Из писем Карамзиных / Публикация Н.С.Боташева. Пояснительный текст И.Андронникова // Новый мир. 1956. № I. С.153-209; публикация наиболее полного варианта писем: Пушкин в письмах Карамзиных 1836-1837 годов. М.-Л., 1960.
- 37 О судьбе виллы и об аукционе 1969 г. см.: Sotheby's of Londra s.r.l. Catalogo dell' arredamento della villa Demidoff a Pratolino, presso Firenze, 1969; Бочаров И., Глушакова Ю. Карл Брюллов... С.104-205.
- 38 Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. I. С.656.
- 39 Лаварева О.П. Указ. соч. С.189-202.
- 40 Бочаров И., Глушакова Ю. Указ. соч. С.125-176.

О РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ КОМПЛЕКСА ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ
СЛУЖАЩИХ МЕСТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ,
(К методике анализа)

В современном источниковедении термин "репрезентативность" употребляется в двух значениях: для обозначения "представительности информации определенного корпуса массовых источников относительно социальной действительности" и определения представительности выборки документов относительно всего корпуса массовых источников¹, т.е. генеральной совокупности. От правильного определения степени репрезентативности выборки зависит надежность окончательных выводов. Это особенно актуально в тех случаях, когда исследователь имеет дело с естественной выборкой, т.е. совокупностью документов, сохранившейся или выявленной лишь частично, представительность которой неизвестна.

Предлагаемая статья ставит своей целью рассмотреть один из способов выяснения репрезентативности комплекса послужных (формулярных) списков² служащих государственного аппарата 50-х гг. XIX в., служивших в губернских учреждениях Московской и Калужской губерний.

В источниковедческой литературе наиболее полно вопрос о репрезентативности рассмотрен в статье А.Г.Тартаковского³. По мнению А.Г.Тартаковского, проблема репрезентативности включает рассмотрение следующих вопросов: оценку "значения привлеченных для исследования источников относительно некогда существовавшего их корпуса, который и выступает здесь как генеральная совокупность"⁴ и установления соотношения "источников, которыми располагает историк, непосредственно с самой исторической действительностью, являющейся предметом изучения (в данном случае именно она может быть принята условно за генеральную совокупность)"⁵.

Таким образом, как считает А.Г.Тартаковский, установление представительности имеющихся источников (или данных) по отношению к их генеральной совокупности — задача, которой

чаще всего и ограничивается внимание исследователей, отнюдь не исчерпывает проблемы репрезентативности. Само собой разумеется, что решение данной исследовательской задачи в ее полном объеме зависит от многих факторов и прежде всего характера и достаточности нужной информации, которой располагает исследователь для изучения исторических реалий. Имеющаяся у нас неполная, фрагментарная информация – в целом не высокая сохранность послужных списков, отсутствие точных статистических сведений о численности чиновничества дает возможность лишь приблизиться к освещению этой проблемы в изложенном выше аспекте. Источники главным образом позволяют определить соотношение выявленной совокупности формуляров (естественной выборки) с общей численностью служащих губернского административного аппарата и составленных на них послужных списков (согласно закону формуляры должны были ежегодно составляться на каждого чиновника и канцелярского служащего)⁶.

Для решения поставленной задачи, в первую очередь, следует установить число служащих губернских учреждений за тот или иной год. Сведения о численности и составе местной администрации содержат штатные расписания и "Адрес-календари". Рассмотрим, в какой мере указанные источники отражают численность служивших в них чиновников. Анализ заключенных в штатных расписаниях⁷ сведений показывает, что в некоторых из них обозначено лишь число чиновников, чьи должности включались в "Табель о рангах" (I–XIV классы). Численность же мелких чиновников, и особенно лиц, не имевших классного чина, занимавших самые низшие ступени губернской иерархии, выполнявших, так сказать, "техническую роль" – канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и т.п., без которых не могло функционировать ни одно учреждение, в ряде штатов не приводится⁸. По-видимому, законодательство предоставляло право самим учреждениям, исходя из конкретных потребностей, устанавливать необходимое число канцеляристов. Попытаемся определить численность лиц, находившихся вне "Табели о рангах". Рассмотрение данного вопроса затруднено отсутствием каких-либо полных и точных статистических

сведений (по России в целом и отдельным губерниям, в частности) относительно численности этой категории служащих государственного аппарата⁹. "Установившаяся с начала века ведомственная разобщенность, а также атмосфера строгой секретности в отношении данных о бюджете России, — замечает по этому поводу Н.П.Ерошкин, — исключали составление каких-либо сводных данных. О количестве чиновников России можно судить лишь по приблизительным официально опубликованным данным"¹⁰. На наш взгляд, весьма приближенную численность канцелярских служащих можно установить (точное количество служащих определить чрезвычайно сложно, если вообще возможно, для этого потребуется проведение специальных архивных разысканий) путем некоторой реконструкции на основе их послужных списков. Для этого необходимо сопоставить между собой общее количество выявленных формуляров^{II} данной группы служащих по тому или иному учреждению за ряд лет. Цифра, выражающая максимальное число зарегистрированных списков, условно может быть принята за показатель, наиболее близко к действительности отражающий численность канцелярских служащих. Итоги выявления формуляров лиц, служивших на вне-табельных должностях в канцеляриях "хозяев" губерний и губернских правлений, отражают данные таблицы I.

Таблица I

Название учреждения	Г о д ы ¹²							
	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857
Канцелярии губернаторов:								
Московского	I	4I	-	-	37	-	22	42
Калужского	4	24	II	23	7	8	3	10
Губернские правления:								
Московское	27	18	38	4I	3I	37	32	24
Калужское	I	42	-	23	12	70	43	55

Данные таблицы наглядно показывают, что по канцеляриям губернаторов более всего списков зарегистрировано: по Московской губернии за 1857 г. — 42; Калужской — за 1851 г. —

24. Наибольшее количество формуляров канцеляристов по Московскому губернскому правлению выявлено за 1853 г. - 41; по Калужскому - за 1855 г. - 70. Приведенные цифры, исходя из наших, не более чем гипотетических построений, могут дать ориентировочное представление о численности канцелярских служащих двух главных губернских учреждений. К слову заметим, что подобным же образом (по причине не обнаружения полных штатов), мы определили примерное число служащих палат гражданского и уголовного суда Калужской губернии¹³.

Помимо штатных расписаний, сведения о численности чиновничества содержат издававшиеся со второй половины 60-х гг. ХУШ в. Российской Академией Наук "Адрес-Календари"¹⁴. Справочник состоит из двух частей. В первой - приводятся данные о составе высших и центральных правительственных учреждений, во второй - о местной бюрократии. Публикуемые в "Адрес-календарях" на 1 января сведения о персональном и численном составе чиновничества местных учреждений, целиком основывались на присылаемых с мест в конце каждого года списках служащих "по самым последним переменам составленным"¹⁵. Губернские присутственные места должны были сообщать (до июня месяца) и о всех изменениях, происшедших в персональном составе служащих в течение первого полугодия¹⁶, которые отражались в прибавлениях к "Адрес-календарям". Поскольку поступающая из губернских правлений первичная информация в дальнейшем не подвергалась какой-либо дополнительной проверке, заключенные в ней неточности, равно как и неполнота сообщаемых сведений, переносились и в справочное издание. Неполнота сведений - основной недостаток справочника. Попытаемся на основе анализа "Адрес-календаря" на 1854 г.¹⁷ установить насколько полно в нем отражена численность чиновников главных губернских учреждений. По данным справочника в Московской губернии на 1 января 1854 г. числилось: в управлении военного генерал-губернатора - 44 человека, канцелярии губернатора - 8, губернском правлении - 15, палатах - казенной и государственных имуществ по 9 и камере губернского прокурора - 5 человек¹⁸. По штатам в

этих учреждениях числилось соответственно: 45¹⁹, 20 (16 чиновников и 4 канцеляриста), 58, 156 (из них 65 канцелярских служащих), 55 и II человек²⁰. В Калужской губернии по сведениям "Адрес-календаря" состояло: в канцелярии начальника губернии - 8 человек, губернском правлении - 9, казенной палате - II, палате государственных имуществ - 18 и канцелярии губернского прокурора - 3²¹. Соответственно по штатам - II, 45, 85, 46 и 6²². Как видим, сопоставление содержащихся в "Адрес-календарях" сведений о численном составе губернской администрации с данными штатных расписаний²³ убедительно свидетельствует о неполноте рассматриваемого издания. Столь очевидное расхождение в цифровых показателях объясняется прежде всего тем, что составители "Адрес-календаря" располагали явно неполной, отрывочной информацией. Так, в справочнике совершенно отсутствуют данные о канцелярских служащих, численность которых определена в ряде штатных расписаний. Как правило, в "Адрес-календарь" вносились фамилии лиц, занимавших лишь ключевые табельные должности в местных правительственных органах (советники, эссесоры, секретари, чиновники особых поручений, столоначальники и т.п.). Более близкие на первый взгляд к штатным показателям данные "Адрес-календаря" содержит по канцелярии Московского генерал-губернатора - 44 человека (по штату - 45). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в это число включены также чиновники, служившие сверх штата. Так, по штатам генерал-губернаторской канцелярии числилось 5 чиновников особых поручений²⁴, по "Адрес-календарю" их было почти в шесть раз больше - 28²⁵. В то же время справочник не упоминает чиновников, состоявших на должностях, указанных в штатном расписании - помощника контролера, журналиста, переводчика, казначея, столоначальников и т.п. По справочнику числится всего 19 чиновников, занимавших должности, предусмотренные штатами учреждения. Столь же неполно фиксирует "Адрес-календарь" численность служащих губернских учреждений Калужской губернии. По данным справочника в них состояло всего 49 человек. В то время как по штатам только классных чинов числилось - 182. Следует

заметить, что на неполноту, как на главный недостаток рассматриваемого издания, одним из первых обратил внимание П. А. Зайончковский. Сравнив численность чиновничества на 1 января 1851 г. по "Адрес-календарю" (Ч. I, 2) с отчетом Инспекторского департамента за 1850 г., историк пришел к выводу, что в справочнике отражено вдвое меньше чиновных лиц, чем в официальном отчете²⁶.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ помещенных в "Адрес-календаре" данных о численном составе местных правительственных учреждений со сведениями штатных расписаний, со всей очевидностью свидетельствует о неполноте этого справочного издания в отражении численности губернской администрации, и поэтому он не может быть использован в качестве надежного источника для учета численного и персонального состава губернской бюрократии²⁷.

Из всего изложенного выше явственно следует, что мы имеем возможность соотнести количество выявленных формулярных списков, образующих естественную выборку, лишь с данными о численности государственных служащих, содержащимися в штатах губернских учреждений, которые, несмотря на отмеченные недостатки, как нам представляется, более адекватно отражают историческую действительность. Результаты такого соотнесения представлены в таблице 2. Цифры таблицы, в которой учтено 3237 формуляров, отражают различную степень сохранности документов. Причем это в одинаковой мере относится как к послужным спискам классных чинов, так и канцелярских служащих²⁸. Более всего формуляров служащих губернского аппарата выявлено: по московским учреждениям за 1853 г. — 70,6% общего числа табельных чиновников, числившихся по штату, и 71,3% канцелярских служащих; по калужским учреждениям за 1851 г. — соответственно 89,6 и 80,5%. За другие годы процент представительности формулярных списков чиновников, служивших на классных должностях в московской администрации, колеблется от 20,3 (1850 г.) до 34,5 (1855 г.); канцеляристов от 27,3 (1850 г.) до 55,3 (1851 г.), служащих калужских учреждений — соответственно от 21,4 (1850 г.) до 79,7 (1853 г.) и от 6,3 (1850 г.) до 56,1 (1853 г.).

Таблица 2^ж
 Репрезентативность корпуса формулярных списков служащих губернских учреждений
 за 1850-1857 гг.

Название учреждения	Общее число служащих	Г о д ы								
		1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Московские учреждения										
Канцелярия генерал-губернатора	32	-	-	-	28	-	-	-	-	-
%	14	-	-	-	14	-	-	-	-	-
Канцелярия губернатора	100	-	-	-	87,5	-	-	-	-	-
%	100	-	-	-	100,0	-	-	-	-	-
Канцелярия губернского правления	16	-	-	-	-	13	-	13	14	14
%	42	-	41	-	-	37	-	22	42	42
Губернское правление	100	2,4	97,6	-	-	81,3	-	81,3	87,5	87,5
%	100	2,4	97,6	-	-	88,1	-	88,1	90,0	100,0
Казенная палата	58	1	3	28	45	25	24	28	14	14
%	41	27	18	38	41	31	37	32	24	24
Казенная палата	100	1,7	5,2	48,3	77,6	43,1	41,4	48,3	24,1	24,1
%	100	65,9	43,9	92,7	100,0	75,6	90,2	78,0	58,5	58,5
Казенная палата	91(97) ^{жж}	60	-	4	75	27	28	13	8	8
%	65	38	-	8	65	22	16	6	-	-
Казенная палата	100	65,9	-	4,4	82,4	29,7	28,9	13,4	-	-
%	100	58,5	-	12,3	100,0	33,8	24,6	9,2	-	-

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Палата государственных имуществ	36 19	1	-	12 8	31 19	3	20 4	20 3	17 7
%	100 100	2,8	-	33,3 42,1	86,1 100,0	8,3	55,6 21,0	55,6 15,8	47,2 36,8
Канцелярия губернского прокурора	4 7	-	4 6	4 -	- 4	- 4	3 3	2	-
%	100 100	-	100,0 85,7	100,0 -	57,1	57,1	75,0 42,8	28,6	-
Гражданская палата (1,2 департаменты)	58 60	-	49 60	23 10	30 26	19 21	24 23	15 14	21 17
%	100 100	-	84,5 100,0	39,6 16,7	51,7 43,3	32,7 35,0	41,4 38,3	25,9 23,3	36,2 28,3
Уголовная палата	21 34	2 11	18 31	9 18	14 32	9 20	12 21	9 24	-
%	100 100	9,5 32,3	85,7 91,2	42,8 52,9	66,7 94,1	42,8 58,8	57,1 61,3	42,8 70,6	-
Итого за год:	316(322) 282	64 77	74 156	80 82	223 201	96 135	111 104	98 103	74 90
%	100 100	20,3 27,3	23,4 55,3	25,3 29,1	70,6 71,3	30,4 47,9	34,5 36,9	30,4 36,5	23,9 31,9

Продолжение таблицы 2

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Калужские учреждения									
Канцелярия губернатора	11 24	2 4	10 24	6 11	11 23	7 7	8 8	4 3	7 10
%	100 100	18,2 16,7	90,9 100,0	54,5 45,8	100,0 95,8	63,6 29,2	72,7 33,3	36,4 12,5	63,6 41,7
Губернское правление	45 70	1 1	36 42	- -	37 23	25 12	27 70	25 43	38 55
%	100 100	1,4	80,0 60,0	- -	82,2 32,8	55,6 17,1	60,0 100,0	55,6 61,4	84,4 78,6
Казенная палата	51(55) 34	- -	46 34	26 27	41 30	26 25	30 18	35 14	40 28
%	100 100	- -	90,2 100,0	51,0 79,4	80,4 88,2	51,0 73,5	54,5 52,9	63,6 41,2	72,7 82,3
Палата государст- венных имуществ	31 15	- -	30 7	2 -	28 6	9 3	14 1	20 3	17 5
%	100 100	- -	96,8 46,7	6,4 -	90,3 40,0	29,0 20,0	45,2 6,7	64,5 20,0	54,8 33,3
Канцелярия губерн- ского прокурора	3 3	1 -	2 3	- -	- -	- -	- -	1 -	3 -
%	100 100	33,3 -	66,7 100,0	- -	100,0 -	- -	- -	33,3 -	100,0 -

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Гражданская палата	23 33	21 6	21 33	10 12	16 22	11 6	- -	- -	13 8
%	100 100	91,3 18,2	91,3 100,0	43,5 36,4	69,6 66,7	47,8 18,2	- -	- -	56,5 24,2
Уголовная палата	18 25	15 2	18 22	10 3	12 8	10 5	10 4	- -	10 4
%	100 100	83,3 8,0	100,0 88,0	55,5 12,0	66,7 32,0	55,5 20,0	55,5 16,0	- -	55,5 16,0
Итого за год:	182 (186) ^ж 205	39 13	163 165	54 53	145 115	88 58	89 101	85 63	128 110
%	100 100	21,4 6,3	89,6 80,5	29,7 25,8	79,7 56,1	48,4 28,3	47,8 49,3	45,7 30,7	68,8 53,6

ж Верхняя цифра в таблице (абс. и %) обозначает число лиц, занимавших классные должности, нижняя — число канцелярских служащих. Прочерк (-) в графах таблицы означает отсутствие документов. Во второй графе помимо данных штатных расписаний приведены также цифровые показатели, отражающие результаты проведенной реконструкции (не установленной штатами) численности канцелярских служащих канцелярий губернаторов, губернских правлений, а также классных чинов и канцеляристов, служивших в Калужских палатах гражданского и уголовного суда.

ж По штатам 1855 г. число чиновников в Московской и Калужской казенных палатах увеличилось соответственно на 6 и 4 человека.

При самом общем взгляде на приводимые в таблице данные бросается в глаза чрезвычайно плохая сохранность формуляров служащих канцелярии московского военного генерал-губернатора. Нами обнаружены списки чиновников и канцелярских служителей этого учреждения лишь за 1853 год. Не выявлены также формуляры служащих и некоторых других московских учреждений: канцелярии московского губернатора (за 1852-1853 и 1855 гг.), канцелярии губернского прокурора (за 1850 и 1857 гг.), казенной палаты, палаты государственных имуществ (за 1851 г.), гражданской и уголовной палат - соответственно за 1850 и 1857 гг. Как видно из таблицы, по Калужской губернии отсутствуют послужные списки служащих губернского правления (за 1852 г.), губернских палат: казенной, государственных имуществ (за 1850 г.), гражданской (за 1855-1856 гг.), уголовной (за 1856 г.), канцелярии губернского прокурора (за 1852, 1854-1855 гг.). Отмеченные пробелы в сохранности документов красноречиво свидетельствуют о том, что, несмотря на неоднократные "напоминания" Сената своевременно направлять из присутственных мест сначала в Герольдию Сената, а с 1847 г. в Инспекторский департамент гражданского ведомства, послужные списки служащих губернской и уездной администраций²⁹, доставлялись они туда крайне нерегулярно. Более того, не исключено, что по отдельным учреждениям за некоторые годы они вовсе не составлялись, т.е. отсутствовали изначально. В то же время в ряде случаев, как следует из таблицы, мы располагаем достаточно представительной выборкой или даже всей совокупностью списков. Так, полный комплект формуляров классных чиновников (в соотношении с численностью служащих установленной штатами) сохранился по канцеляриям московского (1851-1852 гг.) и калужского (1857 г.) губернских прокуроров. Столь же репрезентативна выборка списков канцеляристов, служивших в 1853 г. в московских канцеляриях: генерал-губернатора, губернском правлении, казенной палате, палате государственных имуществ; в калужских канцеляриях - губернатора (за 1851 г.), губернского прокурора (за 1851 и 1853 гг.), казенной палате (за 1851 г.) и губернском правлении (за

1855 г.). Несколько ниже представительность формуляров чиновников некоторых других московских и калужских учреждений. Например, по канцелярии московского губернатора за 1854 и 1856 гг. сохранность списков составляет 81,3%; губернскому правлению, казенной палате и палате государственного имущества (за 1853 г.) — соответственно: 77,6; 82,4 и 86,1%; по канцелярии калужского губернатора за 1851 г. — 90,9%; губернскому правлению за 1851 г. — 80%, за 1853 г. — 82,2%, за 1855 г. — 60%, за 1857 г. — 84,4%; казенной палате за 1851 г. — 90,2%, за 1853 г. — 80,4%, за 1857 г. — 72,7%; палате государственных имуществ за 1851 г. — 96,8%, за 1853 г. — 90,3%, за 1856 г. — 64,5%. Данные табл. 2 отражают высокую представительность формулярных списков канцелярских служащих. Так, сохранность формуляров канцеляристов, служивших в московском губернском правлении, составляет: за 1850 г. — 65,9%; за 1852 г. — 92,7%; за 1854 г. — 75,6%; за 1855 г. — 90,2%; за 1856 г. — 78%; Калужской казенной палате — за 1852 г. — 79,4%; за 1853 г. — 88,8%; за 1854 г. — 73,5% и т.д.

Цифры табл. 2 убедительно показывают, что наиболее представительные выборки документов мы имеем лишь по некоторым учреждениям. По большинству же губернских канцелярий выявлено незначительное количество списков. Так, менее половины или даже около трети формуляров чиновников, занимавших табельные должности, обнаружено по Московской казенной палате (1854 г. — 29,7%; 1855 г. — 28,9%), Московской палате государственных имуществ (1852 г. — 33,3%; 1857 г. — 47,2%), Калужской палате государственных имуществ (1854 г. — 29%), канцелярии Калужского прокурора (1850 и 1856 гг. — 33,3%) и т.д. То же самое касается и сохранности послужных списков канцелярских служащих. Так, по Московской казенной палате представительность выборки составляет: за 1854 г. — 33,8%; за 1856 г. — 24,6%; по Калужской палате государственных имуществ за 1851 г. — 46,7%; за 1853 г. — 40%; за 1854 и 1856 гг. — 20% и т.д. По отдельным учреждениям выявлены лишь единичные формуляры. Например, процент сохранности списков классных чинов

Московской казенной палаты за 1852 г. составляет всего 4,4%; за 1856 г. - 13,4%; за 1857 г. - 8,2%. По Московской палате государственных имуществ за 1850 и 1854 гг. выявлено соответственно: 2,8 и 8,3% общего числа формуляров. Весьма значительны также потери послужных списков лиц, исполнявших должности канцелярских служащих. Так, по Московской казенной палате за 1852 г. списки сохранились только у 12,3% служащих, числившихся по штату; за 1856 г. - у 9,2%.

Таким образом, анализ заключенных в табл. 2 данных показывает, что наиболее репрезентативные, охватывающие от 2/3 до 4/5 личного состава служащих губернского аппарата (как классных чинов, так и канцелярских служащих) случайные выборки, т.е. совокупности документов, образовавшиеся чисто случайно, формирование которых не определялось никакими специфическими закономерностями³⁰, в нашем распоряжении имеются - по московским учреждениям за 1853 г.; калужским - за 1851 г., а для табельных чиновников и за 1853, 1857 гг.

При выяснении степени репрезентативности выборки послужных списков по описанной выше методике следует иметь в виду то обстоятельство, что штаты местных учреждений не совсем полно отражают фактическую численность служащих губернского правительственного аппарата. Все дело в том, что в системе местных учреждений, помимо штатных чиновников, служили также лица, числившиеся сверх штата, число которых в штатных расписаниях не указывалось. По московским учреждениям за 1850 г. нами выявлено 14 послужных списков сверхштатных служащих - 7 чиновников и 7 канцеляристов, что составляет соответственно 2,2 и 2,5% общего числа штатных единиц; за 1851 г. - 7 (2,2%) и 13 (4,6%); за 1853 г. - 31 (9,9%) и 87 (30,9%). За 1852, 1854 и 1857 гг. выявлено: по 2 (0,6%) списка чиновников, состоявших сверх штата; за 1856 г. - 6 (1,9%). По калужским учреждениям за 1851 г. обнаружено 12 (6,6%) формуляров чиновников, занимавших сверхштатные классные должности, и 25 (12,2%) списков канцелярских служащих; за 1852 г. - соответственно 2 (1,1%) и 1 (0,5%); за 1854 г. - 3 (1,6%) и 3 (1,5%). За 1855 г.

учтено 4 (2,2%), за 1856 г. - 5 (2,7%) формуляров сверхштатных чиновников. Как видим, подавляющее число послужных списков сверхштатных служащих выявлено по московским учреждениям за 1853 г. Значительная их часть приходится на чиновников - 21 чел. (67,7%) и канцелярских служащих - 40 чел. (45,6%), состоявших на службе в канцелярии генерал-губернатора А.А.Закревского. Явное превалирование сверхштатных должностей в генерал-губернаторской канцелярии, как уже отмечалось, объясняется желанием Закревского принимать на службу лиц из среды своих многочисленных близких и знакомых.

Не имея возможности установить точную численность внештатных служащих, количество которых не регламентировалось какими-либо нормативными актами, а скорее всего определялась исключительно канцелярскими потребностями административного аппарата или личными симпатиями начальников канцелярий, мы, основываясь на вышеприведенных расчетах, можем лишь предположить, что, как правило, число чиновников и канцелярских служащих, служивших сверх штата, было невелико, по крайней мере не столь значительно, чтобы повлиять на представительность выборки, установленной по данным штатных расписаний.

Таким образом, мы рассмотрели один из методов выяснения репрезентативности комплекса послужных списков служащих губернского звена административного аппарата, заключающийся в соотношении числа выявленных формуляров с численностью государственных служащих, указанной в штатах губернских канцелярий. Несколько упрощенное толкование проблемы репрезентативности в данном случае объясняется не столько пробелами в сохранности документов, сколько отсутствием точных сведений о численном составе служащих местной администрации. Как мы могли убедиться, справочные издания - "Адрес-календари" аккумулируют явно неполную информацию о числе служащих правительственного аппарата. Ближкие к действительности, на наш взгляд, данные содержат штаты местных учреждений. Сопоставление количества учтенных формуляров с показателями штатных расписаний

позволило получить достаточно определенное, хотя и не абсолютно точное представление о репрезентативности выборки послужных списков (по отдельным учреждениям и губернии в целом) за тот или иной год.

Описанная выше методика определения репрезентативности выборки формулярных списков служащих губернских учреждений — только рабочая гипотеза, которая должна непременно совершенствоваться и уточняться, но она может служить известным инструментом для установления приблизительной сохранности документов, что имеет важное значение для использования этой разновидности массовой документации как источника для изучения состава губернской бюрократии.

-
- 1 Лубский А.В., Пронштейн А.П. Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С.23.
 - 2 Послужные списки образуют одну из разновидностей массовых источников. Не вдаваясь в дискуссию о дефиниции массовой документации, укажем, что мы придерживаемся определения предложенного В.Б.Литваком. Под источниками массового характера В.Г.Литвак разумеет "такие документы, которые отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выяснить ту или иную закономерность. По форме своей эти документы представляют определенный формуляр или зачатки его". Литвак В.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX-начала XX в. М., 1979. С.6. Сноска 7. Подробнее о критериях массовой документации. Там же. С.6-8.
 - 3 Тартаковский А.Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6. С.63-70.
 - 4 Там же. С.65.
 - 5 Там же. С.66.
 - 6 Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т.3. Кн.1. Ст.1411.
 - 7 Полное собрание законов Российской империи. Собр. I-е. (Далее — ПСЗ). Т.44. Ч.2. Отделение III-IV. № 20099, 20143; ПСЗ-П. Т.14. Ч.2. № 12169; Т.15. Ч.3. № 14107; Т.20. Ч.2. № 18580, 18608; Т.23. Ч.2. № 22416, 22802; Т.30. Ч.2. № 28914.

- 8 См.: Штаты канцелярий губернаторов и губернских правлений: ПСЗ-П. Т.20. Ч.2. № 18580. Например, по штату канцелярии Московского губернатора число канцелярских служителей значится лишь при особом столе по городскому хозяйству. Там же. Примеч.3. Аналогичную картину отражает и "Высочайше утвержденное расписание окладов для чинов казенных палат..." 1848 г. ПСЗ-П. Т.23. Ч.2. № 22416, внесенное некоторые коррективы в численный состав и размеры жалованья чиновников этого учреждения, по сравнению со штатами 1840 г. (ПСЗ-П. Т.15. Ч.3. № 14107).
- 9 По наблюдениям П.А.Зайончковского, численность канцелярских служителей указана всего лишь в одном отчете Инспекторского департамента за 1857 год, где она определяется в 32073 человека (35,55% общего числа государственных служащих). Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С.68.
- 10 Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М., 1981. С.62-63.
- 11 Не касаясь специально методики выявления послужных списков служащих губернской администрации, отметим лишь, что подавляющее их большинство было извлечено из коллекции формулярных списков: ЦГИА СССР. Ф.1349. Оп.5. Кроме того, часть списков обнаружена в местных архивах: ЦГИА г.Москвы. Ф.16. Оп.222, 226; Ф.54. Оп.176, 178, 184; Госархив Калужской области. Ф.62. Оп.1.
- 12 Попутно отметим, что сохранность послужных списков канцелярских служителей, как и служащих в целом, позволяет привлечь для анализа лишь формуляры, составленные за 1850-1857 гг. Именно в этот период существовала централизованная система их учета и хранения. По действовавшему законодательству формулярные списки служащих местных государственных учреждений должны были ежегодно направляться в Инспекторский департамент гражданского ведомства. ПСЗ-П. Т.24. Ч.1. № 20910.
- 13 В ст.2218 свода законов Российской империи 1857 г. (СПб., 1857. Т.2) лишь указано, что при каждой палате состоят секретари, протоколисты, регистраторы, архивариусы и потребное число других канцелярских чинов и служителей. Прилагаемые к статье, принятые еще в 1802 году штаты (ПСЗ-П. Т.44. Ч.2. Отделение III. IV. № 20099, 20143) содержат данные только о составе общего присутствия губернских судебных палат.
- 14 Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., б.г. Ч.1-2.
- 15 Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т.3. Кн.1. Ст.1426.
- 16 Там же. Ст.1427.
- 17 Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., б.г. Ч.2. Власти и места управлений

губернского, областного, окружного, городского, уездного и ведомства их.

- 18 Там же. С.87.
- 19 По штату канцелярии московского военного Генерал-губернатора должность Генерал-губернатора не значится.
- 20 См. сноску 9.
- 21 Адрес-календарь... Ч.2. С.53-54.
- 22 См. сноску 9. Указанные штаты действовали до начала 60-х гг. С 1855 г. по сравнению с предшествующим годом увеличилось лишь число чиновников в казенных палатах - в Московской на 6, Калужской на 4 человека (ПСЗ-П. Т.30. Ч.2.. № 28914).
- 23 Относительно надежным источником для определения численности губернской и уездной администраций являются губернские памятные книжки. К сожалению, по Московской и Калужской губерниям они стали издаваться в 60-х гг. См. об этом подробнее: Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель / Под ред. П.А.Зайончковского. Изд.2-е. М., 1978. № 3936, 4124. В 1852 году была издана лишь Памятная книжка Калужской губернии на 1852 год (Калуга, 1852). Однако разыскать ее в центральных библиотеках страны нам не удалось.
- 24 ПСЗ-П. Т.23. Ч.2. № 22802.
- 25 Адрес-календарь... Ч.2. С.87. Здесь надо пояснить одну важную деталь. Речь идет о чиновниках, служивших при военном генерал-губернаторе А.А.Закревском, который, как сообщает в своих воспоминаниях один из чиновников его канцелярии Д.В.Друцкой-Соколинский, "принимал на службу многочисленное число служащих сверх штата". Друцкой-Соколинский Д.В. Из моих воспоминаний // Русский архив. 1901. № 4. С.678.
- 26 Зайончковский П.А. Указ. соч. С.15.
- 27 Этот факт особо отметила М.Ф.Румянцева, специально изучавшая данный вопрос. См.: Румянцева М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России. 1762-1802 гг. М., 1985. Дисс. канд. ист. наук. С.21-35. Машинопись.
- 28 В таблице репрезентативность классов чинов и канцеляристов рассматривается отдельно.
- 29 Обращения Сената к местным властям о необходимости своевременно присылать послужные списки были неоднократны. См.: ПСЗ-П. Т.9. Ч.2. № 7595; Ч.1. № 15254 и др.
- 30 О критериях случайной репрезентативной выборки см.: Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М., 1986. Вып.9. С.16-17.

О ХАРАКТЕРЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РЕФОРМЫ 1866 Г. В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ И ПРИЕМЫ ИХ РАЗЫСКАНИЯ

Литература 80-х гг. по истории аграрной реформы 1866 г. свидетельствует о том, что многие источники современным исследователям до сих пор не известны¹. Нами предпринята попытка выявления основных их групп и разновидностей².

Задача данной статьи — предложить методiku источниковедческого поиска этих документов, определить место и значение законодательства как необходимого ключа для поиска, а также те трудности, которые подстерегают каждого проводящего розыски в архивах. Эта методика нами проверена на примере материалов по Пензенской губернии.

Важное эвристическое значение для поиска и анализа источников имеет нормативный материал по реформе 1866 г. В нем содержится подробная характеристика владенных записей, а также законодательно закреплено само название. Так, закон 24 ноября 1866 г. "О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях" прямо указывает их конкретное название: "На владение означенными выше землями и угодьями выдается каждому обществу особый акт, именуемые "владенною записью"³.

Инструкция 31 марта 1867 г. "Правила для составления и выдачи государственным крестьянам владенных записей", дополняющая закон 24 ноября 1866 г., своим заголовком также указывает на название документов⁴.

Кроме того, образцы для составления документов: литер А и литер Б, данные в приложении к статье 6 и 7 "Правил" 31 марта 1867 г. четко озаглавлены: "Владенная запись"⁵.

И еще. "Правила" 31 марта 1867 г. оговаривают содержание документов: "В них должны быть определены как пространство и границы предоставляемых во владение каждого сельского общества государственных крестьян земель и угодий, так и количество причитающейся, за владение сими землями и угодьями, оброчной подати"⁶.

Эту краткую, обобщенную характеристику владенной записи расширяет обстоятельный перечень топографических, демографических, экономических и других показателей, данный далее в статье 8 "Правил": "В каждой владенной записи должно быть показано:

- а) наименование селения, какой оно губернии, уезда и волости;
- б) число крестьян, значащихся в селении по последней ревизии;
- в) способ владения землей во время составления записи: общинный, участковый, четвертной или смешанный;
- г) количество угодий, составляющих крестьянский надел, с показанием общего числа удобной и неудобной земли;
- д) оброчная подать, общий по селению итог;
- е) количество лесного пространства, предоставленного крестьянам;
- ж) особые доходы статьи и угодья (рыбные ловли, каменоломни, руды, торговые и базарные площади, мельницы, лавки и прочее), находящиеся во владении крестьян и составляющие мирские оброчные статьи;
- з) описание границ крестьянского землевладения, согласно ст. 12 настоящих правил и пунктам II и IV прилагаемых образцов лит. А и Б⁷.

И хотя это еще не формуляр, а лишь зачатки его, тем не менее, ясно, что владенные записи должны характеризоваться однородностью, аналогичностью, повторяемостью содержащейся в них информации.

Законодательство аграрной реформы 1866 г. содержит подробные образцы нескольких разновидностей владенных записей, данных в приложении к 6 и 7 статьям инструкции 31 марта 1867 г. и рисующих вслед за статьей 8 еще более точный портрет документов:

образец владенной записи для одного или нескольких селений, владеющих наделом сообща и уравнивающихся землей по душам (лит. А);

образец владенной записи для нескольких селений, со-

ставляющих хотя и одну общину, но владеющих землей как в общем, нераздельном владении, так и раздельно, то есть составляющих несколько единиц поземельного общинного владения (лит.Б);

образец приложения к владенной записи о крестьянах, владеющих землями подворно или по наследственному праву (лит.В)⁸.

Законодательство, таким образом, предусматривает формуляры-образцы на все случаи возможной территориальной структуры сельской поземельной общины: и простой, и сложной (лит.А и лит.Б), независимо от способа владения землей. Кроме того, особо дается образец приложения к владенной записи для крестьян, владеющих землей на четвертном праве (лит.В).

Образцы лит.А и лит.Б сходны между собой с той лишь разницей, что в одном случае земельные угодья должны показываться для одного селения в целом, а в другом — для нескольких селений могут быть показаны и раздельно для каждого.

Согласно обоим образцам, в начале каждой владенной записи должно быть показано название губернии, уезда, волости и конкретного селения или селений, составляющих крестьянскую общину.

Далее образцы включают десять разделов, обозначенных римскими цифрами. Так, в разделе I владенной записи обоих образцов предусматривалось зафиксировать количество "ревизских X народной переписи мужского пола душ крестьян". Раздел II документов, согласно образцам, должен нести сведения о назначении дачи по генеральному межеванию, в которой находится "означенное селение". Раздел III документов должен показывать площадь удобной и неудобной земли, составляющей крестьянский надел, здесь же должны быть сведения о площади лесного пространства. Раздел IV владенной записи должен быть посвящен описанию границ земельного надела. Этот раздел формуляра занимает центральное место, так как особенно подробно предусматривает многочисленные варианты фиксации границ земельных угодий. Расположение земель крестьянского надела по настоянию законодательства должно быть зафиксировано с

необыкновенной точностью. В документах должны подробно называться все овраги, ручьи, большие дороги и перелески, урочища, межи и т.д., граничащие с земельными угодьями конкретной крестьянской общины с севера, востока, юга и запада.

Если земельное пространство находится не в одном месте, а часть его расположена в пустоши — в документах предусмотрен вариант описания пустоши. Если же земельное пространство находится в нескольких местах — имеется вариант и такого описания. Кроме того, если земельный надел или часть его находятся в урочище, дан вариант описания урочища. Даны другие варианты описания крестьянских земельных угодий.

Закон буквально дословно "диктует" содержание той части владенной записи, которая посвящена фиксации размера наделной земли с целью более точного ее учета.

В этом разделе документов должна быть зафиксирована чересполосица с землями прочих совладельцев дачи, а также церковная земля.

Следующий У раздел владенной записи должен сообщать о способе владения землей: душевом, четвертном или смешанном, а также указывать нераздельные и раздельные угодья. Раздел IV документов фиксирует поземельные оброчные статьи, а в V разделе, если это имело место, указывалось с какими деревнями сообща пользуются крестьяне данной крестьянской общины поземельными оброчными статьями. Далее, в VI разделе должна быть зафиксирована оброчная плата в рублях "со всего селения столько-то рублей и копеек". В разделе VII говорится об уплате "лесного налога за пользование лесом". И, наконец, раздел VIII формуляра-образца напоминает, "что крестьяне, участвующие в общинном владении землей, ответственны кругом порукою в исправном взносе причитающейся с них оброчной подати".

Если перечень показателей, представленный в ст. 8 "Правил для составления и выдачи государственным крестьянам владенных записей" является лишь зачатком формуляра и не требует строгой их последовательности, то образец владенной записи является уже формуляром, под которым необходимо понимать "определенный порядок фиксации или изложения содержания"⁹.

Образец приложения к владенной записи о крестьянах, владеющих землями подворно или по наследственному праву, представляет собой таблицу, фиксирующую в отдельных графах фамилии домохозяев, площадь удобной земли и размер оброка.

Такова характеристика внешнего вида и содержания документов - владенных записей.

Кроме этого, законодательство подробно расписывает сроки проведения преобразований на землях государственных крестьян разных губерний.

Закон "О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях" 24 ноября 1866 г. не вводил единого срока составления и выдачи владенных записей для всех губерний. Они разбивались на несколько групп, для каждой из которых, в зависимости от состояния работ по межеванию, законом определялось конкретное время реализации реформы.

Так, для 14 губерний первой очереди, "дачи которых окончательно обмежованы, а именно: Воронежской, Казанской, Калужской, Московской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Ярославской - в течение двух лет"¹⁰.

Из других губерний принадлежали ко второй очереди, где межевые работы были еще не вполне закончены, поэтому сроки выдачи владенных записей определялись для первых четырех губерний в четыре года, а для остальных в шесть лет. Это губернии Астраханская, Екатеринославская, Костромская, Херсонская, Владимирская, Курская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Таврическая, Тверская и Харьковская.

Остальные семь губерний, на территории которых межевые работы еще вообще не начинались и никогда ранее не производились и "дачи коих не были сняты на планы" принадлежали к последней третьей очереди. Это губернии: Архангельская, Вологодская, Вятская, Олонецкая, Оренбургская, Пермская, Уфимская. Составление и выдача владенных записей должны были закончиться в них в течение шести лет с момента окончания работ по межеванию, то есть с момента окончания составления планов.

Для двух губерний: Черниговской и Полтавской определенного срока вообще не было назначено, поскольку генеральное межевание здесь еще только производилось¹¹.

На остальные районы империи (Бессарабию, Правобережную Украину, Белоруссию, Литву и Прибалтику) действие закона 24 ноября 1866 г. не распространялось, так как их отличали особенности хозяйственного быта крестьян и политического устройства, а сибирские и кавказские крестьяне вообще не относились к ведомству министерства государственных имуществ.

Владенные записи интересующей нас Пензенской губернии, судя по предписанию законодательства, должны были быть составлены и выданы крестьянам не позднее 1868 г., то есть в двухлетний срок со дня опубликования закона 24 ноября 1866 г.

Источники, таким образом, должны быть датированы не позднее чем 1868 г.

Инструкция 31 марта 1867 г. последовательно называет разнообразные сопутствующие владенным записям документы. Среди них должны быть чертежи, прилагаемые к каждой владенной записи, составленные на несколько однопланых селений с обозначением границ пользования каждого селения по хозяйственной съемке¹². А чертежей для дач единственного владения одного селения может и не быть, так как по закону их наличие не является обязательным, хотя по ходатайству крестьян они могли и выдаваться за особую плату.

Другой разновидностью сопутствующих владенной записи документов являются приложения, показывающие уменьшенную сумму оброчной подати по тем селениям, где была допущена рассрочка ее на определенное количество лет¹³.

В особых приложениях к владенным записям разъяснялся порядок пользования спорными землями. Причем, во владенной записи они должны были показываться за теми селениями, которые владеют ими во время составления владенных записей. В этих приложениях объяснялось, "какие из показанных во владенной записи спорных угодий и кем оспариваются"¹⁴.

Приложения могли сопутствовать владенной записи по тем селениям, где окажутся крестьяне, состоящие на льготе. В этом случае в приложениях должно быть разъяснено: "сколько из показанного за селением общего числа ревизских душ состоит на льготе, какою пользуются льготой относительно уплаты оброчной подати и когда прекращается срок льготы"¹⁵.

В границах крестьянского надела, обложенного оброчной податью, могли находиться земли, приобретенные ими в собственность у частных лиц или данные им в прежнее время верховной властью. В особом приложении к владенной записи крестьяне могли оговорить свое несогласие "против обложения присваиваемых ими земель оброчной податью"¹⁶. Приложения такого рода могли быть среди возможных сопутствующих владенной записи документов.

Кроме того, могли быть приложения, перечисляющие крестьян, владеющих землей на четвертном праве, то есть тех, которые "не передают периодически своих земель по числу душ, а владеют ими подворно по наследственному праву"¹⁷.

Они составлялись по прилагаемому во владенной записи образцу лит. В и фиксировали всех имеющих отдельное наследственное владение домохозяев "о показании количества состоящей во владении каждого из них земли с причитающейся с него оброчной подати".

Все перечисленные выше приложения, кроме чертежей на многоселенную общину, лишь возможные, но не обязательные документы: к одним владенным записям они могли быть, а к другим, если реальная жизнь складывалась иначе, их могло и не быть. Но среди сопутствующих владенной записи документов, судя по закону, должны быть еще и обязательные — это поверочные и вводные акты и протоколы мировых посредников. Они должны были составляться в ходе предварительного предъявления крестьянам проектов владенных записей.

В "Правилах" 31 марта 1867 г. подчеркивается обязательность составления поверочного акта и перечисляются лица, которые должны будут подписать его: "Если при прочтении владенной записи крестьяне не заявят никаких возражений, а в случае недоразумений, вполне удовлетворятся

сделанными им разъяснениями, то запись признается окончательно поверенною, о чем составляется на месте акт за подписью мирового посредника, чиновника, предъявляющего запись, и присутствующих при предъявлении записи сторонних добросовестных и уполномоченных от крестьян"¹⁸.

В тех случаях, когда условия, внесенные во владенные записи, не удовлетворяли крестьян, их возражения должны быть подробно изложены в акте: "Если при предъявлении владенной записи крестьяне возразят против означенного в записи количества земли или размера оброчной за оную подати, и не удовлетворятся объяснениями мирового посредника и предъявляющего запись чиновника, то этот последний обязан составить о том акт, с подробным изложением отзыва крестьян"¹⁹.

На сельских сходах, во время предъявления документов крестьянам законодательно разрешалось вносить свои возражения и заявления: "В означенные протоколы записываются подробно все заявления крестьян, как те, по проверке которых на месте с документами будут сделаны в записях надлежащие исправления, так и те, которые потребуют особых исследований и распоряжений"²⁰.

"Чиновник, предъявляющий запись, ведет протокол всем действиям по каждой владенной записи"²¹.

Возражения крестьян должны были принимать к сведению, а чиновники, занимавшиеся составлением их, должны были принимать меры к урегулированию возникших разногласий.

Предназначенную для выдачи крестьянам владенную запись в том окончательном варианте, в каком она предусмотрена законодательством, мировой посредник снова прочитывает на полном сельском сходе при сторонних добросовестных и передает ее крестьянам. То есть, кроме поверки владенной записи, должен быть выполнен еще ритуал ввода или выдачи документов, "о чем в то же время составляет надлежащий акт".

Значит, кроме поверочных актов и протоколов мировых посредников сопутствующими владенной записи документами должны быть вводные акты и протоколы.

Кроме всего перечисленного, статья 34 "Правил" 31 марта 1867 г. называет еще два внешних признака владенной записи. Она должна быть скреплена "подписью старшего чиновника по составлению владенных записей", и на ней должна стоять печать местного управления государственных имуществ.

Законодательство реформы 1866 года своим содержанием отвечает и на вопрос: "Где искать?" интересующие нас документы: "...владенные записи составляются в двух экземплярах, один из них препровождается к подлежащим мировым посредникам для выдачи крестьянам по принадлежности, а другой экземпляр передается для хранения в архив губернского правления"²².

Данная статья, бесспорно, во многом облегчает поиск источника: один экземпляр владенной записи передавался в крестьянскую общину, то есть со временем мог безвозвратно исчезнуть, в том числе и для науки, второй экземпляр ее передавался для хранения в архив губернского правления.

Значит, поиск источника, владенных записей, может быть успешным даже в местных архивах. Названные документы могли отложиться и на местах.

В фондах Главного выкупного учреждения и Департамента окладных сборов, в отличие от уставных грамот, эти документы не могли отложиться уже и потому, что бывшие государственные крестьяне в ходе реализации реформы 1866 г. не переводились на выкуп. В законе 24 ноября 1866 г. ничего не говорилось об обязательном выкупе казенных наделов бывшими государственными крестьянами. "В законе присутствовала только идея возможного выкупа, которая получила свое воплощение гораздо позднее - в законе 12 июня 1886 г., да и то под видом выкупа не земли, а оброчной подати"²³.

Таковы основные внешние признаки владенных записей, по которым их можно обнаружить в процессе поиска.

Таким образом, законодательство аграрной реформы 1866 г.: закон 24 ноября 1866 г. и "Правила" 31 марта 1867 г. своим рядом своих статей и положений, казалось бы, отвечают на все возможные вопросы, которые могут встретиться в ходе изыскания источника: "Где искать?", "Какие документы?", "Их название?", "Время составления?", "Сопут-

ствующие документы и материалы".

Кроме законодательства реформы, имеются и другие документы и материалы, которые могут облегчить поиск владенных записей. Это ежегодные отчеты губернаторов министру Государственных имуществ, а также отчеты министра Государственных имуществ в Главный комитет об устройстве сельского состояния, рисующие динамику реализации реформы 1866 г.

Обратимся к названным документам и материалам. Так, в отчете за 1868 г., перечисляя занятия лиц, служащих в мировых по крестьянским делам учреждениях, Пензенский губернатор Селиверстов называет участие их в работе "по введению владенных записей государственным крестьянам"²⁴.

В другом отчете за 1869 г., анализируя ход реализации реформы, губернатор сообщает: "Во время введения владенных записей в губернское присутствие были поданы жалобы на неправильное составление их от 28 селений"²⁵. А в пункте втором заключения к этому отчету сказано, что "Поземельное устройство государственных крестьян с введением владенных записей окончено"²⁶.

В докладах министра Государственных имуществ А. Зеленого с ноября 1867 г. регулярно направляемых в Главный комитет об устройстве сельского состояния, сообщались результаты работ по составлению, предъявлению и выдаче бывшим государственным крестьянам владенных записей, в том числе и по Пензенской губернии"²⁷.

В частности, в одном из таких докладов министра Государственных имуществ в Главный комитет отмечалось, что к концу 1868 г., то есть к окончанию установленного законом срока, крестьянам Пензенской губернии владенные записи были в основном выданы"²⁸.

В законодательстве аграрной реформы 1866 г. сообщается и о других, кроме владенных записей, документах. О том, что сами владенные записи должны быть составлены на основании специальных документов, которые официально называются оценочными и раскладочными. Так, "Правила для составления и выдачи государственным крестьянам владенных записей в начале и в конце своего содержания указывают на обязательность

существования таких документов. В общих постановлениях данной инструкции содержится следующее законодательное распоряжение: "...во владенные записи вносится пространство крестьянского надела в тех границах, которые определены по хозяйственной съемке и по оценочным документам".

Количество оброчной подати, причитающееся с каждого сельского общества за предоставленный в пользование крестьянский надел должно быть определено "на основании произведенной и окончательно уже утвержденной оценки общественных земель государственных крестьян".

Эти законодательные условия должны быть выполнены в губерниях Казанской, Калужской, Московской, Рязанской, Саратовской, С.-Петербургской, Симбирской и Ярославской.

Для губерний: Воронежской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и Тульской границы крестьянского надела определяются на одинаковых условиях с указанными губерниями. Данные же о размере оброчной подати заимствуются из утвержденной министерством суммы оброчной подати, причитающейся на каждую губернию по указу 24 ноября 1866 г.²⁹

В остальных 22 губерниях, названных этим законом, порядок определения размеров крестьянского надела и оброчной за него подати должны быть определены особой инструкцией, которая в это время планировалась быть составленной министерством государственных имуществ.

Заключительный раздел инструкции 31 марта 1867 г., разъясняя порядок утверждения и выдачи крестьянам владенных записей, еще раз обращает внимание должностных лиц на законодательное распоряжение о том, что они составляются "вполне согласно с утвержденными министерством государственных имуществ оценочными раскладочными документами"³⁰.

Здесь не только вновь называются главнейшие показатели владенной записи: площадь земельного надела и размер оброчной подати, но и уточняется, что данные сведения берутся из специально составленных документов.

Из сказанного видно, что законодательство гораздо больше внимания уделяет характеристике владенных записей: дается точное название документов, перечень показателей в

них, образцы - формуляры двух их разновидностей, кроме того, называется время их составления, место хранения, скрепа, сопутствующие материалы и т.д.

О документах же, на основании которых составлялись владенные записи, упоминается в законе всего лишь в двух местах.

Эти общие упоминания, разумеется, никоим образом не дают полного представления о тех документах, на основании которых составлялись владенные записи, и, тем не менее, упоминание о них, даже в самых общих чертах, информирует о многом: владенные записи составлялись на основании специальных, утвержденных министерством государственных имуществ оценочных и раскладочных документов, а также документов хозяйственной съемки.

Это обстоятельство имеет важное значение в ходе целенаправленного поиска массовых исторических источников, на основании которых составлялись владенные записи, именно тех источников, которые являются проектами владенных записей.

Несмотря на то, что законодательство аграрной реформы 1866 г. целым рядом своих статей и положений облегчает поиск источников, оно же и "предупреждает" исследователя о возможных трудностях.

Прежде всего, это связано с тем, что реформа 1866 г., даже на территории одного и того же региона, проводилась в несколько этапов, каждому из которых соответствовали особые документы.

Первым этапом данной реформы является подготовка соответствующих оценочных документов, на основании которых составлялись владенные записи. Чтобы внести во владенные записи размеры земельных участков и количество причитающейся за них оброчной подати, их необходимо было определить и подсчитать, а значит подготовить предварительные документы для проверки - проекты владенных записей. Именно этот этап нашел отражение в "Правилах" 31 марта 1867 г. особым их разделом: "О составлении владенных записей"³¹.

Составлять владенные записи сразу в окончательном их варианте, то есть по законодательно данному формуляру-образцу,

было нецелесообразно уже и потому, что крестьяне имели возможность обжаловать их содержание, возразить против выделяемого им надела, оброчной подати и т.д. Если возражения крестьян окажутся убедительными, чиновники министерства государственных имуществ по закону должны будут внести во владенную запись исправления.

Поэтому до поверки на сельских сходах составлять владенные записи в их окончательном варианте чиновникам министерства государственных имуществ было невыгодно. Более удобным было предъявлять проекты документов, в которые проще можно было внести какие-либо исправления.

Важным этапом реформы являлась поверка на сельских сходах проектов владенных записей, которые в "Правилах" 31 марта 1867 г. называются оценочными документами и документами хозяйственной съемки. Здесь на сельских сходах, выслушав содержание будущей владенной записи, крестьяне имели право требовать разъяснений, уточнений и даже ее исправлений.

Второму этапу реформы соответствуют свои документы: поверочные акты и протоколы мировых посредников, в которых фиксировался весь ход предъявления крестьянам владенных записей, а точнее их проектов. В протоколы подробно записывались все недоразумения, неточности, возможная путаница данных, на которые указывали крестьяне. В задачу чиновника, предъявляющего владенную запись, и мирового посредника входило убедить крестьян, уговорить их согласиться с содержанием составленных документов. Однако эту задачу удавалось выполнить далеко не всегда. Крестьяне настаивали на своем и их требования приходилось вносить в акты и протоколы. Потребуется еще различные сведения, справки, доказательства, прежде чем будет составлен окончательный вариант владенной записи по первоначальному или исправленному проекту. Акты и протоколы поверки составлялись и тогда, когда крестьяне никаких возражений не выдвигали, то есть сразу соглашались с содержанием будущей владенной записи.

Этот этап реформы нашел отражение в разделе "Правил", озаглавленном "О предъявлении владенных записей"³².

В ходе третьего, заключительного этапа реформы, собственно, владенные записи в своем окончательном варианте, написанные по законодательному формуляру, выдавались крестьянам. Этот ритуал также совершался на сельском сходе и сопровождался рождением соответствующих документов — вводных актов и протоколов мировых посредников, в которых фиксировались факты выдачи крестьянам владенных записей.

Этот этап реформы нашел отражение в последнем IV разделе "Правил" 31 марта 1867 г.: "Об утверждении и выдаче владенных записей крестьянам"³³.

И, наконец, в ходе четвертого этапа, не предусмотренного законодательством, но планируемого правительством, составлялись и выдавались крестьянам владенные записи на лесной надел, который был отрезан в ходе реформы.

Таким образом, поэтапная реализация реформы вела к созданию нескольких разновидностей документов, каждый из которых, будучи историческим источником, в свою очередь, отвечает требованиям, которые предъявляет современное научное источниковедение к понятию "массовый исторический источник".

Одной из трудностей, вытекающих из поэтапного хода реализации аграрной реформы 1866 г., является отсутствие в законодательстве точного названия оценочных документов и документов хозяйственной съемки, на основании которых составлялись владенные записи и которые предъявлялись крестьянам в качестве их проектов.

В законе 24 ноября 1866 г. и в "Правилах" 31 марта 1867 г. совершенно отсутствуют какие-либо разъяснения по вопросу о формуляре оценочных документов и документов хозяйственной съемки, о наполнении их конкретными данными, о порядке фиксации показателей и т.д. По законодательным актам нам не известны также точные названия этих документов.

Наш опыт по изысканию названных выше источников по истории Пензенской губернии вскрывает конкретные трудности целенаправленного источниковедческого поиска. Они связаны с тем, что вопреки законодательству в фонде пензенского губернского правления владенных записей не сохранилось.

Однако изучение вопроса позволяет сделать вывод о том, что первоначально порядок хранения документов соответствовал указаниям законодательства. Это подтверждает распорядительно-исполнительная переписка, отложившаяся в фонде.

В 70-е гг., когда шел процесс перечисления в казенное ведомство крестьян мелкопоместных владельцев и отвод земель отставным нижним чинам, пензенское управление государственных имуществ постоянно сообщало в губернское правление о пересылке ему на хранение утвержденных владенных записей.

Например, 12 февраля 1877 г. губернское по крестьянским делам присутствие сообщает, что утвержденная им 18 января 1877 г. владенная запись на землю крестьян сел Покровского и Семивражки, Наровчатского уезда, поступивших в казну от мелкопоместной владелицы Вышеславцевой, выслана для хранения в архив губернского правления.

На отношении, сообщающем об этом 21 февраля 1877 г., была поставлена резолюция губернского правления о передаче присланной владенной записи архивариусу правления для хранения в архиве.

А уже 22 февраля 1877 г. помощник архивариуса сообщал, что владенная запись, присланная на хранение в архив губернского правления, им получена³⁴.

23 февраля 1877 г. губернское присутствие сообщало, что выслало в губернское правление владенную запись на землю, предоставленную исключенным из службы семействам бывшей постоянной лесной стражи Никиты Бурыкина, Егора Барышева, Фрола Рябухина и Петра Щербакова для хранения в архив.

Служебные пометки, поставленные на отношении сопровождающем присланную владенную запись, свидетельствуют о том, что 28 февраля 1877 г. губернское правление передает ее на хранение в свой архив, а 1 марта 1877 г. она получена помощником архивариуса³⁵.

Кроме того, в 70-е гг., когда шел процесс отвода бывшим государственным крестьянам леса, а затем и в 80-е гг., когда крестьян переводили на выкуп, управление государственных имуществ, в связи с этим, постоянно запрашивало

губернское правление выслать для различных целей владенные записи: для выдачи крестьянам с них копий, снятия справок и т.д.

Например, 17 февраля 1877 г. управление государственных имуществ просит губернское правление о высылке на некоторое время владенных записей, по земельному наделу крестьянских обществ сел: Покровского, Никольского, Мокрого Мичкаса, Муромки, деревни Муравн, Слободы Стрелецкой и села Студенки, Нижнеломовского уезда³⁶.

Подобная просьба содержится в отношении управления государственных имуществ от 1 марта 1877 г., когда ему понадобилась владенная запись на земельный надел села и полусела Богородского Николо Китской волости, Керенского уезда³⁷.

При этом всякий раз управление государственных имуществ заверяет губернское правление в том, что владенные записи "по миновании в них надобности" будут возвращены.

Служебные пометки и резолюции на отношениях свидетельствуют о движении документов, владенных записей, из архива губернского правления для пересылки по назначению.

Впоследствии хранение документов оказалось не соответствующим указаниям законодательства.

Это обстоятельство является одним из препятствий в ходе целенаправленного поиска источников по истории реформы 1866 г., ибо вопрос: "Где искать?" неизбежно встает снова.

В то же время общеизвестно, что массовые источники в ходе исторического развития могли быть использованы для сравнения при проведении последующих обследований, переписей и т.д. Поэтому при хранении они могут оказаться среди других документов.

Преодолеть эту трудность возможно только в процессе дальнейшего источниковедческого поиска: дополнительного анализа законодательства, кропотливого изучения имеющейся краеведческой литературы, тщательной, трудоемкой работы в архивах.

Что же может натолкнуть исследования на мысль о передвижении владенных записей в губернскую чертежную?

Одной из таких подсказок является наличие в их содержании монографических данных, а также сопутствующих чертежей земельных дач "с обозначением границ пользования каждого селения по хозяйственной съемке".

Подобную этой наталкивающую мысль находим в краеведческой литературе.

Дело в том, что в 1909-1911 гг. оценочным отделением пензенской губернской земской управы было произведено исследование губернии, на основании которого в 1912-1913 гг. составлены различные карты: карта владений, карта современных угодий с сеткой границ волостей и владений, карта дач генерального и специального межевания, карта почв с нанесением на нее всех 87 почвенных видов, а также комбинированная карта современных владений, угодий и почв.

В объяснении к карте и картограмме владений среди прочих многочисленных документов, которыми были снабжены сотрудики, производящие исследования губернии, в числе первых называются владенные записи³⁸. Они были необходимы в связи с тем, что на картах обозначались и земли бывших государственных крестьян. Это объяснение к карте и картограмме владений помогает понять причину передвижения владенных записей: для решения новых задач - создания названных карт, владенные записи вместе с сопутствующими им документами были переданы в распоряжение губернской чертежной, в фонде которой и остались на хранении³⁹.

Это один из возможных вариантов, объясняющих изменение порядка хранения документов.

В таком случае изменение архивной судьбы владенных записей могло наступить именно из-за наличия в их содержании топографических и картографических данных.

По этой же причине владенные записи могли быть переданы в распоряжение губернской чертежной еще раньше, в 90-е гг. XIX в. в связи с прокладкой по территории Пензенской губернии железных дорог.

Поскольку их полотно проходило и по наделным землям

бывших государственных крестьян, то отошедшая под него общинная земля навсегда исключалась из крестьянского хозяйства, а факты ее продажи фиксировались во владенных записях.

Например, во владенную запись села Николаевки Конгуровской волости Саранского уезда внесены сведения о том, что по купчей крепости, утвержденной 28 сентября 1898 г. крестьянами деревни Николаевки Московско-Казанской железной дороге продано 50 дес. 1310 кв. саж. общинной земли. Эти сведения удостоверены подписью старшего нотариуса и печатью пензенского нотариального архива⁴⁰. А из площади общинной земли села старых Турдак (Рождественское) той же волости Саранского уезда в пользу Московско-Казанской железной дороги земли перешло еще больше: 92 дес. 738 саж.⁴¹

Факты вынужденной продажи земли, таким образом, фиксировались во владенных записях, что также может объяснить изменение порядка хранения документов.

В процессе прокладки по губернии железных дорог владенные записи были изъяты из архива губернского правления и переданы в губернскую чертежную для внесения в их содержание соответствующих изменений. Однако эти сведения никак не могут помочь историку-исследователю в ходе поиска, ибо становятся известными ему уже после того, как будут обнаружены владенные записи.

Вместе с владенными записями сохранились многочисленные сопутствующие документы и материалы: таблицы подробного и общего вычисления угодий, а также статистические описания, которые создавались в результате специального межевания; описания и исчисления площадей лесных наделов, приговоры и расписки сельских сходов, в связи с отводом крестьянам лесных дач, акты и протоколы об отводе крестьянам леса и т.д.

Все документы, вместе взятые, представляют собой большой комплекс источников по истории подготовки и реализации аграрной реформы 1866 г.

Следующим препятствием, осложняющим источниковедческий поиск, является разрозненность некогда упорядоченных комплексов массовых данных, что также является типичным для

судьбы массовых исторических источников⁴².

Некоторые сопутствующие владенным записям документы в реальной практике оказались разрозненными с единым ранее комплексом. Это хозяйственные описания крестьянских общин, оценочные таблицы с исчислением оброчной подати, то есть те документы, на основании которых составлялись владенные записи, а также акты и протоколы мировых посредников, которые составлялись в момент поверки владенных записей, а вернее, их проектов⁴³.

Это препятствие, на наш взгляд, является наиболее труднопреодолимым, ибо отдельное от владенных записей хранение сопутствующих документов затрудняет определение их назначения. Находясь в едином комплексе с владенными записями, определение их назначения не вызвало бы сомнений, в противном случае требуется дополнительный источниковедческий анализ.

Бесспорным доказательством того, что эти документы самым непосредственным образом связаны с делом реализации аграрной реформы 1866 г., является следующее.

Сравнение со списками населенных мест Российской империи показывает, что хозяйственные описания, оценочные таблицы, а также акты и протоколы мировых посредников составлены только на селения государственных крестьян.

Все три разновидности документов объединяют общие данные: названия населенных пунктов, на которые они составлены, площадь (в десятинах) земельной дачи и размер (в рублях) оброчной подати. Эти данные, повторяясь, переходят из одного документа в другой, объединяя их и объясняя их принадлежность и назначение.

Оценочные таблицы являются как бы логическим продолжением и заключением хозяйственных описаний. В хозяйственных описаниях фиксируются земельные угодья, а в оценочных таблицах — оброчная плата за них, то есть все основные показатели, которые переносили из них во владенные записи. Эти же данные повторяются и во владенных записях.

Наличие среди этих документов актов и протоколов мировых посредников, которые по закону составлялись в процессе

поверки крестьянами владенных записей, также объясняют принадлежность и назначение всего комплекса документов.

Поверочные акты и протоколы мировых посредников, как сопутствующие документы, должны находиться в одном комплексе с проектами владенных записей. В данном случае объединение их с хозяйственными описаниями и оценочными таблицами, свидетельствует о том, что это и есть проекты владенных записей.

Акты и протоколы мировых посредников датированы. Кроме того, они сообщают о том, что составлены в соответствии с инструкцией 31 марта 1867 г. Однако эти документы не могут в ходе поиска оказать помощь исследователю, ибо находятся внутри "дел" и никак не отражены в описях.

Все названные выше разновидности документов подписаны одними и теми же чиновниками министерства государственных имуществ. Их подписи стоят также и на владенных записях. Сделанные красными чернилами исправления и примечания производителей работ по составлению владенных записей также исключают определение назначения выявленных документов.

Например, в оценочной таблице, составленной на общину села Рождественского (Варшика) Мочалейской волости Нижнеломовского уезда Пензенской губернии – показатели, касающиеся пашни II разряда и общего количества земельных угодий исправлены, в связи с чем сделано примечание: "Исправление числовых выводов последовало на основании исправления межевых работ, о чем помощник в присланной исправленной черновой оценочной таблице. Июля, 20 дня, 1868 года. Производитель работ Маласевич"⁴⁴.

В этом документе названы фамилии чиновников, занятых подготовкой владенных записей.

Удостоверяя исправление оброчной подати на документах общины трех селений: Кочетовки, Ясеневки и Кочалейки Кевдомельситовской волости Нижнеломовского уезда – чиновник оставил о себе еще более подробные данные: "Производитель работ по составлению владенных записей, надворный советник Маласевич"⁴⁵.

Документы датированы. Хозяйственные описания и оценочные таблицы составлены в 1867 г., акты и протоколы мировых посредников в 1868 г.

Как известно по закону это время отводилось на составление и выдачу крестьянам Пензенской губернии владенных записей.

Все перечисленное позволяет сделать вывод о том, что названные документы являются именно теми оценочными и раскладочными документами, на основании которых, по предписанию законодательства, составлялись владенные записи.

Наш вывод подтверждает сравнение хозяйственных описаний и оценочных таблиц Пензенской губернии с подобными документами Саратовской губернии⁴⁶.

Документы двух губерний идентичны, то есть составлены по одному формуляру. Кроме того, на документах Саратовской губернии в конце каждой разновидности производителя работ по составлению владенных записей обязательно делали примечания: "На основании сей таблицы составлена владенная запись".

Эти примечания не только подтверждают наш вывод. Еще большее значение они имеют для самих же саратовских документов, ибо последние, в отличие от пензенских, не датированы, а датированные акты и протоколы мировых посредников, в данном комплексе отсутствуют. То есть сопутствующие владенным записям документы оказались при хранении разрозненными иначе.

Источники по истории реализации реформы 1866 г. в Пензенской губернии оказались в двух разных фондах, но, на наш взгляд, первоначально они представляли собой единый комплекс, который впоследствии был разъединен, что и затрудняет поиск сопутствующих документов.

Доказательством того, что все обнаруженные документы составляли ранее единый комплекс, служат следующие факты и размышления.

Среди владенных записей нет ни одной исправленной, в то время как среди оценочных таблиц встречаются исправленные экземпляры.

Сравнение исправленных оценочных таблиц с составленными на их основе владенными записями показывает, что во владенную запись переносили уже исправленные данные о земле и оброчной подати.

Значит в момент поверки крестьянам предъявлялись хозяйственные описания и оценочные таблицы, которые находились у чиновников министерства государственных имуществ, осуществлявших эту процедуру.

Однако в актах и протоколах мировых посредников, которые рождались в момент поверки крестьянами проектов владенных записей есть и новые данные, отсутствующие в хозяйственных описаниях и оценочных таблицах — это сведения о площади неудобной земли в общине.

Изучение источников показало, что новые сведения содержатся в документах специального межевания начала 60-х гг.: таблицах общего и подробного вычисления угодий, а также статистических описаниях, на основании которых составлены хозяйственные описания крестьянских общин.

Все эти документы в период подготовки владенных записей тоже находились у чиновников министерства государственных имуществ, а значит в едином комплексе с перечисленными выше материалами.

В реальной практике они оказались объединенными с владенными записями.

Вывод о том, что все названные документы находились ранее в едином комплексе, подтверждают и другие архивные материалы.

Так, в распорядительно-исполнительной переписке между пензенским губернским управлением государственными имуществами и губернским правлением сохранились сведения от 19 марта 1877 г. о том, что пензенское управление на основании утвержденного 3 мая 1871 г. мнения Государственного Совета "приготовилось сдать в архив губернского правления оценочные документы, касающиеся земель, вошедших в выданные бывшим государственным крестьянам в 1869 г. владенные записи и в 1874-1876 годах дополнительные владенные записи"⁴⁷.

В данном отношении называются документы, которые впоследствии оказались разрозненными.

Эту мысль подтверждает следующее обстоятельство: хозяйственные описания и оценочные таблицы Пензенской губернии, несмотря на то, что составлены в 1867 г., в действительности при хранении оказались среди документов первой половины XX в.

На эту трудность необходимо обратить особое внимание, ибо исследователи, как правило, осуществляют поиск источников среди документов определенного хронологического периода. Для массовых источников, как видим, это правило оказывается не всегда целесообразным.

Причем определить назначение сопутствующих документов гораздо труднее, если исследователь обнаружит их раньше владенных записей.

Таким образом, работа с источниками практически начинается с того, что исследователь должен прежде всего их отыскать.

Наши наблюдения по вопросу о целенаправленном поиске массовых исторических источников по истории реформы 1866 г. показывают не только значение законодательства в ходе такого поиска, но и неизбежные трудности, которые могут встретиться в архивах.

Каково же состояние и степень сохранности найденных источников?

Владенная запись представляет собой документ, написанный на одном листе плотной бумаги, согнутом посередине. Внешние размеры получившейся таким образом "тетради": 355 x 225 мм.

На первой, лицевой странице крупным планом помещено изображение двуглавого орла под большой короной — герба Российской империи, утвержденного при императоре Александре II. Под гербом крупным готическим шрифтом напечатано название документа: "Владенная запись". Изображение герба, вместе с заголовком занимает примерно 1/3 части первой страницы.

Выдержан единый принцип расположения текста документа. Он начинается уже с первой, лицевой страницы. Половина четвертой страницы оставалась пустой для последующих примечаний. Здесь впоследствии помещали сведения о выкупной сумме с крестьянской общины, исчисленной на основании закона 12 июня 1886 г.

Обозначенные римскими цифрами разделы формуляра и выполнение его пунктов по каждой владенной записи сделано от руки четким писарским почерком.

Все сопутствующие документы повторяют указанный формат листов владенной записи.

Графы всех таблиц: оценочных, общего и подробного вычисления угодий — напечатаны типографским шрифтом. Заполнение граф таблиц по каждой конкретной общине выполнялось от руки.

То же самое относится к внешнему описанию оценочных документов и документов хозяйственной съемки: римские цифры разделов, заголовки, клаузулы, запланированные в тексте таблицы, напечатаны типографским шрифтом разного размера, в зависимости от того — заголовков это, подзаголовков или примечания. Текст документов по каждой конкретной общине написан также от руки.

Акты и протоколы мировых посредников, подобно таблицам и хозяйственным описаниям, имеют напечатанную типографским шрифтом только одинаковую для всех общин вводную часть. Содержание заявлений и возражений крестьян вписывалось от руки. Расписки крестьян в том, что им известны границы лесных дач, целиком написаны от руки, без каких-либо типографских строк.

Таблицы общего вычисления угодий, оценочные таблицы, акты и протоколы мировых посредников, приговоры и расписки крестьян составлены в виде отдельных листов, а таблицы подробного вычисления угодий и хозяйственные описания в виде объемных тетрадей.

Почти все документы, за исключением некоторых отчетов с описанием количества и качества лесных угодий, хорошо читаемы. Затруднения при чтении документов возникают лишь

при разборе подписей чиновников министерства государственных имуществ: производителей работ, счетных чиновников, заведующих отрядами, а также подписей крестьян, уполномоченных от сельских сходов и "сторонних добросовестных".

Владенные записи, хозяйственные описания и оценочные таблицы сохранились в подлинниках - они скреплены подписями должностных лиц - старшего чиновника П. Ломана, производителей работ, счетных чиновников, которые на всех разновидностях документов, во всех случаях полностью совпадают.

На владенных записях имеются оттиски прикладных печатей: пензенского губернского управления государственных имуществ - копченая, с изображением на щите трех слонов, герба Пензенской губернии, печать пензенского губернского по крестьянским делам присутствия имеет оттиск из цветной мастики темно-зеленого цвета с изображением двуглавого орла.

Акты и протоколы мировых посредников тоже подлинны. Они подписаны крестьянами и скреплены печатями должностных лиц - сельских старост и волостных старшин, которым по закону разрешалось прикладывать их в случае безграмотности. Печати копченые с надписями о принадлежности. Сохранность копченых печатей хорошая. Надписи о принадлежности легко читаемы. На документах имеются еще подписи мировых посредников и старшего чиновника по составлению владенных записей.

В подлинниках сохранились многие другие сопутствующие владенным записям документы: ведомости на передачу в казенное ведомство крестьян мелкопоместных владельцев, крестьянские расписки, подтверждающие знакомство их с границами отводимых общине лесных наделов, акты и протоколы, регистрирующие факты отвода крестьянам лесных участков, отчеты старших таксаторов и лесных чиновников о количестве лесных дач, отводимых крестьянам, и доходности их и т.д.

Исключение составляют лишь таблицы подробного и общего вычисления угодий, а также статистические описания, на основании которых составлялись проекты владенных записей. Они сохранились в копиях. Копии выверены с подлинниками. На документах имеются примечания о том, кто из межевщиков

составлял их и кто из чиновников поверял с подлинниками. Названные документы подписаны начальниками съёмочных партий.

Каждая владенная запись вместе с сопутствующими документами представляет собой архивную единицу хранения или "дело", под которым и значится в архивных описях. Однако такой порядок не всегда выдерживался. В практике встречается и такое положение, когда владенная запись и сопутствующие документы находятся в разных делах, в одном деле сшиты две владенные записи или сшиты в одном деле и объединенные общей нумерацией документы имеют разные единицы хранения.

Сохранность владенных записей хорошая. В фонде пензенской губернской чертежной они сохранились по всем уездам губернии.

Дошедшие до нас в фонде пензенской палаты государственных имуществ хозяйственные описания и оценочные таблицы составлены также по всем десяти уездам губернии. В них зафиксировано 200590 ревизских душ, что составляет 88,12% по всему количеству ревизских душ (229105)⁴⁸, получивших к концу 1868 г. владенные записи.

Таковы наши наблюдения о характере источников по истории реформы 1866 г. в государственной деревне и приемах их поиска.

-
- 1 Яковлева В.П. К вопросу об аграрной реформе 1866 года в Марийском крае (по материалам Моркинской, Себе-Усадской и Шиньшинской волостей Царевкокшайского уезда Казанской губернии // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980; Височков Л.В. Массовые первичные источники по истории государственных крестьян 40-60-х годов XIX в. // Вестник ЛГУ. 1981. № 20. Выпуск 4; Каревская А.Г. Источники и литература по истории государственных крестьян Самарской губернии II половины XIX в. // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С.130-135; Востокова Н.П. Владенные записи как исторический источник. (Итоги и задачи изучения) // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С.135-139.
- 2 Востокова Н.П. Источники по истории реформы 1866 года в государственной деревне // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С.162-188.

- 3 ПСЗ-П. Т.41. № 43888. § 2.
- 4 ПСЗ-П. Т.41. № 44418.
- 5 ПСЗ-П. Т.42. Приложение к № 44418.
- 6 ПСЗ-П. Т.41. № 44418. § 1.
- 7 ПСЗ-П. Т.41. № 44418. № 8.
- 8 ПСЗ-П. Т.42. Приложение к № 44418.
- 9 Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С.7.
- 10 ПСЗ-П. Т.41. № 43888. № 8.
- 11 Там же.
- 12 ПСЗ-П. Т.42. № 44418. № 36.
- 13 Там же. § 16.
- 14 Там же. § 13.
- 15 Там же. § 9.
- 16 Там же. § 32.
- 17 Там же. § 7.
- 18 Там же. § 23.
- 19 Там же. § 25.
- 20 Там же. § 24.
- 21 Там же.
- 22 Там же. § 37.
- 23 Анфимов А.М. Преобразование оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С.34.
- 24 Центральный Государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР). Ф.1181. Оп.1. Т.ХУ. Д.21. 1868 г. Л.427 об.
- 25 Там же, Д.22. 1869 г. Л.200.
- 26 Там же. Л.208 об.
- 27 Там же. Д.76. 1867 г. Л.4-40.
- 28 Там же.
- 29 ПСЗ-П. Т.42. № 44418. § 5.
- 30 Там же. § 34.
- 31 Там же. § 6-19.
- 32 Там же. § 20-33.
- 33 Там же. § 34-35.
- 34 Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.6. Оп.1. Д.5085. Л.1-2. (Губернское правление).
- 35 Там же. Л-3-4.

- 36 Там же. Л.5.
- 37 Там же. Л.9.
- 38 Объяснения к карте и картограмме владений Пензенской губернии. Пензенское губернское земство. Оценочное от-деление. Пенза, 1913. С.3.
- 39 ГАПО. Ф.225. (Пензенская губернская чертежная). Оп.4. Д.2747-2815; Оп.5. Д.3022-3126; Оп.6. Д.2169-2262; Оп.7. Д.3188-2423; Оп.12. Д.2238-2302; Оп.13. Д.1846-1955.
- 40 ГАПО. Ф.225. Оп.12. Д.2301. Л.1.
- 41 Там же. Д.2387. Л.1.
- 42 Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С.6.
- 43 ГАПО. Ф.8. Оп.1. Д.373-382, 424-429. (Пензенская палата государственных имуществ).
- 44 Там же. Д.379. Л.77.
- 45 Там же. Л.41 об.
- 46 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.28. Оп.2. Д.8585-8661.
- 47 ГАПО. Ф.6. Оп.1. Д.5085. Л.12.
- 48 ЦГА СССР. Ф.1181. Оп.1. Т.ХУ. Д.76. Л.40.

РОСТОВСКИЕ ХРОНОГРАФЫ И ХРОНОГРАФ СПАССКОГО
МОНАСТЫРЯ В СОСТАВЕ БИБЛИОТЕКИ ЯРОСЛАВСКОГО
АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА

Интерес современных историков и филологов к судьбе Хронографов, которые в конце ХУШ в. хранились в Ростовском архиерейском доме (далее — РАД) и Спасо-Ярославском монастыре, был связан с поисками следов рукописи со "Словом о полку Игореве". Литература, посвященная разбору обстоятельств приобретения А.И.Мусиным-Пушкиным сборника со "Словом", насчитывает в настоящее время сотни названий, где различным образом трактуется история поступления древнерусской поэмы в коллекцию графа¹. Напомним, что еще при жизни Мусина-Пушкина в научных кругах возникла мысль о необходимости изучения вопроса о происхождении погибшей рукописи. К.Ф.Калайдович, который в 1813 г. обратился к графу с просьбой о разъяснении обстоятельств открытия "Слова", получил следующий ответ: "До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, из коих под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено "Слово о полку Игореве"².

В настоящее время все точки зрения на это показание А.И.Мусина-Пушкина можно свести к двум. По одной версии, назовем ее "ростовской", признается возможным наличие сборника со "Словом" в одном из Хронографов упраздненного РАД. Другая версия, "ярославская", связывает открытие древней поэмы с библиотекой бывшего Спасского монастыря или его последнего настоятеля Иоила Быковского.

В данной статье рассмотрена аргументация сторонников "ростовской" и "ярославской" гипотезы происхождения "Слова о полку Игореве" в свете вновь открытых архивных доку-

ментов, материалов описей РАД, Спасского монастыря и Ярославского архиерейского дома (далее - ЯАД), а также истории конкретных сохранившихся до наших дней рукописей из спасского книгохранилища и ростовской владычной библиотеки.

Обратимся вначале к анализу известий о судьбе ростовских Хронографов.

Впервые Хронографы упоминаются в Переписной книге ростовского митрополитского дома 1691 г.³ Они были названы среди книг, хранившихся в верхней кладовой палате "в бол(ь)шой коробе", и записаны вместе с еще двумя рукописями исторического содержания в I^о. Так, в описи 1691 г. значится: "Книги же в десть пис(ь)менные Летописец Московского государства, книга Степенная российюких государей, три книги хронографы в десть". В следующих по времени описях РАД - 1743, 1765 и 1790 гг. - "хронографами" названы все пять рукописей, проходивших в описи 1691 г. под разными названиями⁴, и добавлена еще одна рукопись - Хронограф, который поступил в библиотеку между 1691 и 1743 гг. Таким образом, в XVIII в. в РАД среди "книг письменных в десть" хранилось "хронографов шесть"⁵. Последний документ, в котором фигурирует то же количество "хронографов", - опись имущества РАД, перевезенного в январе 1790 г. в Ярославль⁶. На полях этой описи имеются ревизионные приписки, датированные временем перемещения ростовской владычной библиотеки в ЯАД в 1807 г. В этом отношении особый интерес представляет запись, сделанная напротив "хронографов шесть", она гласит: "1800 годе одного не явилось, на лицо - два", - и далее по подчищенному: "три отданы по приказанию покойного преосвященного синодальному обер-прокурору, его превосходительству Мусину-Пушкину, а одного не явилось"⁷. Таким образом, в составе бывшей ростовской библиотеки после 1800 г. оставался только один "хронограф": Степенная книга и три Хронографа были "препровождены" А.И. Мусину-Пушкину, а шестая рукопись из этой подборки бесследно исчезла. Итог "пропажа" был подведен в описи имущества ЯАД 1811 г. В ней в разделе "Книги письменные в десть, значившиеся по бывшей ростовской описи", под № 1162-м было записано "хронографов один"⁸.

Какая же из обозначенных в документах РАД шести рукописей исторического содержания продолжала храниться в ЯАД?

В 1962 г. Л.А.Дмитриев разыскал в архиве ГАЯО и опубликовал дело о высылке А.И.Мусину-Пушкину четырех рукописей из бывшего книгохранилища РАД⁹. О.В.Творогов на основании "Реестра", приложенного к делу¹⁰, установил, что из Ростова в ЯАД были привезены: Степенная книга, два Хронографа Дорофея Монеувасийского, Хронограф редакции 1512 г., выборка из Хронографа и Хронограф редакции 1617 г.¹¹ Из них три Хронографа и Степенная книга были отправлены в 1792 г. А.И.Мусину-Пушкину для представления "к личному рассмотрению". В ЯАД, следовательно, должны были оставаться два Хронографа: скорописный Дорофея Монеувасийского, согласно "Реестру", на 749 листах, и выборка из Хронографа на 432 листах. Как уже отмечалось, одна из этих рукописей "не явилась" после 1800 г., вторая же сохранилась до настоящего времени - это Хронограф Дорофея Монеувасийского, ЯМЗ-14930, написанный скорописью двух почерков, на 738 листах¹². По своим кодикологическим данным рукопись ЯМЗ-14930 может быть отнесена к продукции ростовского митрополичьего скриптория начала XVIII в.¹³ Очевидно, она представляет собой список с такого же Хронографа, переданного из РАД Мусину-Пушкину. Можно также предположить, что ЯМЗ-14930 и есть тот шестой "хронограф", который появился в описях РАД между 1691-1743 гг.¹⁴

"Ростовская" версия происхождения "Слова о полку Игореве" основана на том факте, что одна из переданных А.И.Мусину-Пушкину рукописей РАД представляла собой Хронограф редакции 1617 г. Напомним, что сборник со "Словом" открывался именно этим произведением. Однако вряд ли стоит связывать находку древнерусской поэмы XII в. с хранилищем РАД. Дело в том, что ростовские исторические рукописи неоднократно были предметом самого "наипрележнейшего рассмотрения со стороны духовных людей", однако "Слово о полку Игореве" обнаружено в них не было.

Так, еще до А.И.Мусина-Пушкина "хронографами" РАД интересовался архиепископ Афанасий Вольховский¹⁵. В 1776 г.

по его приказанию "февраля 3-его числа ... (было - Е.С.) внесено в кальи его преосвященства российских гранографов письменных шесть"¹⁶. Об этом факте говорят специальный "Экстракт о расходе", составленный в 1766 г. в связи со сменой экономов, и запись в описи 1765 г., на полях которой напротив "гранографов шесть" значится: "Оные взяты вверх в бытность прежняго эконома"¹⁷. Позднее, в 1772 г., Афанасий Вольховский еще раз обратился к изучению этих рукописей в связи с запросом, присланным ему из Вольного российского собрания при Московском университете. Архиепископу предлагалось "сыскать и доставить" в общество "принадлежащие до российской истории рукописные летописи и другие записки"¹⁸. Отсылая в Москву Степенную книгу¹⁹, Афанасий извещал правление Вольного российского собрания, что "ничего примечания достойного" в других книгах, "имеющихся в моем доме ... не нашел"²⁰.

Следующий по времени просмотр "гранографов" состоялся в 1778 г. под наблюдением архиепископа Самуила Миславского. Он был произведен по требованию Синода, занимавшегося подбором исторических сочинений для издания русских летописей, задуманного митрополитом Платоном²¹. Позднее, в 1791 г., те же рукописи были вторично рассмотрены по распоряжению архиепископа Арсения Верещагина в связи с известным указом Екатерины II и Синода о разыскании древних "летописцев, повестей, или подобных тому, относящихся до российской истории сочинений"²². В результате названных "наипрележнейших" просмотров пяти Хронографов и Степенной книги из хранилища РАД "духовные ученые люди" пришли к заключению, что "во оных ничего относящегося к российской истории, что бы не было напечатано и вновь из них к изданию подходило, не найдено", о чем и было объявлено в Синод специальными "Репортами" 1779 и 1791 гг.²³ К последнему документу был приложен "Реестр" исторических рукописей РАД. Из подробной описи явствовало, что ни один из пяти Хронографов не содержал ни "Слова о полку Игореве", ни другие входившие в состав мусин-пушкинского сборника произведения²⁴. Более того, с части Хронографа редакции 1617 г., "ростовским надписан-

ного", из собрания А.И.Мусина-Пушкина, о котором О.В.Творогов осторожно высказался, что это мог быть "исконный сборник ... со "Словом о полку Игореве"²⁵, в 1811 г. по распоряжению Ярославского архиепископа Антония Знаменского было сделано четыре копии²⁶. Каждую такую копию Антоний, как истинный библиофил, сопровождал собственноручной записью о содержании оригинала. Приведем ее полностью: "Ето есть список с той части Летописца (имеющегося у графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, на корню переплета, как видно, новаго кожанаго, ростовским надписаннаго, который писан старинным нехорошим и, как кажется, не очень давно, почерком; начат Шестодневом библейским, продолжался по 4-м монархиям, где в греческой истории сказано и о переменах султанов турецких), в которой началось повествование о России. Подобный сему список зделан и для ярославской семинарской библиотеки. Марта 8 дня 1811 г. Антоний архиепископ Ярославский и Ростовский". Позднее была сделана еще одна приписка: "Подлинник у графа с прочию библиотекою погиб в сентябре 1812 во время нашествия неприятелей, как он мне сказывал"²⁷.

Итак, ни в "Реестре" 1791 г., ни в заметках Антония Знаменского указаний на то, что Хронограф редакции 1617 г. из собрания РАД содержит помимо своего основного текста еще какие-либо литературные произведения, нет. Добавим, что если сопоставить время поступления поэмы к А.И.Мусину-Пушкину, а это событие произошло, по мнению В.А.Кучкина, после лета 1789 до июля 1791 г.²⁸, а по наблюдениям В.П.Козлова, в 1788-1790 гг.²⁹, с датой отправки ростовских рукописей - не ранее декабря 1791 г.³⁰, - то станет очевидной несостоятельность так называемой "ростовской" версии происхождения "Слова о полку Игореве".

Обратимся теперь к разбору второй гипотезы, "ярославской", которая связывает открытие поэмы с библиотекой Спасского монастыря. Эта версия первоначально была высказана в статьях Е.М.Каравановой³¹ и А.В.Соловьева³², а наиболее развернутое ее обоснование содержится в монографии Г.Н.Моисеевой³³. Рассмотрим аргументы этих исследователей и

прокомментируем их, опираясь на вновь открытые архивные и рукописные материалы.

"Ярославская" гипотеза основана, главным образом, на интерпретации приписок в описях Спасского монастыря 1787 и 1788 гг., которые касаются исключения из монастырской книгохранилища четырех рукописных книг, а среди них — "Хронографа в десть". Впервые эти сведения были введены в научный оборот Е.М.Каравасовой, изучавшей документы Спасского монастыря для проведения в нем реставрационных работ. В 1960 г. она опубликовала статью "Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г.", где сообщила свои наблюдения по поводу уничтожения "за ветхостью и согнитием" ряда рукописей. Е.М.Каравасова отметила и карандашную приписку "Иподьякон Соколов" с четырьмя вопроительными знаками и "МВ" рядом с известием об уничтожении Хронографа. Она высказала предположение, что Соколов интересовался именно Хронографом, зная, что "Слово о полку Игореве" входило в его состав. Г.Н.Моисеева связывает лицо, оставившее приписки на полях описи 1788 г., с секретарем ЯАД, иподьяконом Спасо-Преображенского собора Яковом Соколовым, который упоминается в документах конца XVIII в.³⁴ Однако наблюдения над библиотечными описями ЯАД не подтверждают этого вывода Г.Н.Моисеевой. То обстоятельство, что Соколов оставил на документе только свою подпись, безусловно, затруднило отнесение по палеографическим признакам столь краткой записи к XVIII, или следующим XIX и XX столетиям. Однако загадочный иподьякон Соколов оставил еще одну приписку, касающуюся рукописных книг из архиерейской книжницы: она сделана на полях библиотечной описи 1819 г. напротив № 740 и сообщает следующее: "№ 166 Ипод.Соколов"³⁵. Рукопись, Патерик авбучный и скитский начала XVIII в., указанная под номером 740 в описи 1819 г., сохранилась³⁶ и в описи рукописных книг ЯАД, составленной в 1912 г., значится под номером 166³⁷. Следовательно, Соколов был знаком с этой описью начала XIX в. Более того, подпись иподьякона Соколова, оставленная им в описи 1788 г., идентична подписи иподьякона Ярославского кафедрального собора Василия Соколова, который

являлся в 1912 г. членом комиссии, подготовившей "Главную церковную и ризничную опись ЯАД"³⁸. Вполне объяснимы и заметки, оставленные этим человеком в описи 1788 г., поскольку именно Соколов должен был по указу Синода № 1578 в ноябре 1903 г. отправить этот документ из ризницы ЯАД в Московскую Патриаршую библиотеку³⁹. Таким образом, документальные овидетельства из архива ЯАД противоречат положению, выдвинутому Г.Н.Моисеевой.

Вернемся к анализу наблюдений Е.М.Каравановой над описью 1788 г. Она установила, что после 1788 г. из монастырской библиотеки были изъяты и уничтожены "за ветхостью и согнитием" четыре рукописи: "249. Часослов на баргамине" (в 1^о), "274. Псалтырь на баргамине" (в 4^о), "280. Аввы Дорофея" (в 4^о) и "286. Хронограф в десть". Благодаря рассуждениям Г.Н.Моисеевой стало известно, что в предыдущей описи 1787 г. напротив тех же книг было проставлено, а затем выскоблено, слово "отдан"⁴⁰. Таким образом, Е.М.Караванова, а вслед за ней и Г.Н.Моисеева, высказали гипотезу о том, что уничтожение названных рукописей было фиктивным. Как считают Г.Н.Моисеева⁴¹ и В.П.Козлов⁴², эти книги о санкции архиепископа Арсения Вередагина поступили в собрание А.И.Музина-Пушкина. Однако "уничтожение" или "отданные" рукописи со временем вновь оказались в Ярославле.

Так, в описи имущества ЯАД 1811 г. под № 1229 был обозначен "Часослов, писан на паргамене" (в 1^о)⁴³. Эта рукопись сохранилась⁴⁴ и имеет на полях первого листа номера, соответствующие тем, под которыми она значилась в описях 1787 и 1788 гг.⁴⁵ "Объявилась" и "Псалтырь на паргамене" (в 4^о), в описи 1811 г. она не записана, но в следующем библиотечном каталоге ЯАД 1819 г. она появилась⁴⁶. На начальных листах этого кодекса имеется традиционная запись рубежа ХУП-ХУШ вв. о принадлежности ее Спасо-Ярославскому монастырю и инвентарные номера, под которыми "Псалтырь на баргамине" фигурировала в описях 1787 и 1788 гг.⁴⁷ Что касается третьей рукописи, поучений аввы Дорофея, то она так и не объявилась в архиерейской библиотеке⁴⁸.

Последняя рукопись из числа "уничтоженных", — знаменитый "Хронограф в десть", — также был возвращен в книгохранилищу ЯАД. Он был вписан между номерами 1214 и 1215 в описи имущества ЯАД 1811 г.⁴⁹ Эта рукопись очастливо сохранилась до наших дней в собрании Ярославского музея-заповедника⁵⁰ и на л. I имеет номера, которые совпадают с теми, под которыми проходил в описях 1787 и 1788 гг. Спасо-Ярославский Хронограф⁵¹. По своему содержанию эта рукопись, ЯМЗ-15443, представляет собой сборник, в котором, сначала до л. II9 об., помещен фрагмент Патриаршего летописного свода 70-х гг. ХУП в., доведенный до II91 г., затем, с л. 120 до конца идут выписки из Степенной книги. Очевидно, рукопись была записана в описях как "Хронограф" ошибочно, по неведению, поскольку такое название значилось на ее корешке. По наблюдениям Б.М. Кюсса, данный кодекс был составлен во второй половине 70-х гг. ХУП в. в патриаршем скриптории⁵².

Итак, три рукописи бывшего Спасского монастыря, помеченные в описи 1787 г. как "отданные", а в описи 1788 г. как "уничтоженные", к началу XIX в. возвратились в библиотеку ЯАД в том виде, в каком они были оттуда изъяты. Вопрос о том — кому, когда и на каких условиях эти рукописи передавались, остается открытым, ибо пока не отыскано прямых свидетельств, которые называли бы конкретных лиц, причастных к миграции рукописей ЯАД в конце ХУШ в. С определенной долей уверенности можно утверждать лишь то, что последний настоятель Спасской обители Иоиль Быковский не был причастен к исчезновению казенного "Хронографа в десть". Это вытекает из того факта, что в 1791 г., когда были подписаны документы о совместном хранении имущества упраздненных пять лет назад РАД и Спасского монастыря⁵³, Иоиль Быковский получил официальное "свидетельство ... в том, что находившийся в его ведении Спасо-Ярославский монастырь со всем движимым имением и зданием онаго, также ризница и прочее все значущееся по описям от него ... приняты ... и начету никакого на нем, архимандрите, а равно и ко взысканию с него ничего не открылось"⁵⁴. Позднее, в 1796 г. еще при

жизни Иосия, было произведено освидетельствование имущества ЯАД. В "Репорте", представленном архиепископу Арсению Верещагину, эконому и казначей ЯАД объявили, что "все хранится по описям в целости ... и никаким казенным вещам также церковной утвари и ризничным вещам же утраты и хищения не было"⁵⁵. Зато после смерти в 1799 г. самого архиепископа Арсения, известного своей расточительностью за счет архиерейской казны, его имущество было опечатано, а новый архиепископ ярославский Павел предписал "до учинения расчета ничего ... наследникам (Верещагина - Е.С.) не выдавать"⁵⁶. Только в 1805 г. в духовной консистории были закончены подчеты растрат, произведенных Арсением. Как оказалось, этот преосвященный, помимо прочего имущества и денежных сумм, присвоил 76 печатных книг и одну рукопись из архиерейской книжницы и семинарской библиотеки (общей стоимостью 80 руб. 45 коп.). Справка, которая предварила Роспись утраченных Арсением книг, сообщала, что "те книги одним преосвященным в разные времена подарены с надписанием от имени своего разным людям, как то имянникам и прочим знакомым"⁵⁷. В названной Росписи особый интерес представляет запись, из которой следует, что книгохранители ЯАД отметили исчезновение из "письменных книг в десять одного Хронографа" на счет архиепископа Арсения и оценили эту пропажу "примерно (в) 2 руб. — коп."⁵⁸. Вопрос о том, для каких целей употребил Верещагин казенный Хронограф и каким образом данная рукопись вновь оказалась в ЯАД к 1811 г., пока остается нерешенным. Тем не менее, можно предположить, что означенный Хронограф, как и ряд других рукописей ЯАД, был передан во временное пользование А.И.Мусину-Пушкину, единственному в окружении ярославского архиепископа знатоку и коллекционеру древнерусской письменности. Напомним, что из книжницы ЯАД в 1792 г. Мусину-Пушкину были официально отданы четыре рукописи исторического содержания. Ранее, в 1790 г., Арсений Верещагин пересылал ему же "письменную в десять старинную книгу Правила Никейские" из книгохранительницы упраздненного Спасского монастыря⁵⁹. А в 1797 г. глава ЯАД "благословил" графа "старинным Евангелием в десять"⁶⁰.

Заканчивая разбор "ярославской" версии происхождения "Слова о полку Игореве", остановимся на рассмотрении еще одного вопроса, нуждающегося в разъяснении. Это вопрос о том, сколько "Хронографов" и каких было в разное время в Спасской обители.

В Переписной монастырской книге 1701 г. значатся две рукописи светского содержания: "Хронограф писмянная в десть"⁶¹ и "Книга Летописец писмянной русской переплетен о печатным киевским в одну книгу в поддесть внов(ь)"⁶², последний конволют в следующей описи 1709 г. не значится⁶³. Как установил В.В.Калугин, рассмотрев выписку из "Хронографа Спаского Ярославского", сделанные Дмитрием Ростовским, эта рукопись представляла собой Летописец Еллинский и Римский⁶⁴. Кроме этого памятника в монарской книгохранильнице с 1696 по 1700 гг. имелся Хронограф редакции 1617 г. Данная рукопись была куплена в 1695 г. архимандритом Иосифом у ярославца, посадского человека, Васки Перфильева сына Ереминых⁶⁵, и передана им в казенную библиотеку с записью о том, что "бысть сей книге вечно в монастыре"⁶⁶. Однако, когда Иосиф был переведен в 1700 г. в менее престижный Краснослободской Пензенский монастырь, он увез с собой и Хронограф⁶⁷. Упоминание еще об одном "Хронографе письменном", который был отослан в 1762 г. из Спасской обители митрополиту Арсению Мацеевичу, сохранилось в документах Ростовской духовной консистории⁶⁸. Таким образом, кроме летописных памятников⁷⁰, в Спасском монастыре в разное время должны были храниться по крайней мере три хронографических рукописи: Летописец Еллинский и Римский, Хронограф редакции 1617 г. и Хронограф, переданный в 1762 г. Арсению Мацеевичу.

Итак, в результате настоящего исследования было установлено, что открытие рукописи со "Словом о полку Игореве" не было связано ни с хранилищем Ростовского архиерейского дома, ни с библиотекой Спаского монастыря. В этой связи правдоподобность свидетельства самого графа о приобретении древней поэмы у последнего спасского настоятеля Иоиля Быковского резко возрастает. Отсюда следует необходимость

проведения дальнейших разысканий, причем не только в ярославских книгохранилищах и архивах, но и там, где в разные годы своей жизни служил Иоиль и откуда мог происходить сборник со "Словом о полку Игореве" (уместно в этой связи напомнить, что Иоиль был переведен в Ярославль из Чернигова, а "Слово", возможно, является памятником черниговского происхождения).

- 1 Разбору различных версий происхождения рукописи со "Словом о полку Игореве" посвящены специальные разделы в работах Г.Н.Мойсеевой и В.П.Козлова. См.: Мойсеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и "Слово о полку Игореве". Л., 1984. С.6-22; Козлов В.П. Об одном Хронографе из собрания А.И.Мусина-Пушкина // Летописи и хроники: Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С.115-118; Его же. Кружок А.И.Мусина-Пушкина и "Слово о полку Игореве": Новые страницы истории древнерусской поэмы в XIII в. М., 1988. С.135-141, 150.
- 2 Калайдович К.Ф. Библиографические сведения о жизни ученых трудах и собрании российских древностей гр.Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР при Московском университете. М., 1824. Ч.П. С.35-36.
- 3 Ростовский историко-художественный музей-заповедник, коллекция рукописных книг (далее - РМ). № 1083. Л.87 об.
- 4 Настоящее утверждение имеет под собой то основание, что в "Реестре" рукописей исторического содержания, принадлежавших библиотеке РАД, который был представлен в 1791 г. в Синод, названо пять Хронографов и одна Степная книга. См.: ГАЯО. Ф.232. Оп.1. № 615. Л.4-5 об. (опубликовано в статье: Дмитриев Л.А. История открытия рукописи "Слова о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" - памятник XII в. М.-Л., 1962. С.427-428).
- 5 РФ ГАЯО. Ф.341. Оп.1. № 5. Л.65 об. Опись РАД 1765 г.; ЯМЗ-15268. Л.99. Опись РАД 1743 г.; РФ ГАЯО. Ф.197. Оп.2. № 1338. Л.25 об. Опись имущества РАД, перевезенного в Ярославль, 1790 г.
- 6 Переезд библиотеки РАД в Ярославль был осуществлен лишь в 1790 г. вместе с "большой ростовской ризницей".
- 7 РФ ГАЯО. Ф.197. Оп.2. № 1338. Л.25 об.
- 8 ЯМЗ-15609. Л.111 об. Опись ЯАД 1811 г.
- 9 Дмитриев Л.А. История открытия рукописи "Слова о полку Игореве". С.426-429.
- 10 См. примечание 4 настоящей статьи.

- 11 Творогов О.В. К вопросу о датировке мусин-пушкинского сборника со "Словом о полку Игореве" // ТОДРЛ. Л., 1976. Т.31. С.137-164.
- 12 Разница в количестве листов, названных в "Реестре", и сообщаемых самой рукописью, объясняется ошибкой писцов. Первоначальная буквенная пагинация, проставленная в книге, такова: I-142, 145-489, 500-665, 665-749.
- 13 Те же два писца работали над экземплярами ЯМЗ-15265 и 15699. О ростовском митрополичьем скриптории начала ХУШ в. см.: Силицына Е.В. Складывание рукописной библиотеки РАД и ее состав в ХУШ в. // Книга в России до середины XIX в.: Тезисы докладов. Л.; 1985. С.63-64.
- 14 См. примечание 5 настоящей статьи.
- 15 Афанасий Вольховский занимал ростовскую кафедру с 1773 по 1776 г. См.: Летопись о ростовских архиереях. М., 1980. С.53.
- 16 РФ ГАЯО. Ф.341. Оп.1. № 5. Л.24. "Экстракт из учиненной дому его преосвященства описи (1765 г. - Е.С.), что именно из показанного по той описи у принятого экономом иеромонахом Венеамином домового имущества в нынешнем 1766 г. ... в расходе".
- 17 РФ ГАЯО. Ф.341. Оп.1. № 5. Л.65 об. Опись РАД 1765 г.
- 18 РФ ГАЯО. Ф.197. Оп.1. № 5813. Л.1.
- 19 Степенная книга была возвращена в РАД в 1774 г. Описание этой рукописи совпадает со сведениями о Степенной книге РАД, переданной в 1792 г. А.И.Мусину-Пушкину. См., РФГАЯО. Ф.197. Оп.1. № 5813. Л.8.
- 20 РФ ГАЯО. Ф.197. Оп.1. № 5813. Л.1.
- 21 ЯМЗ-15259, Л.125-126. Документы Ярославской духовной консистории (далее - ЯДК) 1787-1796 гг.; ГАЯО. Ф.232. Оп.1. № 615. Л.6 об.; ЦИАЛ. Ф.796. Оп.72. № 280. Л.181 об.-182.
- 22 ЯМЗ-15259. Указ ЯДК смотрителю РАД, толгскому игумену Порфирию, эконому иеромонаху Антонию и казначею иеромонаху Серафиму о разыскании рукописей исторического содержания в связи с указом Екатерины II и Синода от 1 сентября 1791 г.
- 23 ЦИАЛ. Ф.796. Оп.72. № 280. Л.181 об.-182. В научный оборот этот документ был введен Ф.Я.Приимой. См.: Прийма Ф.Я. "Слово о полку Игореве" в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С.37-38.
- 24 На это обстоятельство было обращено внимание в следующих работах: Прийма Ф.Я. К спорам об открытии "Слова о полку Игореве" // От "Слова о полку Игореве" до "Тихого Дона". Л., 1969. С.255-256; Соловьев А.В. Ростовские Хронографы и Хронограф Спасо-Ярославского монастыря // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С.354-357; Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и "Слово о полку Игореве". Л., 1984. С.21-22.

- 25 Творогов О.В. К вопросу о датировке мусин-пушкинского сборника со "Словом о полку Игореве". С.163.
- 26 В настоящее время все четыре копии разысканы: ЯМЗ-15490 (список для архиерейской библиотеки); ГАЯО, Коллекция рукописных книг. № 122 (семинарский список); ОР ГБЛ. Ф.236. № 462 (список из собрания Н.П.Румянцева); ОР ГПБ. Ф.522. № 6823 (список для библиотеки архиепископа Антония Знаменского).
- 27 ОР ГПБ. Ф.522. № 6823. Л.148 об.
- 28 Кучкин В.А. Раннее упоминание о мусин-пушкинском списке "Слова о полку Игореве" // Альманах библиофила. М., 1986. Т.21. С.66-68.
- 29 Козлов В.П. Кружок А.И.Мусина-Пушкина и "Слово о полку Игореве". С.141-150.
- 30 3 декабря 1792 г. домовою конторой ЯАД был получен Указ № 133 из Ярославской духовной консистории, по которому экзному и казначею надлежало "три книги Хронографов и четвертую Степенную, учиня им опись ... представить при Репорте в консисторию немедленно ... для препоручения оных книг ... секретарю (Ярославской духовной консистории - Е.С.) Муратову к доставлению его превосходительству (А.И.Мусину-Пушкину - Е.С.)". ЯМЗ-15259. Л.193.
- 31 Караваева Е.М. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г. // ТОДРЛ. М.-Л., 1960. Т.16. С.82-83.
- 32 Соловьев А.В. Ростовские Хронографы и Хронограф Спасо-Ярославского монастыря.
- 33 Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и "Слово о полку Игореве". Л., 1984. Первое издание этой монографии вышло в 1976 г.
- 34 Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и "Слово о полку Игореве". С.83-84, 96.
- 35 ЯМЗ-15286. Л.44 об. Опись библиотеки ЯАД 1819 г.
- 36 ЯМЗ-15512.
- 37 ЯМЗ-18113. Л.39 об. Описание рукописных книг ЯАД 1912 г.
- 38 ГАЯО, Ф.232. Оп.1. № 2847. Л.438 об. Опись имущества ЯАД 1912 г.
- 39 ГАЯО, Ф.232. Оп.1. № 2819. Л.7. Расписка ризничьего ЯАД, иподьякона Василия Соколова, о принятии к исполнению указа Синода № 1637 о передаче в Московскую Патриаршую библиотеку Отписных книг Спасо-Ярославского монастыря 1727 и 1788 гг. 1903 г.
- 40 Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и "Слово о полку Игореве". С.78-80, 134-135.
- 41 Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и "Слово о полку Игореве". С.84-97.

- 42 Козлов В.П., Кружок А.И., Мусина-Пушкина и "Слово о полку Игореве". Приложение П, № 62-65.
- 43 ЯМЗ-15609. Л. II 4. № 1229.
- 44 ЯМЗ-15481.
- 45 См. рис. I.
- 46 ЯМЗ-15286. Л. 40 об. № 718.
- 47 ЯМЗ-15482.
- 48 В спасской книгохранительнице было "две книги аввы Дорофея в поддесть", из них сохранилась только одна рукопись - ЯМЗ-15293, она значилась в описи 1787 г. под № 264.
- 49 ЯМЗ-15609. Л. II 3 об. "Хронограф в новом переплете". Переплет рукописи ЯМЗ-15443 - картон, обтянутый кожей с тиснением, на корешке вытиснено слово "Хронограф". Бумага, использованная для переплетных листов, датируется 1788-1794 гг. (герб г. Ярославля тип 8, по Клепикову С.А./ ЯМВСЯ).
- 50 ЯМЗ-15443.
- 51 См. рис. I. Библиотечные пометы на всех трех рукописях - ЯМЗ-15443, 15481 и 15482 - сделаны теми же почерками, что и на остальных книгах спасской книгохранительницы.
- 52 См.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1987. С. 24; Он же. К изучению московских скрипториев XV-XVII вв. // Флигранологические наблюдения исследования: Теория. Методика. Практика. Л., 1990. С. II 2.
- 53 ЯМЗ-15259. Л. II 3-II 3 об., II 6-II 7, II 9-II 20 об.; ГАЯО. Ф. 232. Оп. I. № 562, 572.
- 54 ГАЯО. Ф. 232. Оп. I. № 561.
- 55 ГАЯО. Ф. 232. Оп. I. № 704.
- 56 ГАЯО. Ф. 230. Оп. I. т. I. № 525; Ф. 232. Оп. I. № 832, II 31, II 84.
- 57 ГАЯО. Ф. 232. Оп. I. № 1270. Л. 4 об.-5 об.
- 58 Там же. Л. 5.
- 59 В Ведомости о неявившихся различных вещах бывшего Спасо-Ярославского монастыря под № 226 записана, как утраченная, "Книга Правил Нийейских письменная", по поводу пропажи которой оставлена следующая запись: "Онныя книги не явилось при свидетельстве ризницы, бывшем по вступлении преосвященного Павла архиепископа на епархию". См.: ГАЯО. Ф. 232. Оп. I. № 1321. Л. 18 об.
- 60 См.: Филипповский Г.Д. Дневник Арсения Верещагина // Вестник МГУ. Серия филологии. 1973. № I. С. 84.
- 61 ЦГАДА. Ф. 237. Оп. I. Ч. I. № 13. Л. 52 об.
- 62 Там же. Л. 55 об.

- 63 Возможно "Летописец русской", упомянутый в описи 1701 г., впоследствии был приобретен В.Н.Татищевым "у носящего на площади" и использован им при написании своей "Истории российской". Эта летопись (Татищев назвал ее Ростовской) "в полдесть", писана "сначала юсами", "подписана рукою Ярославского монастыря архимандрита Иосифа". Судьба настоящей рукописи сложилась печально. Она была подарена историком Английскому королевскому обществу, а ее точная копия послана в Академию наук. До настоящего времени ни оригинал, ни копия не разысканы. Исходя из описания так называемого ярославского описки, данного самим Татищевым, Б.М.Клосс и В.И.Корецкий определили его как летопись, сходную в какой-то части, до 1389 г., с Новгородской I летописью младшего извода. См.: Клосс Б.М., Корецкий В.И. В.Н.Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. II.
- 64 Калугин В.В. Об одном источнике "Келейного летописца" Дмитрия Ростовского // АЕ за 1982 г. М., 1983. С.107-III.
- 65 См.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С.Уварова. М., 1894. Ч.3. Хронограф ошибочно помещен два раза под № 7/1347 и 8/1368. Записи, оставленные на полях этой рукописи Иосифом, опубликованы: Протасьева Т.Н. Запись в Хронографе ХУП в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С.320-328. Запись о покупке рукописи в 1695 г. оставлена на л.528.
- 66 Запись о вкладе книги в Спасо-Ярославский монастырь сделана по приказанию архимандрита Иосифа подьячим того же монастыря Иваном Копорулиным (л.19-93).
- 67 Запись о вкладе книги в Краснослободский Пензенский монастырь сделана в 1706 г. самим Иосифом.
- 68 РФГАЯО. Ф.197. Оп.1. № 3474. Л.78-81.
- 69 Сохранившийся до настоящего времени сборник ЯМЗ-15443 и упомянутый в описи 1701 г. "Летописец русской".

~~А 247~~

ЯМЗ-15481/473, л. I

Секретарь
М.А.А.
А 279

ЯМЗ-15482/824, л. I

~~А 285~~

ЯМЗ-15443/56, л. I

МОДЕРНИЗАЦИЯ ФОРМУЛЯРА ДОКУМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В статье анализируются некоторые черты сознательного формотворчества, проявившиеся в законодательстве первой четверти XVIII в., направленного на модернизацию документа государственного делопроизводства в переломный для него период преодоления признаков приказной традиции и приобретения новых, присущих коллежскому документированию¹.

Была предпринята попытка рассмотреть законодательные акты не как простую сумму распоряжений, эпизодически издаваемых по частным вопросам, а как обладающую внутренними связями совокупность, единство которой продиктовано объективными процессами управленческой деятельности. Как представляется, такой подход позволял по-новому прочесть некоторые положения Генерального регламента, других нормативных документов XVIII в. Считаю возможным полученные результаты использовать в ходе исследования происхождения и развития массовых источников, выработки методики их исследования, поскольку в центре нашего внимания был формуляр русского документа государственного происхождения первой четверти XVIII в. Под формуляром подразумевается схема построения документа, определенное расположение в нем реквизитов.

По степени воздействия на развитие делопроизводства государственных учреждений XVIII в. нормы Генерального регламента трудно переоценить. Поэтому имеет значение все, что связано с историей его создания и применения.

В шестой редакции главы "О коллежских корреспонденциях", выполненной в январе 1719 г. обер-секретарем Сената А. Щукиным и Петром I, сказано: "5. ...чинитца подобает принадлежащий порядок, что касается до чисел, до штилю канцелярского или титулярника, о том особый регламент вскоре публикован быть имеет: содержат и ясно...". На что Петр I наложил резолюцию: "Не быть"². В последующих редакциях и в

утвержденном к публикации тексте эта статья отсутствует. Какими-либо сведениями о создании "особливого" регламента мы не располагаем.

О содержании несостоявшегося регламента можно судить по кратко сформулированным темам. Нельзя сказать, что они совсем не затронуты в Генеральном регламенте, но и не разработаны в нем. В различных главах встречаются указания на необходимость датирования документов внутренней и внешней переписки, т.е. относительно того, "что касается до чисел". Предлагается осваивать "штиль канцелярский" путем списывания дел, по старичке³. Однако такая установка сохраняла прежнюю политику составления текстов документов, основанную на традициях данной канцелярии, зависевших от уровня подготовки ее чиновников, местных особенностей. В 1721 г. Петр I распорядился учредить школу для обучения подьячих "письмоводству". В программу обучения входило: "как книги держать и арифметику", "формы книгам, табели, штиль письма и прочее". Для ее реализации уже нельзя было обойтись только копированием деловых бумаг. Понадобилась бы учебная делопроизводственная литература, что, в свою очередь, актуализировало проблему составления единых форм документов для государственных учреждений всех рангов.

Третья тема — о титулярнике. Она тесно связана с историей создания "Табели о рангах". Лишь к началу 20-х гг. ХУШ в. в русской армии и флоте сложилась иерархическая система чинов⁵. Не раз возникал вопрос о чинах и рангах чиновников в ходе работы над Генеральным регламентом⁶. В пятой редакции главы "О ранге служителей в коллегиях" Петр I заметил: "Ранги учинить общей во всем государстве"⁷. Начатая в сентябре 1719 г. работа над "табелью..." завершилась 24 января 1722 г. Была учреждена система должностей и чинов гражданского, военного и придворного ведомств. Укрепилась и расширилась практика обязательного титулования в официальных документах⁸. Но все это произошло после издания Генерального регламента. Иначе и быть не могло, поскольку титул чиновника зависел от занимаемой им должности, установленной законом.

Другое обстоятельство, осложнявшее составление титулярника, связано с неопределенностью главы "О разности всех провинций". В ней внимание коллегий обращалось на наличие особенностей в управлении окраинами. В связи с этим регламент предписывал установить, в чем они заключались⁹. Конечно, специфика юридического статуса местных учреждений не могла не отразиться на оформлении документов, предназначенных для переписки с ними.

Не все проблемы были решены с дипломатической документацией, поскольку в реестре бумаг коллегии Иностранных дел от 29 октября 1723 г. помечено: "Титулярник о всех иностранных областях потребно сделать..."¹⁰

"Особливый" регламент, по всей видимости, должен был посвящаться порядку составления документа. Генеральный регламент не оставил его без внимания, однако не выделил в качестве предмета специального законодательного оформления¹¹. Отдельные вопросы разработаны в нем довольно подробно (например, ведение протокола, документации, регулирующей документооборот).

Другие не получили развернутой характеристики (документы внешней переписки). И все же нельзя отрицать, что существовала необходимость нормализации формуляра документа государственного происхождения. Во-первых, это было бы последовательным шагом после того, как законодательно упорядочен документооборот. Во-вторых, она отвечала логике формообразования документа¹².

Отличительной чертой приказного делопроизводства является его неудержимое возрастание в объеме и сложности. На первом этапе административных реформ Петра I, характеризующегося попытками преодолеть недостатки приказного управления, предпринимается переход от столбцовой формы делопроизводства к тетрадной¹³, охватившей как гражданские, так и военные учреждения. Правительство мотивировало свое решение потребностью сократить расход бумаги, улучшить условия хранения и поиска документов. Повышение спроса на информацию, поиск путей ее мобилизации в конечном счете были обусловлены глу-

бокими историческими преобразованиями, которые начались в России в первой четверти ХУШ в.

Своеобразие реформы состоит в том, что она проходила в рамках старой приказной системы и не была связана со строительством новых государственных структур. Ее цели совпадали с тенденцией удешевления и ускорения техники приказного делопроизводства¹⁶. Известно, некоторые разновидности документов, особенно в ХУП в., оформлялись в виде "книг". Само наименование "книга" применялось как к документам, имеющим вид сброшюрованных в один перешлет тетрадей, так и столбцовой формы¹⁷. Постепенно преимущества книжной формы становилось очевидней и в именном указе II декабря 1700 г. о них уже заявлено вполне определенно¹⁸.

Введение тетрадной формы делопроизводства было призвано сократить переписку, создавало объективные предпосылки рационализации процесса производства документа¹⁹. Произошли изменения и в его внешней форме. Согласно указу II декабря 1700 г. всю документацию следовало вести в тетрадях и на листовой бумаге. Поскольку новшество вначале было опробовано только в Сибирском приказе, в указе не упоминается "память". О ней "вспомнил" именной указ 1702 г., предписавший всем равным учреждениям обмениваться памятьми на листовой бумаге²⁰.

В целях экономии требовалось заполнять обе стороны листа. Текст грамот, отписок, прежде следовало написать вчерне, а для поправок предлагалось приклеивать чистые листы или оставлять широкие поля, причем отведенные слева они позволяли подшить бумаги в тетрадь. Скреплялись грамоты, выписки, отписки по листам, на полях или внизу, в конце нижней строки. Как объяснялось в указе, личные подписи воевод, дьяков в отписках необходимы "для всякого спору, потому, что для дальнего расстояния справливаться трудно"²¹. Данное правило есть результат потери одного из преимуществ столбцов — дьяческой подписи на сставках. Для Сибирского приказа оно не было новостью, поскольку указом 30 декабря 1695 г., подтвержденного в 1697 г., книги, которые велись в приказных избах, для удостоверения

подлинности должен был закреплять сам воевода²². В 1700 г. к их числу причислили еще "расходные", "допросные", "приводных дел", ежегодно отправляемых в Московский судный приказ²³.

Рост значения авторской подписи отразился в именном указе 30 декабря 1701 г. Напомним, к осени 1702 г. тетрадная форма полностью вытеснила столбцы в делопроизводстве центрального аппарата²⁴. Обращенный ко "всяким чинам" указ запрещал с 1 января 1702 г. в челобитных, отписках, "приказных и домовных во всяких письмах", подписываться "полуименами", а только полным именем и фамилией²⁵. 14 января издается другой, обязывающий воевод присылать в Поместный приказ свои отписки, обыски, допросы, отказные и отдельные книги на гербовой листовой бумаге "за воеводскими руками и за дьячими и подьяческими приписями"²⁶. Гербовая бумага, снабженная вместо печати должностных лиц государственной, также подчеркивала значение личной подписи. С введением ее в употребление в 1699 г. хронологически совпадает установление правительством порядка исследования подписей на документах, подлинность которых вызывала сомнения²⁷.

Продолжая тему истории подписи, мы должны пояснить, что она интересует нас прежде всего потому, что дает возможность показать ряд факторов, повлиявших на один из самых динамично изменявшихся реквизитов русского документа первой четверти XVIII в., а также служит пониманию содержания его формы.

М.М. Богословский, исследуя первые годы правления Петра I, заметил, что ряд именных указов 1699 г. закреплен не одним, как раньше, а несколькими думными дьяками. По его мнению, это был переходный момент в развитии внешней формы законодательных актов на пути к авторской подписи²⁸. В том же году Петр I стал лично подписывать дипломатические акты, отказавшись от восточного этикета²⁹ в пользу западноевропейского. Свой выбор он приравнял к событиям культурного порядка, таким как публикация переводных книг, открытие "навигацких" школ и др.³⁰

Итак, на рубеже ХУП-ХУШ вв. фиксируется актуализация авторской подписи, а наличие печати уже не является достаточным условием для удостоверения документа.

Бюрократизации государственного аппарата способствовал именной указ 12 августа 1706 г., с которым Л.А.Стешенко и К.А.Софроненко связывают начало отделения обязанностей присутствия и канцелярии³¹. Он обязывал судей в приказах, воевод в городах все дела подписывать самим, лишив этого права дьяков, подьячих³². Тем самым была развита норма указа 14 января 1702 г. После учреждения губерний, Сената, она получила новое подтверждение. Генерал-губернаторам, губернаторам следовало отправлять "всякие ответствования" в Сенат только за своей, а не дьяческой или комиссарской подписью³³. В 1716 г. требование распространяется на губернаторские доношения о получении сенатских указов³⁴. Так выделяется статус главы местной администрации, чье положение отличалось от прежнего воеводы.

Соответственно проявлявшимся элементам коллегиальности вводился новый вид документации, в частности, протокол. Так как в нем фиксировались мнения членов совета, то в указе 1707 г. в Ближнюю канцелярию Петр I распорядился всем министрам закреплять "своею рукою" дела, "ибо сим всякого дурость явлена будет"³⁵.

В 1717 г. впервые были изданы штаты коллегий³⁶. На должность вице-президентов назначались иностранные специалисты на русской службе. Их подпись в протоколе свидетельствовала о верности завершенной процедуры.

Наивной попыткой пресечь злоупотребления по службе является требование Сената ко всем чиновникам подписываться под именованным указом 1714 г. о "лихоимстве"³⁷.

Интересна мотивация изменений в челобитных. Они могли исходить как от частных лиц: так и корпораций. Похоже, власти с подозрением относились к принципу "подписывать вообще". Обнаруженный в рукописной книге поручика И.Кожевникова указ 19 июня 1706 г. разрешал подписывать челобитные только "своим именем, в своей обиде, а не от своего полку".

Преследуемая цель не скрывалась: чтобы солдаты "между собой тайно и явно в круги и никаких сходов соединительным советом и за одного обиду чтоб многим бить челом не чинили и челобитных не составляли и бить челом за одного многие не приходили и не кричали, прилично то бунту"³⁸. Указ был направлен против обычая стрелецких и казацких войск - "кругов", своеобразной формой проявления вольности, на которых составлялись коллективные решения. Правительство, вновь столкнувшись с ними в период Астраханского восстания 1705-1706 гг., решило энергичнее вводить порядки регулярной армии³⁹.

Связь запрета подавать коллективные челобитные с русскими реалиями очевидна. Тем интереснее параллель с шведским законодательством. В плакате лифляндского генерал-губернатора Э. Дальберга 12 декабря 1696 г. прибалтийским крестьянам разрешалось подавать жалобы только "каждый сам за себя, а не от имени или за подписями многих (крестьян)"⁴⁰. Не исключено, что совпадение - результат заимствования, происшедшего за время военных действий в Лифляндии⁴¹. С другой стороны, законодательство стран, имевших сходные черты развития, могло одинаково отреагировать на идентичные события в обществе.

Краткая констатация обстоятельств, повлиявших на изменения в порядке удостоверения документа, показывает, что только закономерностями развития делопроизводственной службы, их не объяснить. Необходим более широкий подход, учитывающий конкретно-исторические условия, в которых функционирует документ. Но проблема в том, каков механизм этой зависимости.

Вернемся к указу 12 декабря 1700 г. Первый лист тетради следовало заполнять с оборотной стороны. Лицевая оставалась на грамотах для подписи "в кой год и к кому та грамота надлежит", а в отписке - адресат (по приказным правилам, имя и титул царя). В связи с реформой календаря, документы стали датировать по летоисчислению от "рождества Христова"⁴². В формуляре челобитных дата ставилась после подписи⁴³. Согласно указу 1717 г. во всех канцелярских бумагах, делах,

необходимо было обозначать год, месяц, число. Если входящий документ не имел даты, то получивший его дьяк писал на нем время поступления в канцелярию⁴⁴. Так усиливался контроль за бумагооборотом.

Текст располагался на листе форматом "в десть"⁴⁵. Позже появились уточнения. Если оставалась незаподненная часть листа, то членам коллегий следовало подписываться "у последней речи написанной в указе, дабы невозможно потом приписать"⁴⁶. Приказы по хозяйственным операциям писались в половину листа "дабы было место для подписывания, что отдано и принято", а также потому, что так продиктовала форма книги: "чтобы удобнее собирать и переплетать"⁴⁷. После таких приписок распорядительный документ приобретал черты документации материальной отчетности.

Новый импульс получила скоропись: "писать грамоты и отписки письмом не крупным и не редко с полями средними"⁴⁸. Последовательный поиск технических приемов экономии бумаги мог привести к вопросу об упорядочивании содержания документов. И он был поставлен, хотя, разумеется, главной причиной тому был переход к новой структуре государственного управления и в связи с этим рост потребности в информации и рационализации средств ее обработки.

Итак, переход к тетрадному делопроизводству продиктовал новый порядок составления и оформления документа. Однако своими корнями он связан с особенностями приказного документирования. Нововведения были закреплены в ряде законодательных актов, среди которых своей деятельностью изложения выделяется указ II декабря 1700 г. В этом отношении он не имеет аналогов в законодательстве начала XVIII в. Сообщенный импульс вызвал другие распоряжения верховной власти, но в последующий период, до издания Генерального регламента они носили частный характер и не отличались систематичностью. Их направленность уже в большей степени определялась реформой государственного аппарата, изменявшей систему документирования.

Каким образом законодательство пыталось организовать текст документов, сделать форму изложения краткой и понятной?

Нарративность содержания преодолевалась путем выделения в нем логически самостоятельных частей — "пунктов". Прежде всего это было характерно для доношений, а также челобитных — множественной разновидности документации, распространенной в различных социальных группах населения, полифункциональной по своему назначению. Одно из первых упоминаний о "пунктах" в именном указе 22 февраля 1714 г. В нем губернаторам предписывается выслать в Сенат ведомости, состоящие из 22 пунктов о произведенных сборах налогов и казенных расходах за 1701–1714 гг.⁴⁹ Поскольку указ формулирует темы "пунктов", то и сам он приобрел форму, сообщаемую ведомости. В нем еще не учреждается схема изложения как таковая: предписывается дать ответы на поставленные в определенной последовательности вопросы.

Частный случай был возведен в правило законом "О форме суда" 5 ноября 1723 г., кстати, построенного по этой же форме: "Как челобитные, так и доношения писать пунктами, так чисто, дабы что писано в одном пункте, в другом бы того не было"⁵⁰. Характерна мотивация законодательного акта: "ибо...много ненадобного пишут, что весьма запрещается..."⁵¹ Ранее, в 1718 г. был ограничен круг тем жалоб: обращаться разрешалось только по своим делам⁵².

В суде составлялись тетради с записями пунктов челобитных и ответами на них тяжущихся сторон. Вопрос считался исчерпанным, если под каждым из них расписывались истец и ответчик. Так же требовалось делать выписки из судебных бумаг и оформлять приговор. Пункты челобитной, таким образом, накладывали отпечаток на документацию, связанную с ее рассмотрением.

Параллельно упорядочиванию текста пересматривалось его содержание, чтобы "лишнего ничего не писать". В челобитной отсекалось то, что не относилось непосредственно к проблемам ее автора⁵³. Строго определялось, по каким вопросам следует обращаться с прошениями в ту или иную инстанцию.

Вообще в законодательстве 20-х гг. XVIII в. заметно актуализируется корректировка системы соподчинения, компетенции государственных учреждений и в связи с этим порядка

переписки между ними, вызванной проведением коллежской реформы. Одним из ее инициаторов выступает Сенат. Как высший орган надзора и управления, он обрек поступавшие к нему многочисленные доношения из коллегий, губерний, канцелярий на "многоголосье" тем. Затрудняясь изучать их, Сенат принимает меры по упорядочению движения информации. В 1724 г. издает указ, запрещающий в рапортах о получении распоряжений и ходе их выполнения сообщать или запрашивать о других делах, к ним не относящихся, поскольку "чинитца помещательство", "упущения"⁵⁴. Писать, "не примешивая" о других делах" означало стремление сделать отчетную документацию однопредметной. А если учесть, что предложения подчиненных должны были оформляться в мемориях, то по сути указ настаивал на "чистоте" жанра. Объективным условием реализации поставленной цели был процесс уточнения и дифференциации функций государственных учреждений.

Тематические ограничения обедняли содержание отдельного документа, стимулировали перераспределение информации внутри видов документации одного типа. Создавались предпосылки для их специализации, появления новых разновидностей, кристаллизации формуляра. Тому же служила форма изложения по "пунктам", несколько амортизирующая недостатки многопланового документа.

К числу факторов, влиявших на упрощение и формализацию документа, выделению в нем содержательных частей, Б.Г. Литвак относит практику составления "выписок", представлявших собой краткие редакции входящих и исходящих документов, вносившихся в протокол⁵⁵. Если "выписка" заверялась, она превращалась в документ - "экстракт" или "докладную выписку", прилагавшуюся к докладу⁵⁶. В нем конспективно излагалось содержание документов, образующих "дело". Под каждым "пунктом" требовалось указать соответствующий существу дела закон или отметить его отсутствие, а также принятую резолюцию. Удостоверялась такая тематическая единица секретарской подписью. Так в самом документе сюжеты приобретают самостоятельное значение, начинают "отпочковываться" друг от друга⁵⁷.

Краткая редакция документов присутствовала в формах документального контроля. Это росписи дел "вершенных" и "действием неисполненных", которые держал на своем столе президент. Реестры к книгам отдельных разновидностей документов, главным образом законодательных актов,⁵⁸ а также протоколов. Наконец, журнал рассмотренных дел. Вел его регистратор, обязанный "вкратце выписать содержание каждого дела..."⁵⁹ О порядке записи, поскольку Генеральный регламент об этом не сообщает, можно судить по аналогичным книгам Сената: "для скорейшего или удобного ради оных делах исправления и светлого о том ведения, вносить, записывая по статьям, токмо, дабы было вкратце..."⁶⁰

Видимо, не без шведского влияния предписывается государственным учреждениям принимать указы только в письменной форме⁶¹. Это, в свою очередь, стимулировало рост объема переписки. Как ответом на возникшую проблему служила глава Генерального регламента "О исполнении указов". В ней разрешается давать устные указы о "сочинении действия" (поиске способа исполнения приказа). Сама же формула распоряжения, решение как "в действие производить", должны оформляться письменно⁶². Так, отсекая "рассудительную" часть от "поставляющей", выделялось главное смысловое звено указа, его цель.

Здесь стоит обратить внимание на процесс переименования документов, отразившийся в Генеральном регламенте. Само название документа, оформляясь в отдельный реквизит, подчеркивает его функцию, содержательное ядро, а значит способствует специализации как разновидности документации.

Указанные черты коллежской документации, считаем, сыграли свою роль в эволюции формуляров документов государственных учреждений XVIII в. Они стимулировали преодоление в них нарративности, формализацию содержания. С источниковедческой точки зрения данные наблюдения важны для понимания формирования массовых источников.

Улучшению коммуникативности служебной переписки служили не только меры по организации структуры, содержания документов, но и по совершенствованию канцелярского стиля

письма. Установка писать понятно, лаконично, относилась как к коллежской⁶³, так и провинциальной документации⁶⁴. Неясность указа рассматривалась как допустимое основание для его невыполнения⁶⁵.

С вопросом о деловой письменности связан, на наш взгляд, такой феномен культуры первой четверти XVIII в., как книжное дело. Как правило, в его развитии видят одну из причин перехода к тетрадной форме делопроизводства⁶⁶. Но печатная речь связана с рукописной, между ними существует взаимосвязь⁶⁷. Раньше, по всей видимости, она проявилась в законодательных актах, предназначенных для обнародования и потому нуждавшихся в печатном тиражировании. Первое известное нам упоминание в законодательстве первой четверти XVIII в. о подобной практике относится к 1714 г.⁶⁸ Среди публикаций следует выделить именные указы Петра I. Если наиболее ранние из них, говоря словами Ключевского, напоминали "лаконическую шараду"⁶⁹, которую предстояло угадать подчиненным, то впоследствии в них стала заметно выделяться мотивировочная часть. Ее появление можно объяснить верой автора в силу закона, а также регламентарным характером законодательства того времени⁷⁰. Понятно, что каждое слово в указе должно было тщательно взвешено, поскольку обращен был к "неиндивидуализированному получателю", к широкой и разнообразной аудитории. Опубликованный текст получал новые возможности членения речи — шрифтами, абзацами, пробелами. Как отметил Ю.В.Рожественский, он рождает новую эстетику речи⁷¹. Книжная речь изменяет разговорную базу письменного литературного языка. Поэтому ее влияния не могли избежать не только законодательные акты, но и делопроизводственная документация. К первым по времени формам проникновения в нее печатного слова можно отнести цитирование изданных законов, а также пользование рекомендациями письмовников, содержавших образцы документов личной и официальной переписки. Источником их был делопроизводственный, эпистолярный материал отечественного и зарубежного происхождения, из которого отбирались наиболее типичные редакции.

Письмовники имели немалое значение в формировании стилизованных стереотипов деловой письменности. Они, наряду с законодательством, способствовали интернационализации документации. Первые, содержавшие южнославянские образцы, появились еще до XVIII в.⁷² Смена норм общественного быта, в связи с его европеизацией, изменили светский эпистолярный этикет. С начала XVIII в. распространяется обращение на "Вы", "милостивый государь", "господин мой", подписи "остаюсь ко услужению готовый", "ваш покорный слуга"⁷³. "Восточный", с его гиперболическим восхвалением адресата, самоуничтожением, уступает место западноевропейскому, находившемуся под сильным влиянием французского письма. У него заимствованы были формулы адресата, обращения, подписи⁷⁴. Написание письма превратилось в особый обряд, вызвавший потребность в руководствах. В 1708 г. по велению Петра I издается одна из первых книг, напечатанная гражданским шрифтом, переведенная с немецкого языка секретарем Посольского приказа М. Пафириным — письмовник "Приклады, како пишутся комплименты..."⁷⁵. В нем представлены главным образом образцы частных писем. Из деловых — "челобитная или просительное письмо" об отставке, паспорт, служебная рекомендация. Даны не только полные тексты писем, но и возможные варианты их частей, с учетом сословной принадлежности корреспондентов. Эпистолярная концепция отсутствует⁷⁶. Как полагает В.Ф. Янкова, с конца XVIII в. печатные сборники образцов документов становятся массовой литературой, что усилило их воздействие на процессы документирования⁷⁷. Данный тезис, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Канцелярское дело усложнялось, повысило спрос на делопроизводственную литературу, но и поставило границу ее использованию, поскольку все более детально регламентировалось законом. Между тем, письмовники, хотя и отражали нормативные, законодательные установки, опирались также и на традицию. Стоит также учесть факторы историко-культурного характера: рост мобильности населения, ускорение "темпа жизни" стимулировали потребность в переписке, развитие средств сообщения. Усиливалось влияние западноевропейской

культуры. Письма же были общедоступным и модным способом общения. Актуальность писемников определялась степенью распространения "партикулярного" элемента в служебной переписке. В известной мере его наличие размывало границу между документом государственного происхождения и личным письмом. В наибольшей степени эта черта была присуща для приказного делопроизводства, которое основывалось не только на традиции, но и законе⁷⁸, однако последний еще не имел решающего значения. Кроме того, некоторые документы, исходившие от частных лиц, составлялись в учреждениях. Там же должны были подтверждаться многие частные акты⁷⁹. В ситуации, когда законодательное регламентирование еще не проникло во все поры документирования деятельности государственного аппарата, провозглашение эпистолярных штампов могло способствовать выработке формуляра официального документа. Однако дальнейший прогресс этого явления состоял в противоположной тенденции разграничения государственной и частной переписки⁸⁰. В этой связи представляют интерес наблюдения В.О.Ключевского. Выделяя два этапа во внутриведомственной деятельности Петра I, до и после Полтавской битвы, он пишет, что переписка царя носила обширный характер, "...письма заменяли собой законы; лица, которым они посылались, превращались в государственные учреждения". Но если до Полтавы Петр I отвечал на все важные вопросы "спешным письмом или указом", то позже появились наиболее разработанные законодательные акты⁸¹. Близка к этой характеристике оценка Е.П.Подъяпольской: только к близким лицам письма носят интимный характер, а большинство - указы в эпистолярной форме. Иногда к деловым письмам делались приписки личного содержания или в пакет вкладывались "цидульки" - записки. Корреспонденты царя присылали в ответ свои доношения в пунктах или вопросах, написанные на одной половине листа, на другой оставалось место для приказов⁸².

В именном указе 13 января 1724 г. замечается перемена отношения к "партикулярным письмам", "грамоткам". В них запрещается сообщать о тайных государственных делах - только

в реляциях⁸³. Новое правило предписывалось ввести во все инструкции для всех чинов⁸⁴. Тем не менее, на протяжении всего XVIII в. сохранилась известная языковая однородность морфологических и синтаксических явлений ведомственной и личной переписки⁸⁵.

Методика работы с нормативными актами предусматривает обращение к вопросу об их практической реализации. Но прежде необходимо выяснить само содержание законодательства, понять направление его развития:

В истории становления и развития формуляра русского документа важное место занимает переходный период от приказной системы документирования к коллежской. Именно тогда происходит такое накопление новшеств в работе над документом, которое вызвало потребность в регламентации этих операций. Однако, несмотря на активное законодательное вмешательство в регулирование делопроизводства, не имеющее более ранних аналогов, задуманный "особливый" регламент не был осуществлен. В какой-то мере его отсутствие заполнили частные указы, изданные на протяжении XVIII в.

В этом ряду особое место принадлежит сенатскому указу 26 ноября 1722 г., который можно рассматривать как аргумент в пользу предположения о существовании необходимости "особливого" регламента. В нем сказано: "В коллегиях с 1723 года, приходные и расходные книги содержать и денежную казну и всякие припасы и материалы в приход и в расход записывать и в счетных делах поступать конечно так, как в Адмиралтейском регламенте и приложенных при том регламенте формах, положено"⁸⁶. Адмиралтейский регламент появился позже Генерального. В нем были учтены недостатки, выявившиеся в коллежской деятельности. Поэтому многими его нормами должны были руководствоваться другие коллегии⁸⁷. Возможно, по всем этим причинам к "особливому" регламенту больше не возвращались.

Но есть возможность ретроспективно оценить отказ от проекта.

Екатерина II, приступая в 1784 г. к подготовке реформы делопроизводства губернских учреждений, заявила о своем

намерении создать "единообразные положения канцелярского порядка"⁸⁸, или как пояснил поставленную задачу один из сенатских указов: "до издания полной формы на всякие канцелярские бумаги"⁸⁹. Несмотря на то, что все затребованные у генерал-губернаторов материалы Сенат получил⁹⁰, реформа не состоялась. Таким образом, до конца ХУШ в. единые формы губернской документации не были разработаны. Учитывая то обстоятельство, что Генеральный регламент, созданный как основной закон коллегий, стал образцом и для губернских учреждений, можно заключить, что отсутствие "особливого" регламента не удалось компенсировать.

Другое следствие состоит в том, что Генеральным регламентом руководствовалась Военная коллегия, не имея при этом своего специального регламента. В докладе Александру I она так обосновала необходимость преобразования военного делопроизводства: "не имея особенного для себя учреждения соответствующего порядку течения дел ей во особенности свойственному и которой по многим отношениям не может быть ей с прочими присутственными местами во всем общий..."⁹¹ Следовательно, несмотря на дифференциацию военной системы документирования и общей, обе они объединялись сходными чертами развития, и те противоречия, которые обнаружились в законодательном оформлении гражданского делопроизводства, распространялись и на военное. Поэтому следует учитывать данные двух ведомств, исследуя закономерности саморазвития делопроизводственной документации ХУШ в.

1 Данная статья является продолжением опубликованной ранее: Лукашевич А.А. О видовом составе русского документа первой четверти ХУШ в. (На материале Генерального регламента).

2 Законодательные акты Петра I / Под ред. Н.А.Воскресенского. Л., 1945. Т. I. С. 461. Решение принято было не сразу. В пятой редакции от 8 января 1719 г. Петр I оставил статью без изменений. Сама она присутствует уже в первоначальном варианте, выполненном Г.Фиком к декабрю 1718 г.

- 3 Генеральный регламент или Устав. 28 февраля 1720 г. ПСЗ-1. Т.6. № 3534. С.154. Как нам представляется, обучение непосредственно в ходе работы было обусловлено особенностями развития русского литературного языка на рубеже ХУП-ХУШ вв. Разнородный языковый материал способствовал ослаблению нормативных тенденций, распространению факультативности в выборе слова, грамматических сочетаний. Кожин А.Н. Литературный язык допушкинской России. М., 1989. С.17-18. И
- 4 Именной указ 10 ноября 1721 г. ПСЗ-1. Т.6. № 3845. С.451-452.
- 5 Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в ХУШ в. М., 1974. С.45.
- 6 Там же. С.93. Уже в первой редакции предлагалось титуловать президента коллегии - графом, вице-президента - бароном, "а прочим до секретарей" "честь отдавать же". Законодательные акты Петра I. С.430. Глава "О ранге служителей в коллегиях" не вошла в Генеральный регламент, видимо, ожидалась "Табель...".
- 7 Законодательные акты Петра I. С.458. Пятая редакция датируется так же, как и шестая - 8 января 1719 г. Там же. С.409.
- 8 Троицкий С.М. Указ. соч. С.108.
- 9 Законодательные акты Петра I. С.496-497.
- 10 Реестр дел коллегии Иностранных дел, с распределением их по повытьям между личным составом коллегии, от 29 октября 1723 г. Там же. С.541. Между тем, ведение из коллегии Иностранных дел в канцелярию Сената о форме царского титула в дипломатических документах, а также о титуловании, наименовании чинов должностных лиц находившихся на дипломатической службе, поступило уже в марте 1719 г. Ведение из коллегии Иностранных дел в канцелярию Сената. 29 марта 1719 г. ПСЗ-1. Т.5. № 3343. С.688-689.
- 11 После изъятия упомянутого фрагмента, никаких других содержательных изменений в главе "О коллежских корреспонденциях" не произошло.
- 12 Попутно напомним о "пропозициях" Ф.С.Салтыкова "написать образцы всяких ... крепостей со всякими окрестностями" для продажи напечатанных на их основе, говоря современным языком, бланков гражданско-правовых актов, по примеру западно-европейских государств. Изъявления прибыточные государству Ф.Салтыкова. 1714 // Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С.16-17.
- 13 Подробнее см.: Автократов В.Н. К истории замены столбцовой формы делопроизводства - тетрадной в начале ХУШ в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т.7. С.274-286.

- 14 Именной указ II марта 1702 г. Законодательные акты Петра I. С.195.
- 15 Именной, данный Сибирскому приказу, II декабря 1700 г. ПСЗ-И. Т.4. № 1817. С.86-87.
- 16 Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII вв. М., 1985. С.14.
- 17 Демидова Н.Ф. Рецензия: Соборное Уложение 1649. Тексты и комментарии. Л., 1987. 448 с. // История СССР. 1990. № 2. С.191.
- 18 Именной, данный Сибирскому приказу, указ II декабря 1700 г. ПСЗ-И. Т.4. № 1817. С.86.
- 19 Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX в. М., 1979. С.130.
- 20 Именной указ II марта 1702 г. Законодательные акты Петра I. С.195.
- 21 Именной, данный Сибирскому приказу, указ II декабря 1700 г. ПСЗ-И. Т.4. № 1817. С.86.
- 22 При пересылке печати могли не сохраниться. Автократов В.Н. Указ. соч. С.280.
- 23 Именной, с Боярским приговором, 24 мая 1700 г. ПСЗ-И. Т.4. № 1783. С.24.
- 24 Автократов В.Н. Указ. соч. С.285.
- 25 Именной указ, данный Разряду, 30 декабря 1701 г. ПСЗ-И. Т.4. № 1884. С.181.
- 26 Именной указ 14 января 1702 г. Там же. № 1891. С.184.
- 27 Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С.29.
- 28 Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1946. Т.3. С.250-251.
- 29 Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С.125.
- 30 Наброски сведений о первых культурных реформах Петра I, сделанные им для составляемого в Кабинете е. в. истории его царствования, без даты. Законодательные акты Петра I. С.116. По мнению М.М.Богословского, Петр I нарушил традицию потому, что лично вел тайные переговоры с союзниками. В связи с этим договоры с двух сторон были подписаны государями. Богословский М.М. Указ. соч. 1948. Т.4. С.163.
- 31 Стешенко Л.А., Софроненко К.А. Государственный строй России в первой четверти XVIII в. М., 1973. С.72.
- 32 Именной, объявленный из Разрядного приказа 12 августа 1706 г. ПСЗ-И. Т.4. № 2116. С.354.
- 33 Именной указ, объявленный из Сената 28 февраля 1714 г. Там же. Т.5. № 2780. С.87.

- 34 Сенатский указ 19 марта 1716. Там же. № 3002. С.202.
- 35 Указ Петра I Ближней канцелярии, от 7 октября 1707 г. Законодательные акты Петра I. С.196.
- 36 Именной указ II декабря 1717 г. ПСЗ-I. Т.5. № 3129. С.525; Именной указ 15 декабря 1717 г. Там же. С.527-528.
- 37 Сенатский указ 24 августа 1722 г. Там же. Т.4. № 4077. С.761.
- 38 Указ о порядке принесения жалоб военнослужащими и запрещении коллективных челобитий, 19 июня 1706. Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С.64-65.
- 39 Указ Павла I 1796 г. повторяет требования, правда, не ограничивая его военной сферой. Видимо, коллективные челобитные подавались и после 1706 г. Именной, объявленный Сенату генерал-прокурором князем Куракиным, указ. 12 декабря 1796 г. ПСЗ-I. Т.24. № 17.636. С.232.
- 40 "Плакат" (распоряжение) ливонского генерал-губернатора Э.Дальберга. 12 октября 1696 г. Хрестоматия по истории СССР XVI-XVII вв. / Под ред. А.А.Зиминой. М., 1962. С.669.
- 41 Командующий расположенных там русских войск фельдмаршал Б.П.Шереметьев занимался разработкой воинских артикулов, в 1706 г. написал "Уложение или право воинского поведения". Бобровский П. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. С.8.
- 42 Именной указ 19 декабря 1699 г. ПСЗ-I. Т.3. № 1735. С.680-681.
- 43 Именной указ I марта 1702 г. Там же. Т.4. № 1899. С.189.
- 44 Указ 15 февраля 1717 г. Там же. Т.5. № 3068. С.489.
- 45 25 строк на странице тетради. Сенатский указ Вотчинной коллегии 21 января 1726 г. ПСЗ-I. Т.7. № 4823. С.562-563.
- 46 Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи 5 апреля 1722 г. Там же. Т.6. № 3937. С.533.
- 47 Там же.
- 48 Именной, данный Сибирскому приказу. II декабря 1700 г. Там же. Т.4. № 1817. С.87.
- 49 Именной, объявленный из Сената, указ 22 февраля 1714 г. ПСЗ-I. Т.5. № 2774. С.82-84.
- 50 Именной указ "О форме суда" 5 ноября 1723 г. ПСЗ-I. Т.7. С.147.
- 51 Там же.
- 52 Именной указ 19 января 1718 г. Законодательные акты Петра I. С.367.
- 53 Там же.

- 54 Сенатский указ 27 мая 1724 г. ПСЗ-І. Т.7. № 4514. С.289.
- 55 Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII-XIX вв. С.52.
- 56 Ср.: "Extrait" -- выдержка из документа. Будучи подписанной и заверенной печатью, является документов "extrait signe". Воробьев Ю.К. Материалы для словаря старофранцузских документов. М., 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР. 04.12.86, № 27570. С.9.
- 57 "...и закрепя в Сенате секретарю выписку или доношение под каждым пунктом (чтоб впредь сомнения не было)..." Сенатский указ 2 октября 1724 г. ПСЗ-І. Т.7. № 4577. С.355.
- 58 Петр I так объяснял необходимость в них: "Чтоб указы в книгах всегда лежали и оным реестр короткий, о чем которой, для приску нам". Заметки Петра I законодательного характера. 13 ноября 1723 г. Законодательные акты Петра I. С.134.
- 59 Генеральный регламент или Устав. 28 февраля 1720 г. ПСЗ-І. Т.6. № 3534. С.153.
- 60 Сенатский указ 27 марта 1711 г. С.652.
- 61 В докладной записке для Петра I Г.Фика писал: "Все королевские указы порядочно и на письме даются и никогда в регистре (правительстве) и гражданских делах словесной приказ не принимается, понеже из того многие непорядки и всуе употреблении произойти могут". Докладная записка Г.Фика о королевской шведской Государственной канцелярии или коллегии-канцелярии в Стокгольме, 25 апреля 1718 г. Законодательные акты Петра I. С.543.
- 62 Генеральный регламент или Устав, 28 февраля 1720. Законодательные акты Петра I. С.485-486.
- 63 Генеральный регламент или Устав... С.491-492.
- 64 Инструкция или наказ воеводам. 31 января 1719 г. ПСЗ-І. Т.5. № 3294. С.631.
- 65 Именной указ 17 апреля 1722 г. Там же. Т.6. № 3970. С.657.
- 66 Самошенко В.И. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С.53.
- 67 Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979. С.129-132.
- 68 Именной, объявленный из Сената, 16 марта 1714 г. ПСЗ-І. Т.5. № 2785. С.88-89. Специальный указ о публикации распоряжений верховной власти о сборах податей, во избежание завышения их размеров на местах, издан 10 февраля 1720 г. Их предписывалось читать в церквях по праздникам. Именной, объявленный из Сената 10 февраля 1720 г. Там же. Т.6. № 3515. С.128-129. Публиковались именные указы, сенатские приговоры, плакаты. Характерно, что

- последний впервые упоминается при Петре I в 1704 г.: "Placard" - "афиша", "плакат", французское заимствование. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т.3. С.272. Плакат представлял собой установленные и объявленные правительством размеры повинностей, нормы оплаты и др. (Материалы по истории СССР / Под ред. А.Д.Горского. М., 1989. С.343). Отсюда производное - "плакатная цена", т.е. установленная указом.
- 69 Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. М., 1958. Т.4. С.164.
- 70 Подробнее см.: Павленко Н.И. Петр I: к изучению социально-политических взглядов // Россия в период реформ Петра I. М., 1987. С.88. Не исключено иностранное влияние. В упоминавшейся записке Г.Фика сказано: "Такожде никогда, что королю донесено, или королевская резолюция отправлена, не бывает, в чем бы все резоны в притчины, яко фундаменты дела, явственно и обстоятельно представлены не были, дабы подданные из того усмотреть могли, что все резолюции и указы на добрых резонах основаны...". Докладная записка Г.Фика, 25 апреля 1718 г. Законодательные акты Петра I. С.543. Однако красноречив афоризм самого Петра I: "Весьма имеют наставлены быт те, которые сами не знают". Там же. С.151.
- 71 Рождественский Ю.В. Указ. соч. С.132.
- 72 Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С.34-35.
- 73 Горшков А.А. Русский язык // Очерки русской культуры XVIII в. / Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1988. Ч.3. С.276.
- 74 Горнфельд А. Эпистолярная литература // Энциклопедический словарь. Изд.Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб. 1904. Т.40а. С.922-923.
- 75 Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке. М., 1708. Письмовник был переиздан в 1712, 1725 гг.
- 76 Не потеряли интереса граческие письмовники. В 1744 г. в Москве было издано "Сочинение о типах писем" Феофила Коридаллева. Сметанин В.А. Эпистолография. Свердловск, 1970. С.146.
- 77 Севастьянова А.А., Козляков В.Н. Рецензия: Шмидт С.О. Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII вв. М., 1985 // Советские архивы, 1987. № 1. С.102.
- 78 Янковая В.Ф. Русское делопроизводство в сборниках образцов документов конца XVIII - начала XX в. // Советские архивы. 1989. № 4. С.24.
- 79 Шмидт С.О., Князьков С.Е. Указ. соч. С.28.
- 80 Но еще первому министру внутренних дел В.П.Кочубею пришлось выступить с требованием не употреблять "слог партикулярных писем" в делопроизводственных бумагах. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. С.131.

- 81 Ключевский В.О. Указ. соч. Т.4. С.60, 62.
- 82 Подъяпольская Е.П. Об истории и научном значении издания "Письма и бумаги императора Петра Великого" // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С.64-65.
- 83 Именной указ 13 января 1724 г. Законодательные акты Петра I. С.260.
- 84 См., напр.: Именной указ 26 июня 1724 г. ПСЗ-I. Т.7. № 4535. С.327. Среди причин "живучести" эпистолярного стиля в служебной переписке можно отметить бюрократизацию аппарата управления и как следствие, фетишизация бумаги. Поднялся авторитет секретаря канцелярии. Отсюда два потока бумаг: официальных на имя председателя присутствия и личных, с деловым содержанием, к секретарю. Большая почта была у фаворитов. Литературный талант требовался для написания реляций - это обещало чины, награды. В целом, как писал А.Суворов, "Реляция, письмо, записка действуют каждая по-своему, дабы усилить впечатление..." Письмо Суворова А.В. - принцу К.Г.Носову-Зигену, 20 июня 1788 г. // А.В.Суворов. Письма. М., 1987. С.159.
- 85 Памятники московской деловой письменности XVIII в. М., 1986. С.6-9. Но определенность синтаксического строя памятника делопроизводства обуславливается его социальной функцией. Такая зависимость в "грамотках" проявляется слабее из-за дифференциации стилей, свойственных разным сферам общения. Социальная роль документа создает лингвистические предпосылки для выработки словесных формул, из которых состоит формуляр.
- 86 Сенатский указ 26 ноября 1722 г. ПСЗ-I. Т.6. № 4.125.С.792. Аналогичное требование содержится в инструкции Ревизион-конторе. Инструкция, данная Ревизион-конторе, 4 декабря 1722 г. Там же. № 4.127. С.794.
- 87 Именной указ 11 мая 1722 г. ПСЗ-I. Т.6. № 4008. С.678. Царь повелел составить коллегиям регламенты по примеру Адмиралтейской коллегии.
- 88 Именной указ 27 сентября 1784 г. ПСЗ-I. Т.20. № 16.074. С.221-222.
- 89 Сенатский, в следствие именных указов. 19 февраля 1786 г. Там же. Т.22. № 16.329. С.534.
- 90 ЦГАДА. Ф.248. Сенат. Д.6570. Канцелярия генерал-прокурора Сената. Кн.1-4.
- 91 Доклад Военной коллегии Александру I от 3 июня 1808 г. ЦГВИА. Ф.1. Канцелярия военного министерства. Оп.1. Т.1. Д.2346. Ч.1. Л.10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Кистерев С.Н. К источниковедению указной книги Поместного приказа	5
Овчинников Р.В. Из комментариев к "Замечаниям о бунте"	24
Муравьева Л.Л. О начале летописания в Троице-Сергиевом монастыре	40
Медушевский А.Н. Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи Просвещенного абсолютизма. Сравнительное историко-правовое исследование	71
ГлушакOVA Ю.П. Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей	105
Иванов В.А. О репрезентативности комплекса послужных списков служащих местных государственных учреждений. (К методике анализа)	128
Востокова Н.П. О характере источников по истории реформы 1866 г. в государственной деревне и приемы их разыскания	145
Синицына Е.В. Ростовские хронографы и хронограф Спасского монастыря в составе библиотеки Ярославского архиерейского дома	173
Лукашевич А.А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII века	189

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768. 15.04.93.

Подписано к печати 30.11.93. Формат 60x84/16. Заказ № 7
Тираж 300 экз. 13,25 п.л. 11 уч.-изд.л. Цена договорная.

УОП Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19